

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 12

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН,
Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 12

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China), S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan),
V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Международный коридор «Север – Юг»: транспортный проект или большая геополитика?	5
---	----------

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Евтушенко А.В., Зуенко И.Ю. (Москва), Фоминых А.Е. (Йошкар-Ола). От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества (к 10-летию межрегиональной программы «Волга–Янцзы»)	15
Лошкарёв И.Д. Диаспоральная политика Эфиопии: институциональное измерение	24
Жилина Л.В. (Омск). Япония: демографический кризис	33
Филимонова А.Л. <i>Панджабият vs «Панджабистан»</i> : специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана)	41
Елькина Е.А. Египетский феминизм: история, достижения и проблемы	50
Коледенкова Н.Н. Модернизация промышленного производства Китая	58
Корнев Е.С. (Саратов). Военно-политическая активность НАТО в Африке	66
Серегина А.А. Энергетическое сотрудничество на Африканском континенте	74
Содержание за 2023 год	82

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Luzyanin S.G., Semenova N.K.** International Corridor “North – South”: The Transport Project, or Big Geopolitics? **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Evtushenko A.V., Zuenko I.Y.** (Moscow), **Fominykh A.E.** (Yoshkar-Ola). From Sister Cities to “Macroregions Paradiplomacy”: A Search of Russo-Chinese Cooperation New Forms (on 10 Years of Volga–Yangtze Regional Program) **15**
- Loshkariov I.D.** Diaspora Policy in Ethiopia: Institutional Dimension **24**
- Zhilina L.V.** (Omsk). Japan: Demographic Crisis **33**
- Filimonova A.L.** *Punjabiyat* vs “Punjabistan”: Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan) **41**
- Elkina E.A.** Egyptian Feminism: History, Achievements and Problems **50**
- Koledenkova N.N.** China. Modernization of Industrial Production **58**
- Korenev E.S.** (Saratov). Military-Political Activity of NATO in Africa **66**
- Seregina A.A.** Energy Cooperation on the African Continent **74**
- Journal Contents for 2023** **82**
-

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750029003-5

Международный коридор «Север – Юг»: транспортный проект или большая геополитика?

© Лузянин С.Г.^{a,b,d}, Семенова Н.К.^{c,e}, 2023

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

^c Институт востоковедения РАН

^d ORCID 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^e ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме: Разработка международного инфраструктурного проекта «Север – Юг», призванного обеспечить транспортные связи России как со странами страны Африки, так и с Ираном, Индией, Пакистаном, Ираком, Турцией и др., началась еще в 2000 г. Реализация его в сложных геополитических условиях напрямую связана с созданием реальных альтернатив традиционному морскому пути, соединяющему Европу, страны Персидского залива и Индийского океана через Суэцкий канал. Предусматривается возможность стыковок инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) с российско-иранским международным транспортным коридором, а также проектами в Центральной Азии и зоне Каспийского моря. Россия – главное звено Международного транспортного коридора транспортировки пассажиров и грузов от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Бомбей) (МТК «Север – Юг»).

В статье анализируются ключевые транспортно-экономические и международно-политические аспекты проекта «Север – Юг», включая внутренние российские и внешние южно-кавказские (Азербайджан, Армения), каспийские (иранские), индийские и китайские характеристики, возможности оптимизации и варианты дальнейшей российской региональной интеграции на евразийском континенте.

Ключевые слова: МТК «Север – Юг», Россия, Иран, Азербайджан, Индия, Китай, ОПОП, торговля, инвестиции

Для цитирования: Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Международный коридор «Север – Юг»: транспортный проект или большая геополитика? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750029003-5

International Corridor “North – South”: The Transport Project, or Big Geopolitics?

© Sergey G. Luzyanin^{a,b,d}, Nelli K. Semenova^{c,e}, 2024

^a HSE, Moscow, Russia

^b MGIMO (University), Moscow, Russia

^c Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^d ORCID 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

^e ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Abstract. The development of the International Transport Corridor “North-South”, designed to provide transport links both with African countries and with India, Pakistan, Iraq, Turkey, etc., began back in 2000. The implementation of the project in the current difficult geopolitical conditions turns it into a real alternative to the sea route connecting Europe, the countries of the Persian Gulf and the Indian Ocean through the Suez Canal. The Chinese vision of the project focuses on the possibilities of connecting the One Belt and One Road initiative with the Russian-Iranian ITC, as well as the projects in Central Asia and the Caspian Sea zone. Russia is the main link of the North – South international transport corridor, which is moving from an applied transport and technological project into the category of Russian instruments of great geopolitics.

The article analyzes the key transport, economic and international political aspects of the North – South project, including internal Russian and external South Caucasus (Azerbaijan, Armenia), Caspian (Iranian), Indian and Chinese characteristics, optimization opportunities and options for further Russian regional integration on the Eurasian continent.

Keywords: ITC “North – South”, Russia, Iran, Azerbaijan, India, China, One Belt and One Road, trade, investment

For citation: Luzyanin S.G., Semenova N.K. International Corridor "North – South": The Transport Project, or Big Geopolitics? *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029003-5

ВВЕДЕНИЕ

Разработка Международного транспортного коридора «Север – Юг» (МТК), призванного обеспечить транспортные связи России как со странами Африки, так и с Индией, Ираном, Пакистаном, Ираком, Турцией и др., началась еще в 2000 г. По разным причинам после непродолжительного функционирования перевозки по МТК были приостановлены и действовали только на некоторых региональных маршрутах.

Возрождение в настоящее время полноценного функционирования МТК «Север – Юг» происходит на фоне развивающейся с 2013 г. китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) и реформирования европейских и азиатских региональных транспортных структур в связи с продолжающейся российской СВО на Украине и прокси-войной между коллективным Западом и Россией. Разрастающийся ближневосточный кризис, создающий потенциальные угрозы блокады поставок через Суэцкий канал, Ормузский пролив и др., также объективно усиливает значимость и важность новых направлений и маршрутов в системе «Север – Юг».

В этих условиях для РФ и других государств Большой Евразии, которая, согласно классификации ООН, включает в себя как весь Евразийский континент, так и 7 африканских стран, всё более актуальным становится поиск новых возможностей развития транспортных, инвестиционных и торговых проектов не только на китайских маршрутах, но и в южных направлениях с переводом части транспортной логистики и товарных поставок через Каспийскую зону и Кавказ в страны Среднего Востока, Центральной и Южной Азии.

Проблематика транспортного коридора «Север – Юг» стала активно разрабатываться в последние 3 года в российской и зарубежной, в т.ч. в китайской экспертной литературе. Вышел ряд статей, посвященных как анализу специальных, прикладных вопросов, связанных с экономическими расчетами рентабельности/нерентабельности различных южных маршрутов, систем перевозок и номенклатуры товаров [1, с. 28–32; 2, с. 330–334], так и регионально-глобальным возможностям и перспективам проекта «Север – Юг» для его ключевых участников [3, с. 226–227].

Особое внимание эксперты обращают на российскую часть МТК, в частности, на кооперационные и транспортные возможности укрепления продовольственной безопасности России [4, с. 14–24], варианты стыковок российских транспортных коридоров с китайской инициативой ОПОП [5, с. 46–48], а также с иранскими [6, с. 47–53] и индийскими проектами в рамках углубления отношений России с Ираном и Индией на торгово-экономических и инвестиционных площадках [7, с. 324–327].

Россия – главное звено коридора, в рамках которого предусмотрено более 100 проектов с российским участием общей стоимостью около \$38 млрд¹.

Внутрироссийский сегмент представлен действующим железнодорожным сообщением до каспийского порта Оля в Астраханской области и сквозным путем от Санкт-Петербурга до Каспия, включая универсальный порт Усть-Луга (в Лужской губе Финского залива) трассы «Нева – Москва» и др. Подписание 17 мая 2023 г. В.В.Путиным и иранским президентом Э.Раиси Соглашения о строительстве железной дороги «Решт – Астара»², призванной соединить железные дороги России и Ирана, означает создание сквозного железнодорожного маршрута от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Индия) и превращение проекта из прикладного транспортно-технологического в разряд российских инструментов большой геополитики.

ПРОЕКТ «СЕВЕР – ЮГ»: ФОРМИРОВАНИЕ КОРИДОРА

Разработка Международного мультимодального транспортного коридора «Север – Юг» началась в 2000 г. с подписания Декларации о привилегированном стратегическом партнерстве между Россией и Индией³, к которому тогда же присоединился Иран. В 2002 г. на Второй Евразийской конференции

¹ См.: <https://tass.ru/ekonomika/17669495> (accessed 20.10.2023)

² См.: <https://ria.ru/20230517/putin-1872335188.html> (accessed 22.10.2023)

³ См.: <https://docs.cntd.ru/document/901783728> (accessed 21.10.2023)

по транспорту в Санкт-Петербурге Россия, Иран и Индия заключили межправительственное Соглашение о создании международного транспортного коридора «Север – Юг»⁴. В 2000–2002 гг. по коридору были направлены 2,4 тыс. индийских контейнеров [8], которые подтвердили эффективность перевозок.

Однако в дальнейшем транспортировка контейнеров из Индии через Астрахань была заморожена, и контейнерные перевозки по коридору «Север – Юг» ограничились маршрутом «Россия – Иран». Причины приостановки маршрута были связаны с технико-логистическими проблемами – отсутствие единого оператора, недостроенные участки железных дорог, отсутствие механизма единого окна на всем протяжении МТК «Север – Юг», а также некоторыми финансовыми ограничениями – большими потерями перевозчиков и экспедиторского бизнеса и др. [9].

При этом проект оставался привлекательным и к договору присоединились еще 10 стран – Казахстан, Беларусь, Оман, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Сирия, Турция. Болгария с 2006 г. является наблюдателем.

После начала СВО и резкого обострения обстановки в Европе и на Украине традиционные транспортные и логистические цепочки доставки товаров в Республике Беларусь, Российской Федерации и других государствах – членах Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) оказались перед лицом серьезных вызовов. Использование западного направления перевозок через сухопутные международные автомобильные пункты пропуска на границах со странами Европы, а также через морские порты Балтийского бассейна, которые в совокупности обеспечивали внешнеэкономические связи со странами Европы, Северной, Латинской Америки и Азии, стало в значительной степени затруднено. Грузовладельцы и представители транспортно-логистического бизнеса начали поиск новых маршрутов доставки экспортных и импортных грузов, альтернативных морских портов и пунктов пересечения границ для обеспечения устойчивых торгово-экономических связей [9].

Украинский кризис, который выявил геополитическую неустойчивость в бассейне Черного моря, и блокада российских коммуникаций со стороны Запада вынудили Москву действовать на южном направлении, выстраивая новую транспортную логистику.

Санкт-Петербург, как окно в Европу, сейчас фактически закрылся, сложности испытывает и Новороссийск. При этом производители ищут новых поставщиков и новые каналы поставок для своего импорта и экспорта, поскольку европейские партнеры в большинстве своем самоустранились, а налаженные логистические цепочки рассыпались⁵.

В основе перестройки транспортных маршрутов в ЕАЭС лежит санкционный запрет на поставку в Россию и Республику Беларусь широкого перечня товаров (в первую очередь различных машин, оборудования и комплектующих), а также на приобретение отдельных видов товаров у российских и белорусских компаний (например, металлов, продукции деревообработки).

К числу дополнительных препятствий относится добровольный отказ компаний из стран Европейского Союза (ЕС), Великобритании, США, Канады и других стран приобретать белорусскую и российскую продукцию, а также поставлять широкий спектр товаров в Беларусь и Россию, что коренным образом меняет логистику доставки этих товаров. Автотранспортным операторам из Беларуси и России запрещено осуществлять международные автомобильные перевозки грузов в/из стран ЕС. Запрещен также заход судов под российским флагом в порты стран ЕС, США, Великобритании и Канады.

Ситуация осложняется добровольным отказом контейнерных судоходных линий (*Maersk, CMA CGM, Hapag Lloyd* и др.), а также перевозчиков на Балтике (*X-Press Feeders, Samskip* и др.) работать с российскими грузами и российскими морскими портами и уходом международных грузовых экспресс-перевозчиков (*DHL, FedEx* и др.) с российского рынка, фактическим прекращением международных перевозок грузов и почты российскими грузовыми авиакомпаниями [9].

После февраля 2022 г., в условиях перестройки транспортных и логистических коридоров, интерес к российскому проекту активизировался. Летом 2022 г. Иран и Азербайджан подписали Декларацию о развитии транспортного коридора «Север – Юг»⁶, где выразили готовность к сотрудничеству в области оценки и анализа инфраструктур этого маршрута и его транспортных возможностей. Одновременно

⁴ См.: <https://docs.cntd.ru/document/901828641> (accessed 21.10.2023)

⁵ Диалоги о коридоре Север-Юг. Информационно-аналитическое агентство SeaNews. 11.05.2022. <https://seanews.ru/2022/05/11/ru-dialogi-o-koridore-sever-jug/> (accessed 20.10.2023)

⁶ См.: <http://government.ru/news/46488/> (accessed 22.10.2023)

был согласован и принят Меморандум об упрощении транзитных перевозок⁷, что означало фактически новый запуск транспортного коридора «Север – Юг», который становится в условиях закрытия Европы важным маршрутом доставки грузов в Россию.

СТРАНОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В настоящее время использование инфраструктуры коридора «Север – Юг» позволяет расширить географию перевозок на следующих направлениях:

– в страны, традиционно тяготеющие к коридору (Индия, Пакистан, государства Персидского залива, Южной Азии), поскольку именно на них переориентируется внешняя торговля России и Беларуси в изменившихся геополитических условиях;

– из стран Европы через Турцию и Азербайджан в Россию в рамках сопряжения МТК «Север – Юг» с Международным транспортным коридором «Европа – Кавказ – Азия» (МТК ТРАСЕКА)⁸;

– из стран Африки и Латинской Америки через турецкие порты (замещение морских линий на порты Балтики);

– из стран АТР через иранские порты Персидского залива (замещение морских линий на порты Балтики) [9].

МТК «Север – Юг» в своей южной части предполагает несколько маршрутов следования грузов с использованием железнодорожного транспорта:

– Транскаспийский маршрут с использованием российских морских портов Астрахань, Оля, Махачкала и портов Ирана – Бендер-Энзели, Ноушехр и Бендер-Амирабад (см. *карту 1*);

– Западная ветвь коридора – прямое железнодорожное сообщение через пограничные переходы Самур (Россия) – Ялама (Азербайджан), с дальнейшим выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничный переход Астара (Азербайджан) – Астара (Иран) (см. *карту 1*).

– Восточная ветвь коридора – прямое железнодорожное сообщение через Казахстан, Узбекистан и Туркменистан с выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничные переходы Серахс (Туркменистан) – Серахс (Иран) и Акяйла (Туркменистан) – Инче Бурун (Иран) (см. *карту 1*).

Очевидно, что реализация сети транспортных коридоров «Север – Юг» превращает его в реальную альтернативу морскому пути, соединяющему Европу, страны Персидского залива и Индийского океана через Суэцкий канал (см. *карту 1*). Срок доставки грузов из Мумбаи в Санкт-Петербург и обратно теоретически может сократиться до 15–24 дней, в то время как маршрут через Суэцкий канал предполагает срок доставки 30–45 дней. МТК «Север – Юг», при условии введения в строй всей заявленной инфраструктуры, уменьшит время и стоимость грузоперевозок на 30–40%, лишая Суэцкий канал его монопольного статуса в системе международных морских перевозок.

Совокупный потенциал контейнерных перевозок по МТК «Север – Юг», включающий в себя 3 основных маршрута (см. *карту 1*) и все виды транспорта, может составить от 5,9 до 11,9 млн т к 2030 г. При этом эффект сопряжения МТК «Север – Юг» с евразийскими широтными транспортными коридорами, связывающими восток и запад, обеспечивает от 2,3 до 4,4 млн т, или порядка 40% совокупного потенциала контейнерных перевозок⁹.

МТК «Север – Юг» призван обеспечить транспортные связи как со странами Африки, так и с Индией, Пакистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Ираном, Ираком, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Турцией. Происходит переориентация грузопотока на российском направлении. Проект становится «дорожной картой» развития инфраструктуры и логистики северо-западной и южной части Евразии. Страны Каспия, монархии Персидского залива, Индия, которые и раньше ориентировались на наращивание экономических связей с Москвой, теперь будут играть роль стыковочных узлов России с международной экономикой.

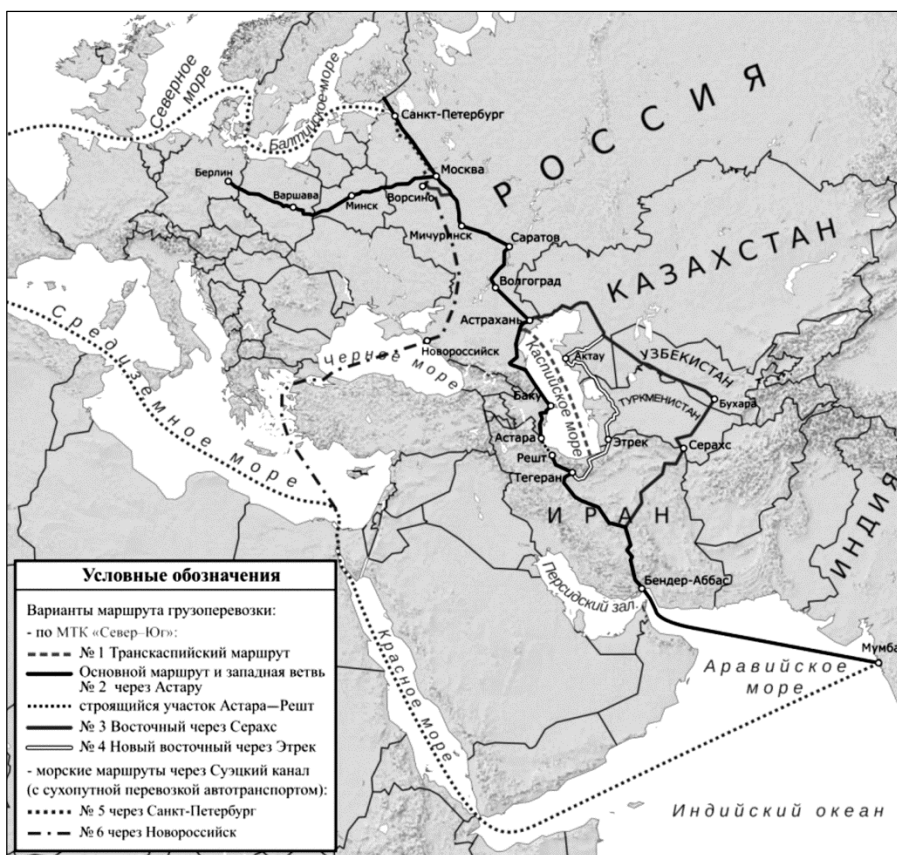
Транспортный интерес Ирана просматривается в его желании восстановить железнодорожное сообщение с Россией через территории Армении и Грузии, а также связать Персидский залив через грузин-

⁷ <https://tass.ru/ekonomika/15530665> (accessed 22.10.2023)

⁸ См.: <http://www.traceca-org.org/> (accessed 22.10.2023)

⁹ Винокуров Е., Ахунбаев А., Шашкенов М., Забов А. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. Алматы, Москва: ЕАБР, 2021.

ские порты с Бургасом и Варной и далее – с Европой через Черноморский регион, в том числе снизив зависимость от Турции¹⁰. Переход Тегерана от экспортно-сырьевой к транспортно-перерабатывающей деятельности позволит Ирану обрести новую степень экономической независимости, загрузив российские предприятия дополнительными объемами заказов¹¹.

Карта 1. МТК «Север – Юг» и морской маршрут через Суэцкий канал.
Map 1. MTK “North – South” and the sea route through the Suez Canal.

Источник: [10, с. 200–213].

Традиционно страны Южного Кавказа представляют интерес для Тегерана в первую очередь как транзитный коридор для обеспечения доступа иранских товаров на европейский и российский рынки. Иран прилагал усилия для развития портов, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры, стремясь стать крупным региональным транспортным хабом и связующим звеном для индийских, китайских и российских экономических проектов¹².

Ключевое значение с точки зрения интересов Ирана приобрел транзитный потенциал территории Азербайджана – только через неё мог пройти прямой сухопутный маршрут для иранских товаров на российский рынок. На этом фоне основным инфраструктурным проектом для Тегерана на Южном Кавказе в течение последних лет стало строительство железнодорожного участка Астара – Решт – Казвин (как звена МТК «Север – Юг»). Этот участок станет транспортным коридором, который соединит действующие железные дороги России, Азербайджана и Ирана [11, с. 76–90]. Помимо Азербайджана, Тегеран рассматривал возможность строительства железнодорожной линии в Армению [12, с. 110–122].

Вооруженное столкновение в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. и обострение ситуации в сентябре 2023 г., включая интеграцию Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, массовую миграцию армян-

¹⁰ См.: <https://regnum.ru/article/3786156> (accessed 23.10.2023)

¹¹ См.: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/corridors/corridor/ (accessed 23.10.2023)

¹² Андреева Е.С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе. *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 5 (68), с. 104–116. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_5_104

ского населения на территорию Армении, и общая политическая нестабильность на Южном Кавказе, сохраняют риски нарушения логистических цепочек и темпов развития транспортного коридора «Север – Юг», в т.ч. и для России, тесно связанной и с Арменией, и с Азербайджаном.

По итогам 2022 г. товарооборот между Азербайджаном и Россией увеличился на 23,9% по сравнению с предыдущим годом и достиг \$3,71 млрд. С Арменией этот показатель вырос более чем на 70%, превысив \$4 млрд. Обе страны играют важную роль для России в качестве импортеров. Через Армению в основном идет реэкспорт автомобилей, высокотехнологичного оборудования, станков, химии и другой продукции. Армения сильно зависит от РФ в сфере энергетики, в частности в поставках газа. Потеря транзитного хаба Армении может стать для России серьезным негативным фактором.

КИТАЙСКИЙ ИНТЕРЕС

В территориально-структурном плане МТК «Север – Юг» представляет собой сеть морских, железнодорожных и автомобильных маршрутов, которая проходит от индийских портов Нава-Шева и Мумбаи через иранские порты Бендер-Аббас и Бендер-Энзели, а затем – через российские порты Оля и Астрахань и далее до Санкт-Петербурга с использованием морского, речного и железнодорожного транспорта для перевозки грузов, как уже упоминалось, между Ираном, Индией, Афганистаном, Азербайджаном, Россией, Арменией, Центральной Азией и Европой.

Китайское видение данного проекта концентрируется на возможностях и вариантах наиболее эффективных стыковок и кооперации Инициативы «Один пояс – один путь» с российско-иранским маршрутом. По мнению большинства китайских экспертов, такие «стыковочные зоны» возможны и перспективны в Центральной Азии, включая выход МТК «Север – Юг» на китайский проект железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», и в зоне Каспийского моря, географически объединяющие ключевых участников проекта «Север – Юг» – Россию, Иран, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, отношения КНР с каждым из которых находятся на высоком уровне¹³.

Однако Китай обращает внимание на ряд неблагоприятных субрегиональных факторов, к которым в первую очередь до недавнего времени относил сложную ситуацию на Южном Кавказе, включая армяно-азербайджанский конфликт по вопросу Нагорного Карабаха и напряженные российско-грузинские отношения [13, с. 44–45].

К неблагоприятным политическим факторам китайские ученые также относят несовпадение позиций Китая и Индии по ряду территориальных и иных вопросов, включая неучастие Нью-Дели в китайской инициативе «Один пояс – один путь» и ответную отрицательную реакцию Пекина на индийские транспортные проекты.

В китайском экспертном сообществе высоко оценивают вклад России в развитие проекта «Север – Юг», подчеркивая, что, благодаря российским инвестициям в объеме \$4 млрд. в иранские нефтяные месторождения и в железнодорожное строительство, ключевое недостающее звено коридора «Решт – Астара» будет успешно реализовано, что «позволит России выходить через Иран в Персидский залив, соединяя Каспийское море с Европой для создания новых логистических цепочек на Ближний Восток, в Восточную Африку, Индию и Южную Азию»¹⁴.

Китайские ученые Ян Лэй и Хуан Чэнфэн отмечают, что «новая логистическая реальность на севере Евразии – это очевидный факт», и российская транспортная инфраструктура к ней успешно адаптируется. В подтверждение этому – четырехкратный рост торговли России с Ираном в 2022 г., при этом экспорт иранских товаров в РФ увеличился на 70% с марта 2022 г.

Одновременно для Северного морского пути строятся не только ледоколы, но и флот аварийно-спасательных и гидрографических судов, пополняется парк спутников связи и навигации. «Российские грузовые авиалинии» ищут способы заменить попавшие под санкции «Боинги». Минпромторг готовится выделить на возобновление производства 15,4 млрд руб., а Госкорпорация «Ростех» планирует выпускать до 10 самолетов в год [14, с. 194–210].

¹³ 新的运输走廊 [Новый транспортный коридор]. *ERAI*. (In Chin.). <https://index1520.com/cn/analytics/novye-transportnye-koridory/> (accessed 24.10.2023)

¹⁴ <https://www.railfreight.cn/european-rail/2022/07/28/国际南北走廊有新进展！它能成为俄罗斯的救命/> (accessed 25.10.2023)

Учитывая ведущую роль России, эксперты КНР отмечают особое значение Ирана, который является, как они отмечают, ключевым звеном в строительстве и развитии данного международного транспортного коридора и зоной пересечения экономического коридора «Китай – Центральная Азия – Западная Азия» с проектом «Север – Юг» [14, с. 194–210].

РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ, ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ

«Север – Юг» является наиболее важным на данный момент транспортно-логистическим коридором для России. Грузопоток по МТК, по разным оценкам, к 2030 г. должен возрасти с 15 млн т втрое – до 41–45 млн т, а в перспективе – до 60–100 млн т¹⁵.

В текущем году в коридоре «Север – Юг» прибавилось порядка 10 млн т российских экспортных грузов, в основном предназначенных для транзита через Иран. Это российские пиломатериалы для Ирака, Афганистана, Пакистана и стран Персидского залива, уголь (энергетический и коксующийся) для Ирана, Индии и Пакистана, нефтепродукты для Ирака и ОАЭ, мука для стран Персидского залива, Пакистана, Афганистана и Ирака, металлопрокат, минудобрения для Индии, Пакистана и стран Персидского залива¹⁶.

Иран также получает из России по этому маршруту машины, оборудование, зерно, пиломатериалы, химикаты в общей сложности на \$4 млрд, порядка 0,5–1 млн т зерна, а общий импорт составляет около 18 млн т.

МТК включает инфраструктуру железнодорожного, автомобильного и внутреннего водного транспорта, морские порты на Каспии (Астрахань, Оля, Махачкала, Баку/Алят, Актау/Курык, Туркменбаши, Энзели, Ноушехр, Амирабад), порты Персидского залива (Бендер-Аббас и Чабахар), автомобильные и железнодорожные пункты пропуска, а также международные аэропорты.

По МТК «Север – Юг» Россия экспортирует энергоносители, зерно, лесные и строительные грузы, удобрения, а импортирует потребительские товары, продовольствие и технику. Основной экспорт товаров идет из России и частично из Белоруссии (продукция бытовой химии, синтетическое волокно, сухофрукты, продукция химической промышленности и керамика).

Основным товаром, перевозимым по МТК «Север – Юг» является зерно. К 2030 г. объем перевозимого зерна может составить 13 млн т. В то же время грузопоток металла достигнет 113 тыс. TEU¹⁷, перевозка древесины и бумаги – 68 тыс. TEU, машин и оборудования – 27–50 тыс. контейнеров [15, с. 389–391].

Российский сегмент проекта также представлен действующим железнодорожным сообщением до каспийского порта Оля в Астраханской области и сквозным путем от Санкт-Петербурга до Каспия, включая универсальный порт Усть-Луга, трассы М11 («Нева – Москва»), М6 (Р-22: «Кашир – Астрахань»), М4 (трасса «Дон»), астраханские порты Астрахань, Оля, Махачкала, порт в Калмыкии Лагань.

Структурная основа МТК «Север – Юг» на территории РФ пока имеет мозаичную готовность, но сквозной путь от Северной столицы до Каспия практически проложен, включая автодороги, железнодорожные пути, порты. Сформирована инвестиционная база до 2030 г., в которую вошли 102 проекта, в т.ч. 52 на территории России. Объем инвестиций по трем маршрутам коридора, проходящим через Азербайджан, Армению, Иран, Казахстан, Россию и Туркменистан, составляет, как отмечалось выше, \$38,2 млрд, из них почти 35% приходится на Россию, 34% – на Иран, 16,5% – на Казахстан¹⁸.

Наибольшую капиталоемкость имеет развитие наземной инфраструктуры коридора «Север – Юг», в первую очередь автомобильных и железных дорог – свыше 86% всех инвестиций, включая развитие портовой инфраструктуры в РФ, строительство «сухих портов», реконструкцию приграничных ж/д участков РФ и Азербайджана и др.¹⁹

¹⁵ <https://dzen.ru/a/ZGn9nIHfMVSvvCNP> (accessed 27.10.2023)

¹⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/6030407> (accessed 29.10.2023)

¹⁷ 1 TEU – объем, занимаемый 20-футовым контейнером (прим. авт.)

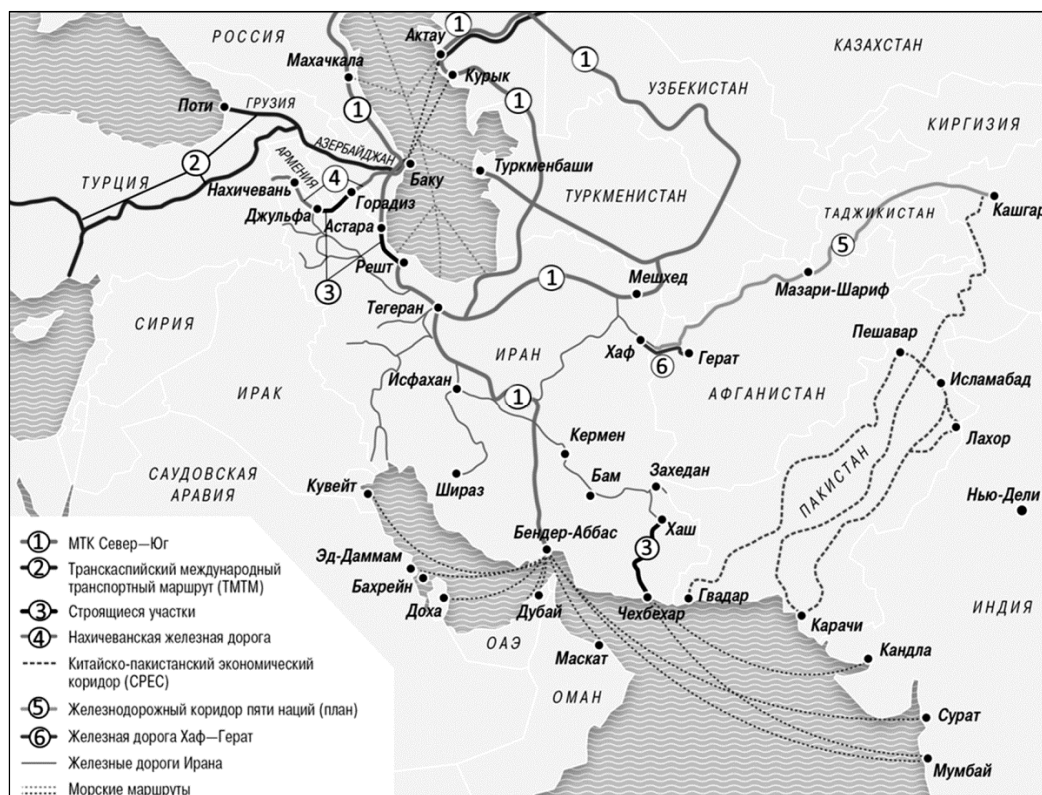
¹⁸ Алексеев Д. Из варяг в Индию: транспортный коридор «Север-Юг» хотят достроить на частные средства. *Экономика*. 09.09.2023. <https://iz.ru/1507776/dmitrii-alekseev/iz-variag-v-indiiu-transportnyi-koridor-sever-iug-khotiat-dostroit-na-chastnyye-sredstva> (accessed 25.10.2023)

¹⁹ Там же.

Стержневым направлением развития транзитных и внешнеторговых грузопотоков на российской территории является железнодорожное направление Бусловская (станция в Ленинградской обл.) – Санкт-Петербург – Москва – Рязань – Кочетовка – Ртищево – Саратов – Волгоград – Астрахань протяженностью 2,513 тыс. км²⁰. В систему международных транспортных коридоров входят также железнодорожные участки по направлениям Москва – Ростов-на-Дону (Астрахань) – Махачкала – Дербент и далее – в Азербайджан, Иран, страны Персидского залива и Индию.

В рамках развития единой глубоководной транспортной сети России ведутся работы по углублению на Волго-Каспийском канале, что позволит судам с осадкой до 3,6 м на реке и до 4,5–4,6 м на море заходить в порты Оля и Астрахань, не только повышая роль Астраханской области как региона отправки и приемки грузов, но и обеспечивая рост мультимодальных перевозок. Доставка и вывоз грузов в морские порты Астрахань и Оля будут производиться как железнодорожным, так и речным транспортом.

Каспийский формат для России на сегодняшний день – один из центральных сегментов логистики. Порядка 90% грузопотока идет через Каспий из России на Иран, остальные 10% – это грузы из Ирана и «поперечное» плавание между Азербайджаном и Туркменией. Функционируют участки между Казахстаном, Туркменистаном и Ираном, три основных маршрута МТК: первый – по западному берегу Каспийского моря через Иран, Азербайджан и Дагестан; второй маршрут морской, обеспечивающий взаимосвязь между портами всех государств бассейна Каспийского моря; и третий – по восточным берегам Каспия через Иран, Туркмению и Казахстан (см. карту 2).

Карта 2. Маршруты МТК Север-Юг и региональные транспортные пути.

Map 2. MTC North – South routes and regional transport routes.

Источник: Колея в большую игру. *Коммерсантъ*, 09.06.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6030407> (accessed 26.10.2023)

17 мая 2023 г. В.В.Путин и иранский президент Э.Раиси провели церемонию подписания Соглашения о строительстве железной дороги между иранскими городами Решт и Астера²¹, заключительного

²⁰ Цзюй Ин. Международные транспортные коридоры ЕАЭС – КНР: формирование, развитие и вызовы. *Наука и инновации*. 2020. № 11, с. 47–53. DOI: 10.29235/1818-9857-2020-11-47-53

²¹ См. <https://www.interfax.ru/russia/901822> (accessed 26.10.2023)

участка на западном маршруте МТК «Север – Юг»; единственное недостающее звено – участок недостроенной железной дороги. Отсутствие этого участка препятствовало созданию сквозного железнодорожного сервиса мультимодального маршрута от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Индия) протяженностью 7,2 тыс. км.

При этом объективно увеличиваются возможности выхода коридора на иранский порт Бендер-Аббас и дальнейшее продление пути до индийского Мумбаи, что создает для России и стран ЕАЭС дополнительные варианты выхода на арабские страны и Индию, увеличивая географию грузовых перевозок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях обострения отношений с Западом и продолжающейся СВО на Украине, России объективно требуется создание своего «Шелкового пути», которым фактически может стать формирующийся международный транспортный коридор «Север – Юг». Задача превращения его из регионального, обеспечивающего в настоящее время грузопотоки из России в Азербайджан и Иран, в комплексный стратегический проект, включая получение доступа на индийские и ближневосточные рынки, а также стимулирование модернизации и развития внутрироссийских регионов Северного Кавказа, Каспия и других, успешно решается российским руководством. При этом развивающийся системный кризис и конфликты на Ближнем Востоке в настоящее время и на перспективу резко повышают шансы для превращения коридора «Север – Юг» в реальную альтернативу Суэцкому каналу.

Учитывая высокий уровень российско-китайского стратегического партнерства и результаты десятилетней китайской инициативы «Один пояс – один путь», сопряжение двух проектов дает возможность формирования большого транспортного и торгово-инвестиционного «евразийского креста» – с севера на юг и с востока на запад, позволяющего не только эффективно осваивать территорию Большой Евразии, но и геополитически обеспечивать самодостаточность и независимость развития России. Проект «Север – Юг» всё больше и больше из прикладного транспортно-технологического формата переходит в разряд российских инструментов большой геополитики, совмещая одновременно инфраструктурные и геополитические функции.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арсенов В. Международный транспортный коридор «Север – Юг». *Азия и Африка сегодня*. 2003, № 5 (550). С. 28–32.
Arsenov V. 2003. International transport corridor “North – South”. *Asia and Africa today*. № 5 (550). Pp. 28–32. (In Russ.)
2. Ковалев К.Е. Оценка экономической привлекательности поставок грузов по маршрутам мультимодального международного транспортного коридора «Север-Юг». *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2023, № 4. С. 330–334.
Kovalev K.E. 2023. Assessment of the economic attractiveness of cargo supplies along the routes of the multimodal international transport corridor “North-South”. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. № 4. Pp. 330–334. (In Russ.)
3. Крюкова Е.В., Мацуй Е.А., Дрозд О.В. Перспективы развития международного транспортного коридора «Север – Юг». *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2023, № 3. С. 226–227.
Kryukova E.V., Matsui E.A., Drozd O.V. 2023. Prospects for the development of the international transport corridor “North – South”. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. № 3. Pp. 226–227. (In Russ.)
4. Кричкер Д.Р. Роль международного транспортного коридора «Север – Юг» в решении глобальных и национальных проблем продовольственной безопасности. *Теория и практика мировой науки*. 2023, № 7. С. 14–24.
Krichker D.R. 2023. The role of the international transport corridor “North – South” in solving global and national problems of food security. *Theory and practice of world science*. № 7. Pp. 14–24. (In Russ.)
5. Неводчикова Е.Р. Анализ совместимости проектов международных транспортных коридоров «Север – Юг» и «Один Пояс и Один Путь». Каспий в цифровую эпоху. Астрахань, 2021. С. 46–48.
Nevodchikova E.R. 2021. Analysis of the compatibility of the projects of the international transport corridors “North – South” and “One Belt, One Road”. *Caspian Sea in the digital era*. Astrakhan. Pp. 46–48. (In Russ.)
6. Андреев В.Ю. Экономическое сотрудничество России и Ирана в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг» на современном этапе. Развитие предпринимательства как фактор роста экономики. М., 2023. С. 47–53.

- Andreyuk V.Yu. 2023. Economic cooperation between Russia and Iran within the framework of the international transport corridor “North-South” at the present stage. Entrepreneurship development as a factor in economic growth. Moscow. Pp. 47–53. (In Russ.)
7. Далджит С. Влияние транспортного коридора «Север – Юг» на экономическую интеграцию России и Индии: анализ возможностей и проблем. *Экономика и предпринимательство*. 2023, № 5 (154). С. 324–327. DOI: 10.34925/EIP.2023.154.5.061
Daljit S. 2023. The impact of the North-South transport corridor on the economic integration of Russia and India: Analysis of opportunities and challenges. *Economics and entrepreneurship*. № 5 (154). Pp. 324–327. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2023.154.5.061
8. Семедов С.А., Шилова А.В. Проект МТК «Север – Юг»: проблемы и перспективы. *Обозреватель – Observer*. 2023, № 2. С. 52–61. DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_52
Semedov S.A., Shilova A.V. 2023. The North-South ITC project: problems and prospects. *Observer*. № 2. Pp. 52–61. (In Russ.)
9. Винокуров Е., Ахунбаев А., Забоев А., Усманов Н. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Алматы, Москва: ЕАБР, 2022. 85 с.
Vinokurov E., Akhunbayev A., Zabojev A., Usmanov N. 2022. International transport corridor “North – South”: investment solutions and soft infrastructure. Almaty, Moscow: EDB. 85 p. (In Russ.)
10. Прокофьев М.Н., Тохиров М.М. Перспективы транспортного коридора «Север–Юг». *Мир транспорта*. 2019. Т. 17, № 5. С. 200–213. DOI: 10.30932/1992-3252-2019-17-5-200-213
Prokofiev M.N., Tokhirov M.M. 2019. Prospects for North–South transport corridor. *World of Transport*. Vol. 17. № 5. Pp. 200–213. (In Russ.). DOI: 10.30932/1992-3252-2019-17-5-200-213
11. Андреева Е.С. Состояние и перспективы развития транспортной инфраструктуры Ирана. *Проблемы национальной стратегии*. 2020, № 4 (61). С. 76–90.
Andreeva E.S. 2020. The current state and future prospects for the development of Iran’s transport infrastructure. *National strategy issues*. № 4 (61). Pp. 76–90. (In Russ.)
12. Андреева Е.С. Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией. *Проблемы национальной стратегии*. 2019, № 1 (52). С. 110–122.
Andreeva E.S. 2019. Iran’s interests in the South Caucasus Region in the light of relations between Tehran and Armenia. *National Strategy Issues*. № 1 (52). Pp. 110–122. (In Russ.)
13. 康杰. 国际南北运输走廊复苏在即? 《世界知识》2022年16期. 44-45 (Kang Jie. Is the International North-South Transport Corridor reviving soon? *World Knowledge*. 2022, Is. 16. Pp. 44–45). (In Chin.)
14. 作者: 雷洋 黄承锋. 伊朗参与国际南北运输走廊建设的基础、动因及地缘政治影响 //冀开运、陆瑾、张立明主编《伊朗蓝皮书: 伊朗发展报告(2018~2019)》. 社会科学文献出版社. 194-210. 2020. (Lei Yang and Huang Chengfeng. 2020. The basis, motivation and geopolitical impact of Iran’s participation in the construction of the International North–South Transport Corridor. *Iran Blue Book: Iran Development Report (2018–2019)*. Eds. Ji Kaiyun, Lu Jin and Zhang Liming. Beijing: Social Sciences Literature Press. Pp. 194–210]. (In Chin.)
15. Аристова Л.Б. Формирование единого евразийского транспортного пространства с развитием МТК. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник*. Вып. 6. Ч. 1. М., 2023. С. 389–391.
Aristova L.B. 2023. Formation of a single Eurasian transport space with the development of the ITC. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook*. Release 6. Part 1. Moscow. Pp. 389–391. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, HSE University; Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия.

Nelli K. Semenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.10.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 29.11.2023

DOI: 10.31857/S032150750029001-3

От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества (к 10-летию межрегиональной программы «Волга–Янцзы»)

© Евтушенко А.В.^{a,c}, Зуенко И.Ю.^{a,d}, Фоминых А.Е.^{b,e}, 2023

^a МГИМО МИД России, Москва, Россия

^b Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

^c ORCID: 0009-0008-7751-7389; evtushenko.antonina.vl@yandex.com

^d ORCID: 0000-0002-9853-9703, ivanzuwei@gmail.com

^e ORCID: 0000-0003-4459-6320, alexeyfominykh@yahoo.com

Резюме: Статья посвящена анализу новых форм российско-китайского сотрудничества на примере действия межрегиональной программы «Волга–Янцзы», которая призвана стимулировать развитие экономических и гуманитарных контактов между регионами двух стран, расположенными не просто вдали от государственной границы, а в их центральных частях. Данная программа реализуется с 2013 г. Результаты, достигнутые за 10 лет, нельзя оценить как прорывные, что объясняется низким уровнем взаимосвязанности между регионами Волги и Янцзы, а также воздействием пандемии *COVID-19* (2020–2022 гг.), из-за которой многие проекты были поставлены на «паузу». Несмотря на то, что одной из очевидных целей запуска программы было стимулирование торгово-инвестиционных связей между центральными, а не периферийными регионами двух стран, на данный момент наиболее перспективным направлением взаимодействия по-прежнему видятся гуманитарные контакты в рамках народной дипломатии. Фактически наравне с более привычной формулой «породненных городов» мы наблюдаем становление формата «породненных регионов».

В перспективе, учитывая значимость парадипломатии для развития сотрудничества России и Китая, можно ожидать запуска аналогичных программ и для других макрорегионов.

Ключевые слова: Россия, Китай, парадипломатия, народная дипломатия, города-побратимы, программа «Волга–Янцзы»

Для цитирования: Евтушенко А.В., Зуенко И.Ю. (Москва), Фоминых А.Е. (Йошкар-Ола). От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества (к 10-летию межрегиональной программы «Волга–Янцзы»). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 15–23. DOI: 10.31857/S032150750029001-3

From Sister Cities to “Macroregions Paradiplomacy”: A Search of Russo-Chinese Cooperation New Forms (on 10 Years of Volga–Yangtze Regional Program)

©Antonina V. Evtushenko^{a,c}, Ivan Y. Zuenko^{a,d}, Alexey E. Fominykh^{b,e}, 2023

^a MGIMO University, Moscow, Russia

^b Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

^c ORCID: 0009-0008-7751-7389; evtushenko.antonina.vl@yandex.com

^d ORCID: 0000-0002-9853-9703, ivanzuwei@gmail.com

^e ORCID: 0000-0003-4459-6320, alexeyfominykh@yahoo.com

Abstract: The article analyses Volga-Yangtze Regional Cooperation Program as an example of the new forms of Russo-Chinese cooperation as the Program is aimed at developing economic and cultural relations between the regions that are located not only far from the state borders but in the central parts of Russia and China respectively.

This Program was launched in 2013. The results after 10 years of implementation are far from being considered a breakthrough in the regional cooperation that can be explained by low level of connection between the regions of both the

Volga and the Yangtze rivers as well as adverse impact of COVID-19 pandemic (2020–2022) which caused many projects to be put on hold. Although one of the main and most obvious aim of the Program was the development of the trade and investment cooperation between not peripheral but central regions of the two countries, the humanitarian relations within this paradiplomacy still seem to be the most perspective fields of the bilateral cooperation. In fact, along with traditional framework of sister cities relations, we are witnessing the emerging of the new form of relations, i.e. "sister regions".

In the future, considering the importance of public and paradiplomacy for further development of Russo-Chinese cooperation, similar programs are expected to be launched in order to bust cooperation between other regions of the two countries.

Keywords: Russia, China, paradiplomacy, public diplomacy, sister cities, Volga-Yantze Cooperation Program

For citation: Evtushenko A.V., Zuenko I.Y. (Moscow), Fominykh A.E. (Yoshkar-Ola). From Sister Cities to "Macroregions Paradiplomacy": A Search of Russo-Chinese Cooperation New Forms (on 10 Years of Volga–Yangtze Regional Program). *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 15–23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029001-3

ВВЕДЕНИЕ

Российско-китайское стратегическое партнерство – объективный и закономерный выбор народов двух стран, обусловленный географической близостью и схожестью исторического пути в последние сто лет, наличием общих взглядов на международные процессы. Сотрудничество двух стран реализуется в различных плоскостях: от торгово-инвестиционного обмена до гуманитарных межличностных контактов. Все эти формы сотрудничества имеют место, в т.ч. на уровне отдельных регионов и даже населенных пунктов. Значимость этого фактора подчеркивается тем, что и Россия, и Китай – значительные по территории и населению государства, повестка сотрудничества которых не может ограничиваться только взаимодействием национальных правительств.

Между тем развитие российско-китайского межрегионального сотрудничества ограничено объективными трудностями. Несмотря на общую границу и давнюю историю взаимоотношений, между Россией и Китаем не существует цивилизационного родства. Языковой барьер, разница менталитетов и «культурных кодов» по-прежнему существуют и затрудняют контакты представителей двух стран по сравнению, например, с отношениями России и стран Восточной Европы. В этих условиях развитие двусторонних связей необходимо подкреплять искусственно: с помощью различных программ и проектов, позволяющих народам двух стран больше контактировать, лучше узнавать друг друга.

Эта задача решается на высшем уровне путем проведения «тематических годов», в рамках которых проводятся различные мероприятия – в сфере культуры, туризма, сотрудничества СМИ, вузов и т.д. Старт этой формы взаимодействия был дан в 2006–2007 гг., когда были проведены «Год России в Китае» и «Год Китая в России» соответственно. Например, 2023 год был объявлен «Годом российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта» (см. также [1]).

Другим способом, позволяющим создать поле для межрегионального сотрудничества и дополняющим традиционную дипломатию, является *парадипломатия*, или международная деятельность субнациональных акторов (в нашем случае – городов, а также субъектов РФ и провинций КНР). Специфика парадипломатии в российско-китайских отношениях (в отличие, например, от связей аналогичного уровня между странами Запада) состоит в том, что межрегиональное взаимодействие было инициировано главным образом центральной властью и полностью подчинено государственным интересам, формулируемым центральными правительствами обеих стран.

Наиболее распространенной формой такого взаимодействия является установление побратимских связей между городами. Между нашими странами оно существует с 1988 г., когда Ленинград и Шанхай стали городами-побратимами. Однако движением породненных городов народная дипломатия с привязкой к региональному сотрудничеству не ограничилась. На российско-китайском треке возникают и новые формы парадипломатии – прежде всего, связанные с сотрудничеством регионов (субъектов РФ и единиц провинциального уровня КНР) и даже макрорегионов! Это относительно новая форма межрегионального взаимодействия, пока мало исследованная в научной литературе. Обозначить данный феномен и сделать промежуточные выводы по его содержанию и перспективам призвана данная статья.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

В качестве объектов исследования, позволяющего рассмотреть на конкретных примерах указанный выше процесс, авторы используют сотрудничество с городами-побратимами в КНР отдельно взятого российского муниципалитета (Владивосток), а также программу межрегионального сотрудничества «Волга–Янцзы», инициированную 10 лет назад, в 2013 г.

Целью авторов является её рассмотрение в широком контексте российско-китайских отношений. Согласно гипотезе авторов, переход к формату «дружба макрорегионов» может рассматриваться как ответ на два вызова российско-китайского регионального сотрудничества: 1) недостаточную эффективность движения породненных городов и регионов с точки зрения ожидаемых результатов (прежде всего, экономических) и 2) недостаточную эффективность т.н. приграничного сотрудничества, делающего акцент на контакты сопредельных территорий.

Таким образом, программа «Волга–Янцзы» может рассматриваться как своего рода пилотный проект нового формата, который может позволить в будущем охватить межрегиональным взаимодействием все регионы России и Китая, в т.ч. далекие от государственной границы. Насколько эта программа успешна, что именно внутри заданных ей рамок «работает», а что «буксует», можно оценить, рассмотрев её в более широком контексте. Для этого следует сначала кратко разобраться побратимское движение в российско-китайских отношениях, затем рассмотреть особенности сотрудничества приграничных регионов на примере Владивостока и только затем перейти к программе «Волга–Янцзы». Указанные аспекты соответствуют отдельным параграфам статьи.

Нами были использованы открытые материалы по международному сотрудничеству Владивостокского муниципалитета и программе «Волга–Янцзы» (надо сказать, довольно отрывочные¹). Наиболее полные сведения получены по межвузовскому сотрудничеству, что стало возможным благодаря активной деятельности ассоциации вузов «Волга–Янцзы», в т.ч. в медиасфере². Отметим, что российские исследователи неоднократно обращались к тематике регионального сотрудничества России и Китая (см.: [2; 3; 4]), в т.ч. сквозь призму побратимских связей [5; 6] и различных форм народной дипломатии [7; 8]. В то же время программа «Волга–Янцзы» рассматривалась лишь в считанном числе работ (см., например, [9]). Столь же ограничен анализ данной программы и в китайскоязычной литературе (см.: [10; 11; 12]). Авторы надеются, что настоящая статья хотя бы отчасти закроет имеющийся дефицит.

ДВИЖЕНИЕ ПОРОДНЕННЫХ ГОРОДОВ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Побратимские связи городов – одна из наиболее распространенных и удобных площадок для развития парадипломатии и народной (общественной) дипломатии. Побратимские связи – это регулярные дружественные отношения, оформленные соответствующими соглашениями о породнении, о дружбе и сотрудничестве, которые поддерживают между собой города разных государств для взаимного ознакомления с жизнью, историей и культурой, укрепления дружбы и сотрудничества между народами.

Побратимские связи изначально устанавливаются между субнациональными правительствами (чаще всего городскими), однако они направлены на развитие именно публичной дипломатии – развитие контактов между общественными и неправительственными организациями, культурными, спортивными, студенческими коллективами и отдельными лицами. Суть побратимских связей между городами – создание условий для интенсификации контактов в рамках как обмена делегациями, так и различных фестивалей и совместных праздников.

Китай с середины XX в. – один из наиболее активных субъектов развития движения городов-побратимов (свое организационное оформление получило в 1957 г. путем создания Всемирной федерации породненных городов)³. Объясняется это тем, что для КНР культурные обмены в рамках народной ди-

¹ Расширение источниковой базы по этим аспектам (прежде всего, по программе «Волга–Янцзы») можно ожидать по мере попадания официальных документов в архивы. На данный момент исследователь может рассчитывать лишь на те сведения, которые публикуются в открытом доступе (*прим. авт.*).

² См. материалы: Ассоциация вузов «Волга–Янцзы». <http://www.uayangtze-volga.org/ru/index.html> (accessed 26.06.2023).

³ Тут следует отметить, что сам термин «народная дипломатия» (миньцзянь вайцзяо – 民间外交) принадлежит премьеру КНР Чжоу Эньлаю (1888–1976), который обозначал им установление партнерских и дружеских связей в условиях отсутствия дипломатических отношений [13] (*прим. авт.*).

пломатии и движения городов-побратимов долгое время были удобным способом развития межгосударственного сотрудничества в условиях непризнания со стороны других стран и отсутствия дипломатических отношений (данная проблема была актуальна до середины 1970-х гг.). В пореформенный период такие связи стали восприниматься сквозь призму применения «мягкой силы» как возможность рассказать о себе и своей культуре миру. Можно сказать, что это важная составляющая деятельности КНР, направленной на укрепление и формирование благоприятного имиджа страны в соседних странах, которая способствует уменьшению синофобских и алармистских настроений и тем самым продвижению политических и экономических интересов страны.

Представляется, что понимание этого момента приводит к тому, что в российско-китайских отношениях большая часть проектов, в т.ч. касающихся культурного обмена, до последнего времени выполнялась по инициативе китайской стороны. Кроме того, культурные, спортивные, научные, студенческие обмены более полно финансируются именно китайской стороной. Речь в данном случае идет не о благотворительности, а о четком понимании своих задач, а также роли и места народной дипломатии в осуществлении внешнеполитической стратегии.

Хотя первый побратим советского города появился еще в 1944 г. («породнились» разрушенные войной Сталинград и британский Ковентри), породненные города между СССР и КНР появились только в конце 1980-х гг., что было связано с длительным периодом разрыва между странами и его преодоления на волне преобразований в двух странах. Как уже было сказано выше, первые подобные отношения были установлены между Ленинградом и Шанхаем (1988 г.). «Побратимство» двух столиц: Москвы и Пекина, было оформлено только в 1995 г.

С середины 1990-х гг. побратимские связи активно налаживаются между администрациями разных городов России и Китая. В настоящий момент, пожалуй, у каждого относительно крупного города России (не только у областных и краевых центров, но зачастую и у райцентров) существуют свои побратимы в Китае. На рубеже веков наблюдалась настоящая «мода» на установление подобных отношений. Учитывая, что побратимские связи редко прекращаются⁴, даже если реальное сотрудничество между городами-побратимами сходит на нет, «база данных» таких отношений велика и не может быть представлена в отдельной взятой журнальной статье. Вот лишь некоторые из пар городов-побратимов: Харбин – Хабаровск, Хух-Хото – Улан-Удэ, Лхаса – Элиста, Цзыбо – Великий Новгород, Гуанчжоу – Екатеринбург, Аньшань – Липецк, Шэньян – Иркутск, Тайюань – Сыктывкар, Чунцин – Воронеж, Цзилинь – Волгоград и т.д. Другой характерный пример: мало кому известный в России Мяньян – 5-миллионный городской округ в Сычуани – имеет побратимские отношения с Новосибирском, Обнинском и Псковом.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКА)

Будучи в эпицентре межгосударственного взаимодействия в Северо-Восточной Азии, Владивосток испытал настоящий бум «побратимского движения» еще в начале 1990-х гг. В тот период «побратимство» сводилось к заключению соответствующих отношений с конкретными городами, которые были похожи на Владивосток своим географическим положением. Как правило, это были крупные порты, центры международного сотрудничества. В течение 1991–1992 гг. Владивосток «побратался» с тремя городами США, двумя городами в Японии, городами в Южной Корее (Пусан) и КНР (Далянь).

Следующая волна побратимств пришлась на конец 2000-х гг., когда у Владивостока появился еще один китайский побратим, причем не вполне обычный. Не город, а целый автономный округ (1/4 территории провинции Цзилинь площадью более 43 тыс. кв. км) – Яньбянь-Корейский автономный округ (ЯКАО). Отношения побратимства были заключены 18 мая 2011 г.

Такое изменение в практике побратимских отношений выглядит вполне логичным, учитывая, что изначальная эйфория, связанная с расширением числа породненных городов, постепенно сменилась

⁴ Так, даже в апреле 2022 г. на фоне обострения отношений России и США городская ассамблея Джуно (штат Аляска) не смогла принять решение о разрыве побратимских связей с Владивостоком. Аналогичные решения приняли в других городах-побратимах: Такоме и Сан-Диего. См.: Александров Г. Побратимы на паузе: как спецоперация повлияла на отношения властей российских и иностранных городов. <https://dailystorm.ru/obschestvo/pobratimy-na-pauze-kak-specoperaciya-povliyala-na-otnosheniya-vlastey-rossiyskih-i-inostrannyh-gorodov> (accessed 26.06.2023). Примечательно, что в марте 2023 г. о приостановлении побратимских связей с Волгоградом заявили власти Ковентри, однако даже в этом случае речь пока не идет о разрыве отношений (прим. авт.).

озабоченностью, вызванной тем, что города-побратимы, расположенные вдали друг от друга, несмотря на внешнюю схожесть, не могли обеспечить желаемый уровень торгово-экономических контактов. Появился запрос на новые формы движения породненных городов – одной из этих форм стало расширение «территории сотрудничества» и более прагматичный выбор партнеров.

В этом плане, если сравнивать активность побратимских отношений Владивостока с Далянем (городом) и Яньбянем (автономным округом), то сравнение явно в пользу последнего. Для Яньбяня, конкурентными преимуществами которого являются приграничное положение и возможность использования своей территории для транзита грузов через порты Приморья, побратимские связи с Владивостоком не просто символ, а вполне прагматичный шаг.

Разберем на примере связей Яньбяня и Владивостока механизм осуществления побратимских связей. Следует отметить, что побратимскому соглашению предшествовал Меморандум об установлении отношений дружественного обмена и торгово-экономического сотрудничества между ЯКАО и Владивостоком от 9 августа 2002 г. Это другой уровень дружеских связей между субнациональными правительствами: так, на уровне Договоров о дружбе и сотрудничестве (которые ни к чему не обязывают и сводятся лишь к проведению эпизодических мероприятий) Владивосток «дружит» также с Шанхаем (с 1993 г.), Яньтаем (1994 г.) и Чанчуном (2004 г.). Таким образом, «побратимство» с ЯКАО представляет собой редкий, но вполне логичный случай повышения дружеских отношений в статусе.

Концептуальные моменты сотрудничества изложены в Соглашении об установлении побратимских отношений, которое состоит только из трех пунктов:

1. Действуя на принципах взаимовыгодности, Стороны развивают обмены и сотрудничество в области экономики, торговли, науки и техники, культуры, образования, спорта, здравоохранения, подготовки кадров и других областях в различных формах, стимулируют совместное развитие и процветание регионов.

2. Стороны поддерживают регулярные контакты на уровне высших должностных лиц и соответствующих структур в целях проведения консультаций по вопросам обменов и сотрудничества, а также по вопросам, представляющим взаимный интерес.

3. Данное Соглашение вступает в силу с момента подписания. Срок действия – 5 лет. Если по истечении срока действия ни одна из Сторон не предложит прекратить действие Соглашения, оно пролонгируется на новый срок⁵.

Задача по осуществлению и координации побратимских связей ложится на соответствующие подразделения субнациональных правительств – Управление международных отношений и туризма Администрации г. Владивосток и Канцелярию иностранных дел Народного правительства ЯКАО.

Основная форма – обмен делегациями (на практике значительно чаще, чем с другими субъектами), а также проведение двусторонних и многосторонних мероприятий. Работа в рамках многосторонних мероприятий предполагает, что, если в ЯКАО или Владивостоке проводится какое-либо международное мероприятие, делегации из города-побратима приглашаются в первую очередь.

Только за три первых года побратимских отношений (2011–2014 гг.) делегации из ЯКАО участвовали в ежегодных празднованиях Дня города, Международных молодежных фестивалях городов-побратимов Владивостока, Фестивале духовых оркестров, Медиа-форуме в рамках т.н. «Осеннего фестиваля городов-побратимов» (2013), был организован товарищеский матч с футбольной командой ЯКАО. Делегации из Владивостока, в свою очередь, участвовали в Торгово-инвестиционной ярмарке района Туманган, в ходе которой для делегации Владивостока как города-побратима был организован специальный «День бизнеса с Россией»; Евроазиатском фестивале единоборств; мероприятиях Недели обменов в области культуры среди учащихся начальных и средних школ; творческие коллективы участвовали в Фестивале цветения груши, был организован футбольный матч владивостокской ДЮСШ с местной командой. Можно также заметить, что благодаря побратимским связям был заключен договор между Ассоциацией предпринимателей Приморья с Комитетом по содействию международной торговле ЯКАО⁶.

Учитывая, что в российско-китайских отношениях приграничные территории представляют собой две периферии, расположенные на солидном удалении от культурных и экономических центров двух

⁵ Официальный сайт г. Владивосток. Города-побратимы. <https://www.vlc.ru/city/tourism/Goroda-pobratimy/> (accessed 26.06.2023)

⁶ По материалам официального сайта города Владивосток. <http://www.vlc.ru>

стран (подробнее см. [4]), к началу 2010-х гг. в экспертном сообществе и среди чиновников укрепилось убеждение, что подлинным драйвером российско-китайского регионального сотрудничества может стать взаимодействие субъектов (причем, как мы увидели выше, даже не отдельных городов, а более крупных территорий), расположенных не в приграничье, а в центральных районах двух стран. Примером такого взаимодействия и стала программа «Волга–Янцзы».

СОТРУДНИЧЕСТВО НЕПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ВОЛГА–ЯНЦЗЫ»)

Программа межрегионального сотрудничества 14 субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) и 5 провинций КНР, расположенных в регионе Верхнего и Среднего течения реки Янцзы (Аньхой, Хунань, Хубэй, Сычуань, Цзянси), а также города центрального подчинения Чунцин, была инициирована в 2013 г.

В ПФО ведущая роль в форсировании межрегионального сотрудничества с Китаем принадлежала команде полномочного представителя президента РФ М.В.Бабича (занимал эту должность в 2011–2018 гг.). Характерной чертой программы, получившей название «Волга–Янцзы», является «сконструированный» характер участвующих в ней макрорегионов, в то время как в качестве объединяющей темы были выбраны великие реки: Волга – в России и Янцзы – в Китае. Для представителей старшего поколения это название воспринималось символической отсылкой к известной песне «Москва – Пекин» (1949 г.), отразившей пик советско-китайской дружбы («*Слышен на Волге голос Янцзы, видят китайцы сиянье Кремля*»).

По словам самого М.В.Бабича, отличительной особенностью формата «Волга–Янцзы» явилось то обстоятельство, что он «объединяет субъекты двух стран, расположенные в глубине национальных территорий, т.е. наличие общей границы не является необходимым условием для эффективного экономического сотрудничества»⁷.

За период действия программы сложилась институционально-правовая структура межрегионального взаимодействия. В начальный период (2013–2015 гг.) действовала Совместная рабочая группа регионов ПФО РФ и Верхнего, Среднего течения реки Янцзы КНР по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной сферах. В 2016 г. был образован Совет по межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга–Янцзы»⁸, который возглавили М.В.Бабич и член Госсовета КНР Ян Цзечи. Членами Совета стали руководители регионов, а его заседания проводились поочередно в столицах субъектов ПФО и китайских провинций – участниц программы.

Одновременно практически все регионы Приволжья заключали соглашения с провинциями Верхнего и Среднего течения реки Янцзы и Чунцином и другими крупными городами (Ухань, Наньчан и др.) о торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве. Как правило, после обмена визитами официальных делегаций, представляющих органы власти сотрудничающих субъектов, организовывались бизнес-миссии, выставки и другие обмены, предполагающие вывод контактов на уровень практического взаимодействия.

Таким образом, благодаря активности аппарата полпреда президента в ПФО во всех регионах округа в первые годы действия программы были разработаны детальные «дорожные карты» совместных мероприятий в области экономического сотрудничества и инвестиций, науки и образования, культуры, туризма и молодежной политики.

Реализация программы не была лишена проблем и недостатков. Сразу же обозначились неравные «стартовые возможности» различных российских регионов: основная доля совместных проектов в рамках «Волга–Янцзы» приходилась на экономически развитые и многонаселенные территории (республики Татарстан, Башкортостан, Самарскую, Нижегородскую область), в то время как сравнительно небольшие и менее развитые субъекты (например, Республика Марий Эл) закрывали лишь некоторые позиции в «дорожной карте».

В ряде случаев проявлялся формалистский подход региональных чиновников к вопросам сотрудничества – сказывался недостаток опыта взаимодействия с Китаем, отсутствие при правительствах и ад-

⁷ Круглый стол в формате «Волга–Янцзы». 23 июня 2014. <http://pfo.gov.ru/press/interview/79306/> (accessed 26.10.2021)

⁸ См. материалы сайта <http://yangtze-volga.org>

министрациях глав ряда регионов специализированных департаментов и отделов международных связей и внешнеэкономической деятельности. Нередки были прецеденты утраты китайскими инвесторами интереса к развитию сотрудничества с регионами ПФО, что можно объяснить естественной логикой отношений в сфере бизнеса, неподконтрольных административному воздействию.

В общей сложности в рамках «Волга–Янцзы» было инициировано около 70 совместных инвестиционных проектов, из которых на уровень практической реализации к началу 2023 г. вышли не более 15 (остальные находились на стадии проработки или не получили развития).

Как правило, сложности в создании совместных с китайскими компаниями производств на территории субъектов ПФО носили сугубо экономический, реже – юридический характер. Буквально единственный случай негативного восприятия местным населением связанного с КНР предприятия отмечен в Чувашии, где в 2019 г. жители одного из сельских поселений протестовали против строительства агропарка «Сычуань–Чувашия»⁹. Примечательно, что этот и другие случаи свертывания китайских инвестиционных проектов в регионах ПФО получали критическое освещение в основном в оппозиционных СМИ (в т.ч. с иностранным финансированием), подававших активность КНР в Поволжье исключительно с алармистских позиций – как «экспансию Китая» в рамках реализации инициативы «Пояса и пути»¹⁰.

Несмотря на сложности, форсированный характер российско-китайского межрегионального взаимодействия оправдал себя в плане открытия китайскими инвесторами российского Поволжья, Прикамья и Южного Урала, стимулирования российских компаний из ПФО к выходу на китайский рынок, а также установления партнерских отношений между университетами, учреждениями науки и культуры России и КНР. В прежней логике развития российско-китайского регионального сотрудничества, делающей акцент на приграничных связях, это было бы невозможно.

Так, культурно-гуманитарное измерение программы «Волга–Янцзы», в сравнении с инвестиционными проектами, стало наиболее продуктивным и многообещающим в плане установления партнерских связей между регионами ПФО России и китайскими провинциями. По состоянию на 2023 г. в этой сфере было инициировано более 60 совместных проектов, подписано более 50 соглашений и меморандумов о сотрудничестве. Наиболее значимыми направлениями стали связи в сфере высшего образования и науки, молодежных и культурных обменов.

Например, в 2016 г. по инициативе академического сообщества двух стран была создана Ассоциация вузов ПФО и провинций Верхнего, Среднего течения реки Янцзы. С китайской стороны организатором работ по созданию Ассоциации стал Сычуаньский университет (г. Чэнду), с российской – Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева. В 2023 г. в Ассоциацию входило 50 российских и 30 китайских университетов. Традиционными стали ежегодные форумы ректоров и экспертов Ассоциации¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешний этап развития российско-китайских отношений, характеризующийся резким ростом заинтересованности обеих сторон в интенсификации сотрудничества, актуализирует вопрос поиска новых форм и методов партнерских связей, позволяющих лучше узнать друг друга, запустить программы взаимодействия и т.д.

Парадипломатия и народная дипломатия, позволяющая подключить к подобной работе общественность, бизнес, молодежь в регионах, в этом контексте не имеет альтернатив. Россия и Китай миновали тот этап, когда региональное сотрудничество могло сводиться лишь к приграничному сотрудничеству. Сейчас парадипломатия в отношениях двух стран должна стать, если можно так сказать, *тотальной*. Самоограничение с акцентом только на сопредельные территории не позволяет раскрыть потенциал взаимодействия, имеющийся у районов в центральных и иных районах двух стран, находящихся вдали от государственной границы.

В этом контексте переход к формату «дружбы макрорегионов», пилотным проектом которого является платформа «Волга–Янцзы», может рассматриваться как ответ на промежуточные результаты раз-

⁹ Ошеева В. Молочные реки, китайские берега. Почему чувашская деревня не поверила в светлое будущее. *Огонёк*, № 11, 23.03.2020. С. 26.

¹⁰ Подробнее о современных проявлениях синофобии в РФ и государствах постсоветского пространства см. [14].

¹¹ По материалам сайта <http://www.uayangtze-volga.org/ru/index.html> (accessed 26.06.2023)

вития межрегионального сотрудничества, когда дружба только в формате породненных городов уже не могла удовлетворить интересы сторон. Формат межрегионального сотрудничества, охватывающего макрорегионы, при всей его искусственности, позволяет форсировать установление партнерских контактов между значительным числом субъектов. И хотя КПД таких контактов не всегда высок, а экономическая целесообразность сотрудничества, на что указывают и китайские исследования, «не может появиться на пустом месте» [10, с. 118], как стартовая площадка для регионов, расположенных вдали от границы, формат программы «Волга–Янцзы» представляется весьма успешным.

Позитивный опыт программы «Волга–Янцзы» может быть перенесен и на другие макрорегионы России и Китая с тем, чтобы каждый из регионов имел своего партнера на территории другого государства, причем искал и развивал отношения не сам, а в рамках межрегиональной программы сотрудничества, что позволит экономить время и ресурсы.

Перспективным представляется сотрудничество между регионами Западной Сибири и Северо-Западным Китаем (провинции Шэньси, Ганьсу, Синьцзян-Уйгурский автономный район), Восточной Сибирью и Северным Китаем (Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Шаньси и Хэбэй), Уралом и провинциями Центрального Китая (Хэнань, Хубэй, Хунань), регионами Северо-Западного федерального округа и прибрежными провинциями Восточного и Юго-Восточного Китая (Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь) и т.д.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Петровский В.Е. Перекрёстные годы регионов – новые возможности для российско-китайского приграничного и межрегионального сотрудничества. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XXIII: ежегодное издание; сост., отв. ред. Е.И.Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 238–247.
Petrovsky V.E. 2018. Regional Cross Years – New Opportunities for Russian-Chinese Cross-Border and Interregional Cooperation. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XXIII. Moscow. Pp. 238–247. (In Russ.)
2. Елохина Ю.В., Олейников И.В. Участие субъектов Российской Федерации в процессах международного сотрудничества: общие и особенные формы установления связей. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2013. № 1. С. 27–33.
Yelokhina Y.V., Oleinikov I.V. 2013. Participation of the Subjects of the Russian Federation in Processes of International Cooperation: Common and Special Forms of Establishing Relations. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Studies. Religion Studies*. Is. 1. Pp. 27–33. (In Russ.)
3. Сырямкин В.И., Янь Б., Ваганова Е.В. Опыт регионального сотрудничества с Китаем на примере взаимодействия ассоциации сибирских и дальневосточных городов и северо-восточных провинций Китая. *Проблемы учёта и финансов*, 2011. № 3. С. 49–58.
Syryamkin V.I., Yan B., Vaganova E.V. 2011. Collaboration within the Association of Universities of the Russian Far East and Siberia and North-Eastern regions of China as Case Study of Russian-Chinese Regional Cooperation. *Accounting and Finance Studies*. Is. 3. Pp. 49–58. (In Russ.)
4. Кашин В.Б., Янькова А.Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития. *Проблемы Дальнего Востока*, 2022. № 4. С.40–55.
Kashin V.B., Yankova A.D. 2022. Russian-Chinese Cross-Border Cooperation: Deep Seated Obstacles for Development. *Far Eastern Studies*. Is. 4. Pp. 41–55. (In Russ.)
5. Макаренко Т.Д., Ожегова Л.А. Побратимские российско-китайские отношения как форма международного сотрудничества. *Российско-китайские исследования*, 2019. № 2. С. 42–52.
Makarenko T.D., Ozhegova L.A. 2019. Russian-Chinese Sister Cities Relations as a Form of International Cooperation. *Russian and Chinese Studies*. Is. 2. Pp. 42–52. (In Russ.)
6. Чжан С., Ли Ц. Исследование путей сотрудничества городов-побратимов Шанхая и Санкт-Петербурга на фоне продления «Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»: в области образования. *Международный научно-исследовательский журнал*, 2022. № 9. С. 1–5.
Zhang X., Li C. 2022. Study of Ways of Cooperation Between the Twin Cities of Shanghai and Saint Petersburg Against the Background of the Extension of “The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People’s Republic of China and the Russian Federation”: In the Field of Education. *International Scientific Research Journal*. № 9. Pp. 1–5. (In Russ.)
7. Аликберова А.Р. Татарстано-китайские отношения в гуманитарной сфере: формы взаимодействия. *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI, часть 1. М: ИВ РАН, 2016. С. 110–125.

- Alikberova A.R. 2016. Tatarstan-Chinese Humanitarian Relations: Forms of Cooperation. *Society and State in China*. Vol. XLVI, part 1. Moscow. Pp. 110–125. (In Russ.)
8. Ларин В.Л. Межрегиональные отношения России и Китая в начале XXI в. *Таможенная политика на Дальнем Востоке*, 2008. № 3. С. 22–39.
Larin V.L. 2008. Russian-Chinese Interregional Relations at the Beginning of the 21th Century. *Customs Policy in the Far East*. № 3. Pp. 22–39. (In Russ.)
9. Ван Цзюньтао, Любина Д.Е. Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 2022. № 1. С. 111–118.
Wang Juntao, Lyubina D.E. 2022. Chinese-Russian Cooperation in the Yangtze and Volga Regions. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. Is. 1. Pp. 111–118. (In Russ.)
10. 刘军. 中俄“长江—伏尔加河”地区合作中的投资困境研究. [Liu Jun. 2019. Study of problems in investment cooperation in the framework of Volga–Yangtze regional cooperation]. *Eluosi, Dong'ou, Zhongya yanjiu*. № 2. Pp. 110–122. (In Chin.)
11. 王树春, 王陈生, 江洪飞. 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作. [Wang Shuchun, Wang Chensheng, Jiang Hongfei. 2021. Brief Analysis of the Russian-Chinese Cooperation within Volga–Yangtze Program]. *Ouya Jingji*. Is. 1. Pp. 97–116. (In Chin.)
12. 沈影. 长江-伏尔加河”合作机制是实现中俄务实合作的新动力. [Shen Ying. 2018. Volga–Yangtze Cooperation Mechanism as a New Driver for Chinese-Russian Business Cooperation]. *“Yidai Yilu” Ouya Hezuo Fazhan Baogao*. Beijing. Pp. 241–252. (In Chin.)
13. 苏淑民. 新中国民间外交发展的三个阶段 / [Su Shumin. 2016. Three Stages of Development of the Public Diplomacy in New China]. *Renmin Luntan*. (In Chin). <http://www.rmlt.com.cn/2016/0825/438084.shtml> (accessed 27.06.2023)
14. Kulintsev Yu., Mukambaev A., Rakhimov K., Zuenko I. Sinophobia in the Post-Soviet Space. A Reaction to Expansion or a Challenge to Integration? *Russia in Global Affairs*, 2020. № 3. Pp. 129–151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евтушенко Антонина Владимировна, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского, тайского и кхмерского языков МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Antonina V. Evtushenko, lecturer, Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages, MGIMO University, Moscow, Russia.

Зуенко Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Ivan Yu. Zuenko, PhD (History), Associate Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

Фоминых Алексей Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия.

Alexey E. Fominykh, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 12.11.2023

Диаспоральная политика Эфиопии: институциональное измерение

© Лошкарёв И.Д.^а, 2023

^а МГИМО МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7507-1669; ivan1loshkariov@gmail.com

Резюме. В статье новая отрасль государственной политики Эфиопии – диаспоральная политика – рассматривается через призму эволюции ключевых государственных институтов, призванных упорядочить контакты граждан и государства Эфиопии с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Современная эфиопская диаспора представляет собой сложный феномен – она полиэтнична и поликонфессиональна, распределена географически неравномерно, а её представители далеко не всегда имеют легальный статус на территории пребывания. Несмотря на это, в последние десятилетия власти Эфиопии сделали немало, чтобы наладить диалог с диаспорой и привлечь её ресурсы для социального и экономического развития страны.

Автор анализирует основные цели диаспоральной политики Эфиопии, становление системы государственных институтов в данной сфере, влияние различных эфиопских идентичностей на контакты эфиопского правительства с диаспорой, роль диаспоры в притоке иностранных инвестиций в страну, основные проблемы и трудности, осложняющие эффективное взаимодействие правительства и эфиопской диаспоры за рубежом. Делаются выводы относительно возможных перспектив диаспоральной политики Эфиопии на современном этапе.

Ключевые слова: Эфиопия, диаспоральная политика, эфиопская диаспора за рубежом, идентичность, привлечение капитала, политическое участие

Для цитирования: Лошкарёв И.Д. Диаспоральная политика Эфиопии: институциональное измерение. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 24–32. DOI: 10.31857/S032150750029004-6

Diaspora Policy in Ethiopia: Institutional Dimension

© Ivan D. Loshkariov^а, 2023

^а MGIMO-University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7507-1669; ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. The article touches upon the new branch of Ethiopian public policy – diaspora politics. This sphere is considered through the prism of the evolution of key state institutions designed to regulate the contacts of Ethiopian citizens and state with compatriots living abroad.

The modern Ethiopian diaspora is a complex phenomenon given its multi-ethnic and multi-religious, geographically unevenly distributed composition. Moreover, its representatives do not always have legal status in a receiving country. Despite this, in recent decades, the Ethiopian authorities have done a lot to establish a dialogue with the diaspora and attract its resources for the social and economic development of the country.

The study examines the main objectives of Ethiopia's diaspora policy, the development of a system of state institutions in this field, the influence of different Ethiopian identities on the contacts of the Ethiopian government with the diaspora, the role of the diaspora in the inflow of foreign investment into the country, the main problems and difficulties hampering the effective interaction between the Government and the Ethiopian diaspora abroad. Conclusions on possible prospects of diaspora policy of Ethiopia at the present stage have been drawn.

Keywords: Ethiopia, diaspora policy, Ethiopian diaspora abroad, identity, attraction of capital, political participation

For citation: Loshkariov I.D. Diaspora policy in Ethiopia: institutional dimension. *Asia and Africa today*. 2023, № 12. Pp. 24–32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029004-6

ВВЕДЕНИЕ

Современные государства всё чаще обращают внимание на своих граждан, проживающих за рубежом, бывших соотечественников и их потомков. Диаспора – в самом широком толковании этого сло-

ва – становится новым ресурсом воспроизводства национальной и культурной идентичности, подспорьем для социального и экономического развития, инструментом продвижения интересов в государствах проживания соотечественников.

Крупные волны эмиграции из Эфиопии – это сравнительно новый феномен, связанный, прежде всего, с завершением формирования централизованного государства. До 1974 г. основной категорией уезжающих были студенты зарубежных вузов, которые преимущественно возвращались обратно после обучения. Это объяснялось тем, что после учебы в университетах (в основном, западных) эфиопов ждал высокий социальный статус и возможность реализовать себя [1, р. 225]. Некоторым исключением из правила можно считать вынужденное пребывание императора Хайле Селассие I и правительства Эфиопии в изгнании в Великобритании в 1936–1941 гг. От итальянской оккупации в современную Кению также бежала часть эфиопов, но они в основном вернулись вместе с императором [2, с. 125–144].

После свержения Хайле Селассие I в 1974 г. поток миграции из Эфиопии значительно вырос. Вместе с бывшими феодалами и аристократами из страны выезжали оппозиционно настроенные интеллектуалы. Помимо этого, из-за кризиса в сельском хозяйстве, повстанческой борьбы национальных организаций (тиграйцев, оромо и др.) и последствий войны в Огадене (1977–1978) Эфиопию покидали крестьяне. Основная часть эмигрантов перебиралась в соседние государства (Кения, Судан). К 1987 году численность беженцев из Эфиопии на континенте превышала 1,1 млн человек. Лишь незначительная их часть выехала затем в Западную Европу и Северную Америку (примерно 150–200 тыс. человек) [3, pp. 52–53].

Фактически период правления Дерга запустил мощный механизм снижения демографического давления, в рамках которого миграция стала способом частичного решения проблем аграрного перенаселения. Вслед за первой волной миграции последовали дальнейшие волны, которые расширили географические рамки эфиопской диаспоры [4].

Помимо миграции в Западную Европу и Северную Америку, часть эмигрантов направилась в страны Персидского Залива. К 2020 г. Саудовская Аравия заняла второе место по численности выходцев из Эфиопии, обогнав Канаду, Германию и Италию. Легально в государства Аравийского полуострова за последние десятилетия прибыло всего около 300 тыс. чел., однако через нелегальные каналы, по разным оценкам, мигрировало до 1,5 млн человек (причем только в Саудовскую Аравию – около 0,5 млн человек). Кроме того, новым направлением миграции стал «южный маршрут» в ЮАР, по которому за три десятилетия (1990–2020 гг.) прибыло свыше 100 тыс. человек (преимущественно нелегально).

ЭФИОПСКАЯ ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Современная эфиопская диаспора насчитывает до 2–2,5 млн человек. Сравнительно благополучным и устойчивым можно назвать положение эфиопской общины в странах Западной Европы и Северной Америки (примерно 500–800 тыс. чел.). В то же время их соотечественники в государствах Персидского Залива (до 1,5 млн), Восточной и Южной Африки (около 130 тыс.) – в основном нелегальные мигранты в первом поколении, которые могут со временем вернуться в страну происхождения или накопить средства для переезда в другую страну [5]. Условно, для одного сегмента диаспоры более характерно наличие постоянного места работы и устойчивого заработка, а для другого – временные и неформальные трудовые отношения, дискриминация со стороны работодателей и постоянная угроза задержания и депортации.

В то же время эфиопская диаспора характеризуется большой степенью неоднородности. Часть выходцев из Эфиопии придерживается гражданской (общеефиопской) идентичности, другая – делает особый упор на этническую идентичность. В последние десятилетия возникло значительное число этнических организаций этносов оромо, огаденских сомалийцев, сидама, афар и других. В частности, в Германии создано уже 16 организаций выходцев из Эфиопии по этническому принципу [6, pp. 621–622]. В результате вооруженного конфликта в штате Тиграй (2020–2022 гг.) усилились тенденции по обособлению тиграйцев от остальной части эфиопской диаспоры.

Помимо этнического деления, среди эфиопской диаспоры выделяются разные политические и религиозные группы. Часть выходцев из Эфиопии выступает против действующего правительства, критикуя федеративное устройство в его нынешнем виде и усилия властей по постепенной централизации. Другая часть эфиопской диаспоры поддерживает нынешнее правительство и выступает за дальнейшую

реализацию текущего политического курса. Наконец, в последние десятилетия более заметно обособление мусульманской общины из Эфиопии, которая в основном стремится вписать себя в общеэфиопскую гражданскую идентичность. Для этой группы выходцев из Эфиопии важно пересмотреть понимание «эфиопскости», подчеркнуть значение страны как точки назначения первой хиджры (переселения ранней мусульманской общины в период гонений) [7, pp. 84–85].

В целом эфиопская диаспора характеризуется большим количеством связей со страной происхождения (через родственные каналы и информационно-коммуникационные технологии). Одна из важных причин поддержания отношений с родственниками за рубежом – особое восприятие нахождения в диаспоре в Эфиопии. Покинувшие Родину мыслятся как жертвы, изгнанники и оторванные от мест происхождения, а потому им сочувствуют, стараются поддерживать контакты и связи [8]. Из-за роста численности и многообразия идентичностей диаспоры, формирования целых мигрантских сетей с контактами на территории происхождения Эфиопии стало всё сложнее игнорировать своих соотечественников. Именно в таких условиях Эфиопии приходится выстраивать связи с соотечественниками за рубежом и привлекать их к решению задач экономического и социального развития.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В 2002 г. в структуре МИД Эфиопии было создано Управление по делам зарубежных эфиопов. Этому подразделению было поручено «мобилизовать» сообщество выходцев из Эфиопии для создания более благоприятного имиджа страны за рубежом и поощрять их активное участие в социально-экономическом развитии территории происхождения. Управление через посольства устанавливало связи с местными объединениями мигрантов, содействовало формированию инвестиционных связей, научных и профессиональных связей. К 2007 г. это структурное подразделение МИД создало сервисные отделы в 13 посольствах Эфиопии – преимущественно в государствах Европы и Северной Америки.

Параллельно в составе Министерства перспективного развития (англ. *capacity-building*) в 2005 г. был создан Координационный офис по диаспоре. Данная структура во многом дублировала функции профильного Управления МИД, однако основной зоной её ответственности стало привлечение высококвалифицированных кадров из диаспоры, оценка инвестиционных возможностей и подготовка программ по снижению бедности в конкретных местностях. Поскольку контакты с зарубежными организациями осуществлялись через МИД, Координационный офис не ввязывался в бюрократическое противостояние с Управлением по делам зарубежных эфиопов [3, pp. 58–59]. В 2011 г. Министерство перспективного развития включило в состав Министерства социальной политики, затем последовало еще несколько организационных изменений, в результате которых Координационный офис был фактически упразднен.

Первоначальный замысел руководства страны состоял в том, чтобы перенаправить энергию мигрантских сообществ с политических на более нейтральные экономические вопросы. В частности, Прокламация № 270 от 5 февраля 2002 г. «О предоставлении иностранцам эфиопского происхождения некоторых прав» четко фиксировала, что представители диаспоры могут «внести вклад в развитие и процветание страны происхождения»¹. Однако всеобщие и региональные выборы 2005 г. показали, что эфиопская диаспора не готова к подобным ограничениям: общины в Северной Америке и Европе оказывали поддержку оппозиционным партиям, ключевые диаспоральные организации настаивали на бойкоте работы избранного парламента. В результате в официальных коммюнике в Эфиопии стали иногда называть представителей диаспоры «экстремистами» и «остатками прежнего режима», чтобы подчеркнуть невозможность их участия во внутренней политике страны [10, pp. 274–278].

В этой связи власти страны продолжили линию на сотрудничество с умеренными организациями диаспоры и на ограничение сфер их присутствия. В частности, в пятилетнем правительственном Плане ускоренного и устойчивого развития во имя борьбы с бедностью (2006–2010) отмечалось, что капиталовложения, идеи и навыки участников диаспоры наиболее востребованы в тех отраслях, которые обеспечивают экономический рост. В следующем подобном документе – Плане роста и трансформации (2010–2015 гг.) – также подчеркивалось значение диаспоры в преодолении проблем бедности.

¹ Providing Foreign Nationals of Ethiopian Origin with certain Rights to be Exercised in their Country of Origin Proclamation. <https://investin.et/wp-content/uploads/2019/12/Providing-Rights-to-Foreign-Nationals-of-Ethiopia-Origin-Proclamation-No.-270-2002.pdf> (accessed 05.08.2023)

Для реализации этих целей в 2006 г. правительство Эфиопии разрешило иностранным гражданам совершать две операции в эфиопских банках – открывать счета и, при наличии достаточных средств на этих счетах, получать кредиты. А в 2012 г. были введены ограничения на инвестирование в некоторые сферы – в решении правительства было указано всего 8 отраслей экономики, которые были закрыты для внешних игроков (в т.ч. авиатранспорт, юридические услуги, телерадиовещание и СМИ). Иными словами, другие сферы – такие как разведка и добыча полезных ископаемых – стали более доступными для проектов с участием эфиопской диаспоры [11, pp. 277–230].

В 2013 г. был выпущен первый отраслевой документ – Диаспоральная политика, в котором впервые четко были изложены приоритеты и направления дальнейшей работы правительства Эфиопии в сфере взаимодействия с диаспорой. Поскольку документ был принят после смерти многолетнего премьер-министра Мелеса Зенауи в 2012 г., в его тексте появились и некоторые политические аспекты.

В частности, в диаспоральной политике признавалась роль эфиопской общины за рубежом в процессах демократизации и установления устойчивого мира в Эфиопии. А одной из целей политики государства было провозглашено расширение участия эфиопской диаспоры в политической жизни страны. Так, эфиопским гражданам, проживающим за рубежом, и лицам с видом на жительство, временно находящимся в Эфиопии, предлагалось разрешить голосовать на парламентских выборах². Однако в 2019 г. этот вопрос был окончательно закрыт правительством Абия Ахмеда: Прокламация № 1162 установила ценз оседлости для избирателей сроком не менее 6 месяцев, что исключило представителей диаспоры из электоральных процессов³.

Важным этапом в диаспоральной политике Эфиопии стало создание площадок для коммуникации диаспоры с правительством. С 2007 г. стали проводиться бизнес-форумы диаспоры, а в 2012 г. была создана Ассоциация эфиопской диаспоры, которая объединила основные признаваемые государством организации эфиопов, проживающих за рубежом [11, p. 234]. В 2014–2018 гг. действовал специальный сайт (www.ethdiaspora.org.et) для эфиопской диаспоры с наиболее актуальной информацией о законодательных нормах в отношении участников диаспоры, налогообложения и получения идентификационных документов⁴.

В 2015 г. в Эфиопии стали проводиться Дни диаспоры – комплекс мероприятий включал выставки, спортивные соревнования, панельные дискуссии по актуальным проблемам развития страны⁵. Наконец, в 2023 г. федеральное правительство приняло решение отмечать в июне Международный день денежных переводов семьям – эта знаменательная дата подчеркивает «важность сокращения бедности семей и связи с диаспорой»⁶.

Несмотря на официальный дискурс об эфиопской общенациональной идентичности, в последние годы правления Мелеса Зенауи власти страны перешли к стратегии дробления диаспоры фактически по этническому принципу. Для этого на уровне штатов создавались координационные офисы по вопросам диаспоры. К 2011 г. таких офисов было как минимум 4 – в Гамбеле, Сомалии, городе федерального значения Дыре Дауа и Штате южных народов и национальностей⁷. Затем такие же структуры появились в штатах Амхара и Тиграй⁸.

Примечательно, что в штатах с наиболее оппозиционными этническими диаспорами (Оромия, Афар) подобные структуры открыты не были. Таким образом, правительство Эфиопии начало ограничивать не только сферы для взаимодействия с диаспорой, но и устранять от такого взаимодействия некоторые сегменты эфиопской общины за рубежом. Этот среднесрочный тренд не был устранен правительством Абия Ахмеда – скорее, изменились этнические сегменты, с которыми власти страны не готовы сотрудничать.

² Diaspora policy. <http://aigaforum.com/documents/Diaspora-policy-final-English.pdf> (accessed 30.08.2023)

³ The Ethiopian Electoral, Political Parties Registration and Election's Code of Conduct Proclamation. <https://nebe.org.et/sites/default/files/Ethiopian-Electoral-Proclamation-No-1162.pdf> (accessed 30.08.2023)

⁴ Ethiopian Diaspora Portal launched. <https://www.ethiembassy.org.uk/ethiopian-diaspora-portal-launched/> (accessed 09.08.2023)

⁵ National Diaspora Event: Aug 12–16. <https://ethionewsdirect.com/national-diaspora-event-aug-12-16/> (accessed 10.08.2023)

⁶ Nation Marks First Ever Int'l Day of Family Remittances. https://www.ena.et/web/eng/w/eng_2952257 (accessed 12.08.2023)

⁷ Basic Information for Ethiopians in the Diaspora. http://www.ethiopia-emb.or.jp/wp-content/uploads/2012/04/final_amended_information_book.pdf (accessed 16.08.2023).

⁸ Diaspora Coordination Officials from Ethiopia Undergo Training. <https://www.iom.int/news/diaspora-coordination-officials-ethiopia-undergo-training> (accessed 15.08.2023)

В целом, после смерти М.Зенауи (в августе 2012 г.) не произошло существенного изменения диаспоральной политики Эфиопии. Правительство Хайлемариам Дессаленя (2012–2018 гг.) несколько смягчило риторику в отношении оппозиционных сегментов диаспоры, но продолжило выстраивать ограничения для взаимодействия зарубежных соотечественников с территорией происхождения. Отчасти это было вызвано тем, что эфиопская диаспора в Северной Америке и Европе в основном не поддержала введение чрезвычайного положения в стране и борьбу с этническими и социальными протестами в Дыре-Дауа, штатах Оромия и Амхара⁹.

Парадоксально, но и правительство Абия Ахмеда (с 2018 г.), пришедшее к власти на волне протестов в целом продолжает линию предшественников в отношении эфиопской диаспоры. Фактически многие прежние институты диаспоральной политики были заменены новыми вариациями, но их функции и задачи остались прежними. В частности, в 2019 г. началась работа Агентства по делам эфиопской диаспоры (с 2022 г. – Службы) – вместо соответствующего управления МИД. В ведение новой структуры перешли свыше 60 диаспоральных бюро в ключевых посольствах за рубежом. Единственным важным отличием Агентства от ведомств-предшественников стало наличие представительств в каждом штате¹⁰.

Вместо ранее существовавшего портала для представителей диаспоры в январе 2022 г. функция помощи по правовым и инвестиционным вопросам была добавлена на платформу государственных услуг Эфиопии (<https://www.eservices.gov.et>)¹¹. Однако, с учетом количества уникальных посещений этой платформы (не более 3 млн чел.), востребованность подобной электронной площадки пока невелика.

В дополнение к существующей Ассоциации эфиопской диаспоры федеральное правительство в 2020 г. создало Союз ассоциаций эфиопской диаспоры. Эта организация была призвана обеспечить более равномерное представительство основных этнических групп и помогать соотечественникам за рубежом выстраивать тесные связи на уровне соответствующих этнических штатов¹². Впоследствии власти Эфиопии и вовсе разрушили монополию на представительство интересов диаспоры: после нескольких лет дискуссий и подготовительной работы в феврале 2023 г. был утвержден перечень из 52 официально признанных организаций диаспоры, созданных в 25 государствах мира¹³.

Наконец, в апреле 2021 г. Агентство по делам эфиопской диаспоры объявило о намерении пересмотреть отраслевой концептуальный документ – Диаспоральную политику.

Основной причиной пересмотра заместитель руководителя Агентства М.Эдрис назвал низкие результаты диаспоральной политики в прошлые годы и несогласованность внутригосударственных программ развития с возможным вкладом соотечественников за рубежом. Для разработки концептуальных основ нового документа была создана исследовательская группа, которая получила задание сформулировать рекомендации по «доказательной» (*evidence-based*) политике в отношении диаспоры¹⁴. На двухлетний проект исследовательской группе было выделено 67 млн бырр (примерно \$16 млн). Показательно, что все отобранные исследователи были не из столицы и представляли ключевые университеты всего 4 этнических штатов – Амхара, Оромия, Сомалия и Сидама (создан в 2020 г.)¹⁵.

Несмотря на достаточно помпезную процедуру запуска пересмотра отраслевого документа, пока конкретных результатов от этих усилий не наблюдается.

Таким образом, диаспоральная политика Эфиопии за последние десятилетия приобрела следующие характеристики.

⁹ From Washington, influencing Ethiopia's politics. <https://www.dw.com/en/from-washington-influencing-ethiopia-politics/a-36524339> (accessed 18.08.2023)

¹⁰ Ethiopia to Inaugurate Diaspora Agency this Friday. https://www.ena.et/web/eng/w/en_6397?p_1_back_url=%2Fweb%2Feng%2Fsearch%3Fq%3DDiaspora (accessed 21.08.2023)

¹¹ Diaspora Agency Launches E-Service Platform to Provide Digitalize Services to Diaspora. https://www.ena.et/web/eng/w/en_32760?p_1_back_url=%2Fweb%2Feng%2Fsearch%3Fq%3DDiaspora (accessed 24.08.2023)

¹² Union of Ethiopian Diaspora Associations Established. https://www.ena.et/web/eng/w/en_18841?p_1_back_url=%2Fweb%2Feng%2Fsearch%3Fq%3DDiaspora (accessed 23.08.2023)

¹³ Govt Recognizes 52 Ethiopian Diaspora Associations. <https://ethiopianmonitor.com/2023/01/26/52-diaspora-associations-recognised-for-their-support-at-critical-times/> (accessed 19.08.2023)

¹⁴ Nation Undertaking Policy Review, Strategy Formulation to Hoist Diasporas Role. https://www.ena.et/web/eng/w/en_23760 (accessed 18.08.2023)

¹⁵ DA Commences Project To Augment Diaspora Engagement. <https://www.fanabc.com/english/eda-commences-project-to-augment-diaspora-engagement/> (accessed 17.08.2023)

Во-первых, создана отдельная управленческая структура по вопросам соотечественников за рубежом в подчинении МИД.

Во-вторых, постепенно наращивается диалог с организациями эфиопской диаспоры и формируются контролируемые зонтичные структуры для обеспечения более целенаправленной коммуникации.

В-третьих, у диаспоральной политики государства формируется региональное измерение (на уровне штатов и городов федерального значения).

В-четвертых, федеральное правительство Эфиопии сохраняет линию на ограничение объекта диаспоральной политики за счет исключения некоторых этнических групп из процессов взаимодействия с зарубежными общинами.

Наконец, в-пятых, основной целью диаспоральной политики страны считается привлечение экономического и социального капитала представителей диаспоры, а не какие-то иные цели – например, их возвращение в государство происхождения или защита культурного наследия.

Политическое участие диаспоры в делах Эфиопии декларируется, но также не реализуется на практике (с отдельными исключениями¹⁶). Несмотря на некоторые внешние особенности и процессы ребрендинга, эти характеристики в полной мере сохранились и в правление премьер-министра Абия Ахмеда (с 2018 г.).

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ДИАСПОРЫ

Невзирая на высокопарную риторику руководства Эфиопии в отношении диаспоры, ожидания государства сводились к весьма конкретному набору результатов. Власти страны подчеркивали необходимость притока капитала из-за рубежа – причем в различных формах.

Во-первых, речь шла о финансовых перечислениях мигрантов – денежных переводах родственникам, членам семьи и близким людям на текущее потребление. С середины 2000–х гг. эта часть глобальных финансовых потоков привлекла особое внимание государств и международных организаций, поскольку совокупные ежегодные объемы финансовых перечислений мигрантов начали превышать объемы прямых инвестиций [12].

Во-вторых, это безвозмездные пожертвования на какие-то конкретные проекты и инициативы (например, плотина Возрождения / ГЭС на р. Голубой Нил). Призывы выделять средства на подобные цели правительство Эфиопии традиционно увязывает с возможностью направить освободившиеся ресурсы на поддержку уязвимых слоев населения и на развитие социальной инфраструктуры.

Наконец, в-третьих, с 2002 г. федеральными властями официально декларируется необходимость привлечения инвестиций от диаспоры, возможность для представителей эфиопской общины за рубежом не только вносить вклад в развитие страны, но и получать от этого доход.

По данным Международной организации по миграции, большая часть эфиопской общины за рубежом (86%) нечасто отправляет средства в страну происхождения – 1–4 раза в год. При этом более половины участников диаспоры (56%) используют неформальные каналы для передачи средств¹⁷. По подсчетам южноафриканского Центра финансового регулирования и инклюзивности, доля в эфиопской диаспоре тех, кто обращается к неформальным способам перечисления денег еще выше – до 78%¹⁸.

Наличие такого большого сегмента неформальных перечислений (через друзей, родственников, в рамках системы «хавала»¹⁹) обуславливает многолетнее расхождение между официальной статистикой Центробанка Эфиопии и Всемирного банка. По данным ВБ, в 2010 г. объем мигрантских перечислений в Эфиопию составил \$345 млн, а в 2015 г. – \$624 млн. Для сравнения, данные ЦБ Эфиопии за аналогичный период таковы: в 2010 г. – \$1,8 млрд, в 2015 г. – \$3,79 млрд. Несмотря на различия в итоговых показателях, данные четко фиксируют рост объема перечислений примерно в 2 раза. По сравнению с дан-

¹⁶ В частности, Бырхану Нега – либеральный политик и политэмигрант с большими связями в эфиопской общине в США – в 2021 г. назначен федеральным министром образования (*прим. авт.*).

¹⁷ The Role of Economic and Social Remittances in Shaping Migration Flows from Ethiopia. https://reliefweb.int/attachments/7da5f952-9893-4366-9b6e-98b5b9245369/iom_rdh_eastern_southern_route_research_remittances_briefing_paper6.pdf (accessed 26.08.2023)

¹⁸ Exploring barriers to remittances in sub-Saharan Africa series. Vol. 4. Remittances in Ethiopia. https://cenfri.org/wp-content/uploads/2018/11/Barriers-study-volume-4-Remittances-in-Ethiopia_November-2018.pdf (accessed 22.08.2023)

¹⁹ Хавала – неформальная финансово-расчетная система на основе взаимозачета требований и обязательств между брокерами, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Африке и Азии (*прим. ред.*).

ными за 2001 г., динамика, еще более впечатляющая к 2015 году: по данным Всемирного банка, объем перечислений мигрантов вырос более чем в 10 раз (с \$53 млн)²⁰. Однако к 2020 г. потенциал для увеличения объема мигрантских переводов был близок к исчерпанию. Несмотря на это, в 2020–2021 финансовом году (начинается в июле. – И.Л.) ЦБ Эфиопии отмечал, что объем перечислений мигрантов составил \$3,6 млрд²¹. А в следующем финансовом году показатель составил \$4,2 млрд, что довольно близко совпадает с целевым показателем, который сформулировал премьер-министр Абий Ахмед²².

Таким образом, основным препятствием для реализации диаспоральной политики в сфере поощрения мигрантских перечислений стало наличие большого сегмента неформальных переводов, которые не проходят через банковскую систему и лишь косвенно влияют на экономику страны (через увеличение потребления отдельных домохозяйств).

Несмотря на усилия государства по снижению стоимости переводов, Эфиопии пока не удалось убедить свою диаспору направлять средства через официальные банковские каналы: отчасти это связано с положением выходцев из Эфиопии в странах пребывания, отчасти вызвано недоверием к официальным институтам. Возможно, ситуация скоро изменится, т.к. в 2023 г. Дашен Банк и Экобанк при содействии властей создали специальное приложение для выходцев из Эфиопии, которое может упростить перевод средств и снизить банковские комиссии (до 1,5%)²³. Однако в отсутствие изменений в отношении к официальным каналам движения капитала федеральному правительству приходится делать упор на альтернативу денежным перечислениям, которая представлена, прежде всего, целевыми финансовыми инструментами.

В июле 2018 г. премьер-министр Абий Ахмед выдвинул идею, что каждый представитель диаспоры может жертвовать по доллару в день на развитие страны. В ответ на критику государственных расходов премьер предложил создать Трастовый Фонд диаспоры, который бы распоряжался полученными средствами²⁴. С 2019 г. этот фонд начал работу: средствами распоряжается специальный совет директоров из 11 человек, 5 из которых представляют различные организации эфиопской диаспоры²⁵. К 2020 г. Фонд собрал \$6,3 млн примерно от 25 тыс. жертвователей. Примерно \$1,1 млн было направлено на помощь в борьбе с пандемией *COVID-19*, а остальное распределено между 5 проектами (строительство средних школ, ирригация и пр.)²⁶. В 2023 г. фонд также финансирует всего 5 проектов на общую сумму примерно \$11 млн, в т.ч. работы по ремонту школ, восстановлению водоснабжения, образованию детей с ограниченными возможностями²⁷.

Для плотины Возрождения²⁸ федеральное правительство использовало иной способ привлечения средств диаспоры. В частности, еще с 2011 г. выпускаются специальные целевые облигации, в т.ч. для участников диаспоры. Только за 2011–2015 гг. с помощью облигаций на строительство плотины Возрождения в эфиопской диаспоре было собрано порядка \$190 млн²⁹. После формирования нового правительства годовые объемы покупок целевых облигаций для диаспоры выросли: в частности, в 2020–2021 финансовом году сумма поступлений составила почти \$60 млн – в среднем на 10–15% больше, чем в прежние годы³⁰.

²⁰ Scaling Up Formal Remittances to Ethiopia: Executive Summary. https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/press_release/file/iom-ethiopia-executive-summary-21.pdf (accessed 23.08.2023)

²¹ Ethiopians in Diaspora Sent home \$3.6 billion in 2020/21FY. <https://ethiopianmonitor.com/2021/08/07/ethiopians-in-diaspora-sent-home-3-6-billion-in-2020-21fy/> (accessed 24.08.2023)

²² Ethiopia's Remittances Inflow Hits \$4.2 Billion. <https://ethiopianmonitor.com/2022/07/22/ethiopias-remittances-inflow-hits-4-2-billion/> (accessed 27.08.2023)

²³ Dashen Bank, Ecobank Launch Remittance App targeting Ethiopians in the Diaspora. <https://ethiopianmonitor.com/2023/06/08/dashen-bank-ecobank-launch-remittance-app-targeting-ethiopians-in-the-diaspora/> (accessed 26.08.2023)

²⁴ Ethiopia PM asks diaspora to save 'a dollar a day' to support development projects. <https://www.africanews.com/2018/07/08/ethiopia-pm-asks-diaspora-to-save-a-dollar-a-day-to-support-development-projects/> (accessed 28.08.2023)

²⁵ Ethiopian Diaspora Trust Fund Forms Board of Directors. <https://ethiopianmonitor.com/2019/05/21/ethiopian-diaspora-trust-fund-forms-board-of-directors/> (accessed 12.08.2023)

²⁶ Diaspora Trust Fund Denies Misuse of Funds, Says There're No Financial Irregularities. https://www.ena.et/web/eng/w/en_14620 (accessed 13.08.2023)

²⁷ Cashflow Summary of the Five Unconditionally Approved Projects. https://www.ethiopiustrustfund.org/wp-content/uploads/2020/08/Summary-of-Approved-Budgets-and-First-Quarter-Cashflow-Five-Projects_-17-May-2020.pdf (accessed 14.08.2023)

²⁸ Высота плотины составит 145 м, а длина – 1800 м, вместимость водохранилища – 62–67 млрд куб. м, что вдвое превышает объем крупнейшего озера страны – Тана, истока Голубого Нила (подробнее см.: [12]).

²⁹ Ethiopian Diaspora Purchases 110 Million birr GERD Bond in Six Months. <https://walmartinfo.com/38701/> (accessed 16.08.2023)

³⁰ Ethiopian diaspora back national projects. <https://newbusinessethiopia.com/economy/ethiopian-diaspora-back-national-projects/> (accessed 21.08.2023)

В совокупности за все годы строительства плотины Возрождения выпуск целевых облигаций дал примерно \$550–600 млн (с учетом ослабления курса эфиопского бырра почти на треть), т.е. примерно 2% от итоговой стоимости проекта. Основная часть проекта финансируется преимущественно за счет кредитов от Катара и Китая, хотя официальные власти Эфиопии это отрицают³¹.

Опыт целевых облигаций в Эфиопии подвергается критике, поскольку эти ценные бумаги не были зарегистрированы в соответствующих регуляторах в странах пребывания диаспор (например, в Комиссии по ценным бумагам и биржам США). Более того, отчетность о выполненных работах не отличается прозрачностью и оставляет возможность для манипуляций. При этом ранее были случаи нецелевого расходования средств: в 2009 г. были выпущены облигации Тысячелетия для финансирования проектов в эфиопской энергетике, которые, по всей видимости, позволили власти имущим вывести несколько миллиардов долларов за рубеж³².

В этой связи правительство Абия Ахмеда постепенно стало переходить к практике марафонов по сбору средств и регулярных кампаний по поощрению целевых пожертвований. В частности, в 2021 г. в ходе трех волн сбора средств в США посольство Эфиопии сумело передать более \$1,75 млн на продолжение строительства плотины Возрождения³³. Помимо этого, широко рекламировалась возможность пожертвовать на проект через СМС или на сайте <https://mygerd.com>.

В последние годы наметилась некоторая несогласованность мер по сбору средств у участников диаспоры. Фактически каждое федеральное министерство Эфиопии стало самостоятельно искать возможности проведения кампаний по получению пожертвований. В частности, в 2022 г. МИД Эфиопии собирал средства на размещение внутренне перемещенных лиц на севере страны³⁴. Министерство здравоохранения обращалось к эфиопской диаспоре с просьбой пожертвовать на медицинское оборудование, лекарства и ремонтные работы³⁵. При посредничестве Агентства по делам эфиопской диаспоры с предложениями о сборе средств также выступали федеральные министерства транспорта и логистики, труда и социальной политики, а также Национальная комиссия по борьбе с природными бедствиями³⁶.

Наконец, инвестирование в Эфиопию со стороны участников диаспоры пока сосредоточено на небольших проектах. По данным Агентства по делам эфиопской диаспоры, в 2021–2022 финансовом году было запущено 83 проекта на общую сумму около \$74 млн (примерно 2% от общего объема прямых инвестиций). Инвесторами стали 121 выходец из Эфиопии, а рабочие места получили примерно 13 тыс. человек³⁷.

Для привлечения прямых инвестиций федеральное правительство проводит регулярные бизнес-форумы и презентации отдельных отраслей в посольствах, размещает актуальную информацию в социальных сетях и на официальных сайтах³⁸. По всей видимости, эти меры недостаточны, чтобы привлечь инвесторов на высокорискованный рынок Эфиопии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие в Эфиопии сформировалась новая отрасль государственной политики – диаспоральная политика. Её особенностью стало наличие регионального уровня (координационные офи-

³¹ China expands its influence in Horn of Africa, overlooks dispute over Nile dam. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/03/china-expands-its-influence-horn-africa-overlooks-dispute-over-nile-dam> (accessed 30.08.2023); Ethiopia Denies Receiving Funding from Qatar. <https://tesfanews.net/ethiopia-denies-receiving-qatar-funding-renaissance-dam/> (accessed 22.08.2023)

³² Diaspora bonds: An innovative source of financing? <https://www.brookings.edu/articles/diaspora-bonds-an-innovative-source-of-financing/> (accessed 23.08.2023)

³³ Ethiopian Diaspora in U.S. Raises over \$1.7mln for GERD. <https://ethiopianmonitor.com/2021/08/22/ethiopian-diaspora-in-u-s-raises-over-1-7mln-for-gerd/> (accessed 21.08.2023)

³⁴ Diasporas in UK Raise Nearly 12 Million Birr to Support Displaced People in Northern Ethiopia. <https://ethiopianmonitor.com/2022/01/23/diasporas-in-uk-raise-nearly-12-million-birr-to-support-displaced-people-in-northern-ethiopia/> (accessed 17.08.2023)

³⁵ Health Ministry Urges Diasporas, Donors to Increase Support for Rehabilitation of War-affected Regions. https://www.ena.et/web/eng/w/en_40250 (accessed 16.08.2023)

³⁶ Agency Urges Ethiopian Diaspora to Support Rehabilitation, Reconstruction Efforts. <https://walmartinfo.com/agency-urges-ethiopian-diaspora-to-support-rehabilitation-reconstruction-efforts/> (accessed 28.08.2023)

³⁷ Ethiopian Diaspora Send 1.7 Billion USD Remittance in Four Months. https://www.ena.et/web/eng/w/en_42012 (accessed 30.08.2023); Ethiopian diaspora back national projects. <https://newbusinessethiopia.com/economy/ethiopian-diaspora-back-national-projects/> (accessed 27.08.2023)

³⁸ Ethiopians in Diaspora urged to Step up Investment in Ethiopia. <https://ethiopianmonitor.com/2022/01/11/ethiopians-in-diaspora-urged-to-step-up-investment-in-ethiopia/> (accessed 25.08.2023)

сы на уровне штатов, затем представительства профильного федерального агентства), некоторое дублирование функций (в частности, в вопросах привлечения капитала представителей диаспоры) и упор на вовлечение диаспоры в экономическое развитие страны. С 2018 г. усилия федерального правительства по привлечению средств от диаспоры интенсифицировались. Главным институциональным новшеством стал отказ от централизованной коммуникации «государство – диаспора»: федеральные власти официально признали 52 организации выходцев из Эфиопии, а также создали несколько новых площадок для диалога. Эти усилия пока не дали убедительных результатов: денежные переводы диаспоры обеспечивают примерно 3% ВВП, а инвестиции от соотечественников – около 2% от объема прямых иностранных инвестиций. По всей видимости, качественный рост экономической поддержки Эфиопии со стороны диаспоры невозможен без расширения политического участия представителей диаспоры в процессах на территории происхождения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Tasse A. 2007. Ethiopian migration: Challenging traditional explanatory theories. *Revitalising Communities in a Globalising World*. Ed. by L.Dominelly. Burlington, VT: Ashgate Publishing. Pp. 219–229.
2. Кассе Н.В. Хайле Селассие I – император Эфиопии. М. РУДН, 2016.
Kassae N.V.M. 2016. Haile Selassie I – Emperor of Ethiopia. Moscow (In Russ.)
3. Kuschminder K., Siegel M. 2013. Diaspora engagement and policy in Ethiopia. *Emigration Nations: Policies and Ideologies of Emigrant Engagement*. Ed by M.Collyer. Basingstoke: Palgrave Macmillan. Pp. 50–74.
4. Schewel K., Asmamaw L.B. 2021. Migration and development in Ethiopia: Exploring the mechanisms behind an emerging mobility transition. *Migration Studies*. Vol. 9. Iss. 4. Pp. 1673–1707. DOI: 10.1093/migration/mnab036
5. Abugna G. Once Primarily an Origin for Refugees, Ethiopia Experiences Evolving Migration Patterns. 05.10.2021. <https://www.migrationpolicy.org/article/ethiopia-origin-refugees-evolving-migration> (accessed 30.08.2023)
6. Záhořík J., Roro A.G. 2022. Ethiopian diaspora and its impact on politics in Ethiopia. *Routledge Handbook of the Horn of Africa*. Ed. by J.-N.Bach. N.Y.: Routledge. Pp. 618–627.
7. Hoehne M.V., Feyissa D., Abdile M. 2011. Somali and Ethiopian diasporic engagement for peace in the Horn of Africa. *African Conflict and Peace-building Review*. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 71–99. DOI: 10.2979/africonfpeacrevi.1.1.71
8. Стеблин-Каменский Н.И. Тоска по родине, насилие и проституция: амхарская литература о трудовой миграции в страны Персидского залива. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2017. Т. 9, № 1, с. 58–69.
Steblyn-Kamensky N.I. 2017. Homesickness, violence and prostitution: Amharic literature on labour migration to the Persian Gulf countries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Oriental and African studies*. Vol. 9. Iss. 1. Pp. 58–69. (In Russ.)
9. Lyons T. 2011. Transnational politics in Ethiopia: Diasporas and the 2005 elections. *Diaspora: A journal of transnational studies*. Vol. 15. Iss. 2–3. Pp. 265–284. DOI: 10.3138/diaspora.15.2-3.265
10. Chacko E., Gebre P.H. 2017. Engaging the Ethiopian diaspora: Policies, practices and performance. *Africa and its global diaspora: The policy and politics of emigration*. Ed. by J.Mangala. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 219–249
11. Лошкарёв И.Д. Связка «миграция-развитие» в рамках глобального режима в сфере миграции. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19, № 1, с. 42–60.
Loshkariov I.D. 2018. The link “migration-development” within the global regime in the field of migration. *South Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19. Iss. 1. Pp. 42–60. (In Russ.)
12. Брагин А.Н. Эфиопия: «Великая дамба возрождения». *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1. С. 56–58.
Bragin A.N. 2012. Ethiopia: “The Grand Renaissance Dam”. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 56–58. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лошкарёв Иван Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра политической теории МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Ivan D. Loshkariov, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.11.2023

Япония: демографический кризис

© Жилина Л.В.^а, 2023

^а Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия
ORCID: 0000-0002-6337 3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Резюме. Япония серьезно пострадала от пандемии *COVID-19*, что негативно отразилось на демографии в стране: число рождений оказалось самым низким за всю историю наблюдений. И эта тенденция вряд ли изменится в обозримом будущем. Негативный тренд снижения рождаемости был заложен задолго до пандемии: гендерное разделение труда, уровня участия женщин в рабочей силе, нарушение баланса между работой и личной жизнью – всё это в итоге привело к снижению брачности и отсутствию возможности обзавестись детьми. Изменения в жизни, вызванные затянувшейся пандемией коронавируса, заставляют женщин жить в постоянном стрессе, что также не способствует решению вопроса повышения рождаемости.

Для японского общества проблемы, которые обнажила пандемия *COVID-19*, дали возможность переосмыслить ту большую роль, которую играют мужчины (помимо работы для обеспечения семьи) в своих семьях, и это переосмысление, при принятии определенных решений со стороны японского правительства, вероятно, позволит остановить эту печальную тенденцию.

Ключевые слова: Япония, женщины, снижение рождаемости, пандемия *COVID-19*, демографический кризис

Для цитирования: Жилина Л.В. Япония: демографический кризис. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 33–40. DOI: 10.31857/S032150750028998-9

Japan: Demographic Crisis

© Larisa V. Zhilina^а, 2023

^а Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
ORCID: 0000-0002-6337 3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Abstract. Japan has been adversely affected by the *COVID-19* pandemic which has had a negative impact on the demographics in the country in dramatic ways : the number of births in Japan has been on a downtrend since the government started compiling statistics on births in 1899 and this downtrend is expected to continue for years to come.

On the one hand, the negative trend of declining fertility was laid down long before the pandemic by persistent features will continue including the gendered division of labor, rising rates of labor participation among women, breaking balance of work and life that ultimately has led to decrease of marriage rates and has caused women to delay plans to become pregnant due to economic reasons. On other hand, social distancing, changes brought upon by the prolonged coronavirus pandemic has continued to cause women to permanent stress which, in turn, also does not contribute to the solution of the fertility issue.

For Japanese society, challenges which were caused by *COVID-19* pandemic may be an opportunity to re-imagine the larger role men play in their families (apart from work for family financial supporting) and this rethinking, with the adoption of certain decisions by the Japanese government, is likely to stop this negative trend in demography.

Keywords: Japan, women, fertility decline, *COVID-19* pandemic, demographic crisis

For citation: Larisa V. Zhilina. Japan: Demographic Crisis. *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 33–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028998-9

ВВЕДЕНИЕ

Уже почти три последних десятилетия Японии, до сих пор являющейся одной из сильнейших экономик мира, всё сложнее удерживать свои экономические позиции. Одной из немаловажных причин данной ситуации стали демографические проблемы: уменьшение численности населения, вызванное демографическим кризисом, снижение доли рабочей силы вследствие старения японской нации, которая является самой возрастной и одной из быстро стареющих наций в мире (см. *табл.*).

Таблица. Численность населения, продолжительность жизни, общий коэффициент рождаемости, число новорожденных в год в Японии в 2002–2022 гг.

Table. Population, life expectancy, the total fertility rate, number of newborns per year in Japan 2002–2022

Год	Население страны (тыс. чел.)	Средняя продолжительность жизни	Число браков на 1000 чел.	Коэффициент рождаемости ¹	Число новорожденных
2002	127 302	81,7953	–	–	1 172 365
2003	127 502	81,8558	–	–	1 142 034
2004	127 671	82,1309	–	–	1 128 391
2005	127 768	82,012	5,7	1,26	1 102 137
2010	128 057	82,9193	5,5	1,39	1 095 286
2015	127 095	83,8928	5,1	1,45	1 020 821
2016	126 933	84,0664	5,0	1,44	990 949
2017	126 706	84,1976	4,9	1,43	917 160
2018	126 443	84,2971	4,7	1,42	885 105
2019	126 167	84,4258	4,8	1,36	837 463
2020	126 146	84,4258	4,3	1,33	827 602
2021	125 502	84,7839	4,1	1,3	818 509
2022	124 947	84,8201	4,1	1,26	814 705

Источник: Составлено автором по данным *Statistical handbook of Japan* 2021, 2023 [1; 2], database.earth² и Statista.com³.

Согласно данным, опубликованным Министерством здравоохранения Японии, число детей, рожденных в стране в 2022 г., упало до рекордно низкого уровня впервые с 1899 г. – с тех пор, как правительство начало собирать статистику рождений. И приведенные данные свидетельствуют о том, что эта тенденция не изменится в ближайшее время (см. табл.).

Последствия пандемии *COVID-19* по-прежнему заставляют японских женщин по причинам экономического характера и/или из-за проблем со здоровьем откладывать планирование беременности. Экспертами было даже выдвинуто предположение – причина такой ситуации в том, что партнеры снова стали проводить меньше времени друг с другом, поскольку общество постепенно возвращается к нормальной жизни после пандемии. Но если и в 2023 г. тенденция не изменится, то общее число новорожденных в третьей по величине экономике мира по номинальному ВВП достигнет примерно 770 000. Национальный институт исследований народонаселения и социального обеспечения Японии прогнозирует, что к 2065 г. население страны сократится почти на 40 млн человек⁴.

Пандемия *COVID-19* также привела к сокращению числа браков: из-за пандемии молодые люди в возрасте 20–30 лет больше, чем другие, оказались обеспокоены гарантиями занятости и перспективами получения дохода, что, в свою очередь, сделало их менее (чем до вспышки *COVID-19*) оптимистичными в отношении перспектив создания семьи⁵. Количество зарегистрированных в 2021 г. браков в Японии сократилось на 12,3% (до 525 490), что стало послевоенным антирекордом⁶.

¹ Общий коэффициент рождаемости (суммарное число деторождений на каждую женщину 15–49 лет) до 2015 г. фиксировался раз в 5 лет. Он достиг рекордно низкого уровня в 2005 г. – 1,26. Затем появилась тенденция его восстановления с последующим ростом. Однако общий коэффициент рождаемости снижался последние 5 лет подряд и упал до 1,26 в 2022 г. (прим. авт.).

² database.earth <https://database.earth/population/japan> (accessed 03.12.2023)

³ Statista.com <https://www.statista.com/statistics/1249856/japan-marriage-rate/> (accessed 03.12.2023)

⁴ Japan has a major population problem: it's falling. *World Economic Forum*, 2017. <https://www.weforum.org/agenda/2017/04/why-japans-fertility-problem-could-dramatically-decrease-the-population> (accessed 21.04.2023)

⁵ Japan's births set to fall below 800 000 in 2022, hitting a new all-time low. *The Japan Times*, 20.12.2022. <https://japantimes.co.jp/news/2022/12/20/national/social-issues/japan-depopulation-rate-record-low/> (accessed 20.05.2023)

⁶ Number of Babies Born in Japan Falls to Record Low. *Reuters*, 04.06.2021. <https://www.usnews.com/news/world/articles/2021-06-04/number-of-babies-born-in-japan-falls-to-record-low> (accessed 03.04.2023)

По мнению экспертов, падение числа новорожденных в 23 странах, включая Японию (см. табл.), приведет к тому, что к 2100 г. их население может сократиться вдвое.

По мере того, как страны продвигаются по пути модернизации и укрепляют свой технический потенциал, а женщины получают еще больше возможностей «контроля над своей жизнью», рождаемость продолжает неукоснительно снижаться [3].

Недавний опрос, проведенный *Rohto Pharmaceutical*⁷, показал, что в Японии около половины не состоящих в браке людей в возрасте до 30 лет не заинтересованы в «пополнении семьи». Из 400 респондентов в возрасте от 18 до 29 лет 49,4% заявили, что «не хотят иметь детей» – это самый высокий показатель по результатам ежегодных (затрагивающих вопросы беременности) опросов, которые проводились в последние 3 года. Ссылаясь на такие причины, как высокая стоимость жизни и беспокойство о будущем Японии, 53% мужчин и 45,6% женщин ответили, что «не заинтересованы в том, чтобы стать родителями»⁸. Повышение возраста вступления в первый брак и снижение показателей брачности тоже не способствовали росту рождаемости в стране. И пандемия *COVID-19*, как уже говорилось выше, внесла свою лепту: по состоянию на июль 2020 г. число зарегистрированных беременностей сократилось на 11,4% (если сравнивать с аналогичным периодом 2019 г.), а число браков за тот же период снизилось на 36,9% (см. табл.).

Впрочем, как считают эксперты [4], продолжающееся сокращение населения Японии связано не только и не столько с низким уровнем рождаемости, а скорее с увеличением числа смертей японцев, рожденных во время первого бэби-бума⁹, который произошел после Второй мировой войны. Следовательно, темпы смертности в стране будут только увеличиваться, пока не достигнут своего пика примерно в 2030 г., что, в свою очередь, и приведет к увеличению темпов сокращения населения страны.

ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны семейный уклад в Японии был таков: мужчины работали, а женщины воспитывали детей. Теперь, когда всё больше женщин выходят на рынок труда, представителям обоих полов становится намного труднее создавать свои собственные семьи. Кроме того, японская культура труда часто поощряет многочасовой рабочий день в ущерб общественной и семейной жизни, что, в свою очередь, только усугубляет эту проблему. И если для восточноазиатских обществ характерны поздний возраст вступления в брак и рост числа одиноких, то для Японии демографы также указывают еще одну причину спада рождаемости в стране – снижение интереса (и способности) молодого поколения к созданию собственных семей [5].

Еще одной из причин низкой рождаемости является ухудшение возможностей трудоустройства для молодых мужчин, которым в прошлом было легче найти работу и, следовательно, содержать свою семью. Это влияет на их желание остепениться и снижает шансы на брак: существует мнение, что японские женщины склонны искать мужчин со стабильной работой и уровнем образования выше их собственного [6].

Вместе с тем, пандемия *COVID-19* оказала как краткосрочное (непосредственно в период локдауна), так и долгосрочное воздействие на японские семьи, которые изо всех сил пытались справиться с растущими финансовыми, эмоциональными и физическими (восстановление после перенесенной болезни) последствиями пандемии.

Для семей с детьми потеря финансовой и социальной поддержки (особенно со стороны пожилых членов семьи) в сочетании с закрытием школ и детских садов стали серьезным испытанием, которое усугублялось дополнительными обязанностями по уходу за детьми, находящимися целыми днями дома. Более того, растущая неудовлетворенность и стресс (от изменений рабочей и домашней среды, новых алгоритмов удаленной работы), испытываемый семейными парами, изменение привычного круга общения

⁷ Rohto Pharmaceutical Co. – многонациональная фармацевтическая и потребительская корпорация со штаб-квартирой в г. Осака (прим. авт.).

⁸ Half of unmarried people under 30 in Japan don't want kids, survey finds. *The Japan Times*, 08.04.2023. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/04/08/national/social-issues/children-parenthood-surveys/> (accessed 22.05.2023)

⁹ Поколение первого послевоенного бэби-бума (г.р. 1947–1949) – поколение «данкай». Термин впервые появился в книге «Поколение-глыба» Сакая Тайти. Юность этого поколения пришлась на разгар студенческого движения, а трудовые годы – на период экономического роста Японии. В эпоху «мыльного пузыря» им было около 40 – именно этот возраст считается самым трудоспособным (прим. авт.).

и социальных связей, к которым нужно было адаптироваться – и это только часть проблем японской семьи [7] – всё вкуче также не способствовало повышению рождаемости.

КАК ПАНДЕМИЯ ПОВЛИЯЛА НА ДЕМОГРАФИЮ

В современных исследованиях представлены два основных объяснения разного воздействия пандемии на мужчин и женщин [8]. Первое объяснение – это гендерные различия в отраслевом и профессиональном составе рабочей силы: непропорционально больше женщин работают на позициях, которые требуют большего межличностного контакта и/или не могут выполняться удаленно: значительная часть гендерного разрыва в уровне безработицы может быть объяснена именно профессиями и отраслями.

В последние годы система пожизненного найма не раз подверглась критике из-за создания препятствий для сотрудниц, которые хотели бы иметь детей и, соответственно, уйти в длительный отпуск по уходу за ними. Эта устаревшая установка «работа на всю жизнь», хотя и «выходит из моды», но до сих пор продолжает вступать в противоречие со стремлением современных японцев к балансу между работой и личной жизнью и до сих пор заставляет женщин выбирать между рождением ребенка и карьерой.

Второе объяснение – возросшие обязанности женщин по уходу за детьми. В Японии гендерный дисбаланс в обязанностях по уходу за детьми еще больше увеличил гендерный разрыв, который стал следствием проблем, связанных с пандемией *COVID-19*, и оказал воздействие на рынок труда: замужние женщины с детьми пострадали в большей степени, чем мужчины, и на протяжении всей пандемии чаще, чем мужчины, теряли работу [9].

Несмотря на то, что эксперты в полной мере всё еще не оценили влияние пандемии на потерю работы, в своих исследованиях они отмечали: в большинстве случаев в Японии гендерные роли по-прежнему четко разделены – именно матери несут основное бремя совмещения удаленной работы и ухода за детьми [10], продолжая брать на себя 80% домашней работы [11]. Закрытие школ не только лишило детей возможности обучения, но и увеличило нагрузку на родителей по уходу за ними. Хотя в период временного закрытия школ и произошел резкий всплеск количества оплачиваемых отпусков, на которые были выделены государственные субсидии «на ликвидацию последствий закрытия школ»¹⁰ [12], это не особо изменило существующую ситуацию.

Уровень занятости замужних женщин с детьми начал снижаться в марте 2020 г., когда произошло общенациональное закрытие школ, и в апреле 2020 г., когда правительство объявило первое чрезвычайное положение в связи с пандемией *COVID-19*; эта тенденция сохранилась. Несмотря на то, что ЧП было отменено 25 мая 2020 г., и уже к началу июня открыли большинство школ, уровень занятости замужних женщин с детьми не восстановился даже к декабрю 2020 г. Это свидетельствует о том, что пандемия нанесла удар по темпам сокращения гендерного разрыва в сфере занятости в стране, который, благодаря усилиям японского правительства, сокращался более трех десятилетий подряд (с момента принятия «Закона о равных возможностях трудоустройства» в 1985 г.).

Также вырос уровень безработицы и среди матерей-одиночек, хотя доля их участия в рабочей силе осталась прежней. А это значит, что матери-одиночки остались в составе рабочей силы даже после увольнения, в то время как замужние японки покинули рынок рабочей силы. Такое различие в присутствии на рынке рабочей силы одиноких и замужних матерей, вероятно, объясняется возможностью последних получать (нетрудовой) доход благодаря работающим супругам [13].

ПАПА МОЖЕТ?

Как уже упоминалось выше, в Японии женщины несли и по-прежнему несут большую часть бремени ухода за детьми, что препятствует реализации гендерного равенства в стране.

Хотя и мужчины, и женщины могут легально брать отпуск по уходу за ребенком до достижения им одного года и продлить его до 2 лет, если на это существует уважительная причина¹¹, но, согласно ре-

¹⁰ Хотя процент одобрения таких отпусков был высок, но неизвестно, сколько работников получили выплаты, т.к. заявки на субсидии подавались фирмами, а не работниками. Дополнительный бюджет на субсидии в 2020 г. составил 171,9 млрд иен, но только 65,81 млрд иен (около 38% бюджета) было предоставлено, т.е. программа использовалась меньше, чем ожидалось (*прим. авт.*).

¹¹ Например, если родители не могут найти детский сад для ребенка (*прим. авт.*).

зультатам исследования по равной занятости, которое провело Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения¹², в Японии 80% женщин, берут отпуск по уходу за ребенком, в то время как мужчин, решившихся взять такой отпуск, всего 12,65%. Такое положение дел, прежде всего, связано с атмосферой, которая складывается непосредственно в компании (на рабочем месте) и затрудняет использование права отпусков по уходу за ребенком, а также с отсутствием понимания со стороны компании и её руководства относительно того, что и у сотрудников-мужчин возникает необходимость брать такой отпуск¹³.

В ответ на существующую ситуацию в июне 2021 г. в Японии был пересмотрен «Закон об отпуске по уходу за ребенком в семье». В него были добавлены пункты, направленные на то, чтобы побудить сотрудников-мужчин брать «декретный» отпуск, и внесены дополнения, которые должны улучшить условия труда семейных японцев независимо от того, работают они на малых, средних или крупных предприятиях.

Также начиная с апреля 2022 г. сообщающих о беременности супруги работников должны будут информировать о «системе поддержки», на которую они могут рассчитывать, и затем они «в индивидуальном порядке» будут подтверждать свое намерение взять «декретный» отпуск¹⁴. Кроме того, компании с численностью более 1000 сотрудников должны будут обнародовать статус сотрудников-мужчин, которые взяли отпуск по уходу за ребенком. Ожидается, что такой статус сотрудников, станет частью социальной репутации компании, и её название будет непременно обнародовано.

В стремлении поддержать молодых пап в Японии пошли еще дальше, создав НКО «Отцовство в Японии», которое осуществляет Проект «Спасибо, папа» (*Thank You Dad Project*) [14] для поддержки отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком¹⁵. НКО «Отцовство в Японии» проводит в компаниях семинары, направленные на углубление понимания необходимости предоставления мужчинам «декретного» отпуска, и отправляет правительству «рекомендации», затрагивающие вопросы корпоративной ответственности за воспитание детей.

ДЕТИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

В последнее десятилетие в Японии приоритетом является решение ключевой задачи – проблемы снижения рождаемости, угрожающей способности страны «функционировать как общество». Именно это и подталкивает правительство к разработке тактики поощрения вступающих в брак. Хотя иногда подобные «политические решения» встречают сильное противодействие со стороны тех, кто считает брак сугубо личным делом каждого, и, следовательно, вмешательство государства в столь интимный вопрос недопустимым [15].

Начало финансового года в Японии, 1 апреля, часто знаменуется изменениями в политике и правительственными перестановками. И уже в 2023 г. произошло важное событие: начало функционировать новое агентство – «Дети и семьи»¹⁶. Ожидается, что оно будет решать основные социальные проблемы, такие как снижение рождаемости, бедность среди молодых семей и насилие в семье.

Задача агентства – «стремиться создать такое общество, в котором молодые люди – семьи, которые воспитывают детей, больше ни о чём не беспокоясь, смогут испытывать радость непосредственно от заботы о детях». Еще одним направлением деятельности ведомства является реформирование положений об условиях труда, чтобы способствовать созданию благоприятных условий для обеспечения баланса между работой и личной жизнью японских граждан, а именно создание комфортных условий для семей с детьми.

¹² Ministry of Health, Labour and Welfare. *The Basic Survey on Equal Employment*. (Ryōwa 2-nendo koyō kintō kihon chōsa). <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/71-r02.html> (in Jap.) (accessed 12.05.2023)

¹³ Когда в 2020 г. Министр окружающей среды С.Коидзуми (сын экс-премьер-министра Д.Коидзуми) объявил о двухнедельном «декретном» отпуске, его заявление вызвало культурный шок (*прим. авт.*).

¹⁴ По новому закону для работающих по срочному контракту отцов может быть предоставлен отпуск до 4 недель, который можно брать двумя частями в течение 8 недель после рождения ребенка. Кроме того, в рамках проекта по поощрению сотрудников-мужчин, которые собираются брать «декретный» отпуск, Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения учредило «Премии компании *Iku-men*» и «Премии компании *Iku-boss*» («*iku*» – воспитывать ребенка) для признания отдельных лиц и компаний, которые создают баланс между уходом за детьми и работой в компании (*прим. авт.*).

¹⁵ Приходящие в эту организацию отцы могут делиться своими заботами и радостями, которые они испытывают, ухаживая за детьми, получать советы от других отцов (*прим. авт.*).

¹⁶ Впервые с 2021 г. при Кабмине создано новое агентство (*прим. авт.*).

Хотя вопросы, касающиеся школ, по-прежнему будут находиться в ведении Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, ожидается активное сотрудничество между разными министерствами для того, чтобы обеспечить поддержку семей и оказать всестороннюю помощь в решении вышеперечисленных социальных проблем [16]. Предполагается, что в конце 2023 г. правительство начнет полномасштабное «национальное движение», направленное на углубление понимания людьми важности воспитания детей¹⁷.

ЗАДАЧИ ПОСТАВЛЕНЫ

В январе 2023 г. премьер-министр Фумио Кисида заявил, что цель проводимой правительством Японии политики состоит в том, чтобы к 2030 г. не менее 50% новоиспеченных отцов брали отпуск по уходу за ребенком, а к 2035 г. число таковых должно быть 85% (!). И незамедлительно (31 марта 2023 г.) был обнародован проект, который Ф.Кисида назвал «беспрецедентными шагами» по предотвращению снижения рождаемости в Японии [17] и отметил, что «проведение такой политики в беспрецедентных масштабах является одним из самых неотложных вопросов в его повестке дня».

Правительство также разработало ряд проектов, направленных на поощрение семей, решающих обзавестись детьми, и проектов, поощряющих совместное воспитание детей и поддерживающих родителей-одиночек. Некоторые из предложенных мер включают:

1. Увеличение финансовых льгот для семей с тремя и более детьми. Право на финансовую помощь будет распространяться на все семьи до тех пор, пока их дети не окончат среднюю школу. В настоящее время эта мера распространяется только на семьи с определенным уровнем доходов¹⁸.

2. Расширение финансовой помощи для покрытия расходов на роды¹⁹.

3. Увеличение количества школ, предоставляющих бесплатные обеды.

4. Чтобы облегчить бремя учебы в вузе, планируется расширить стипендиальные программы и ввести скидки на оплату обучения студентов с детьми. Что касается последиplomного образования, то идея состоит в том, чтобы ввести отсрочку платежа (когда выпускники начинают платить за курс обучения), если доход не превышает определенного порога.

5. Доступность жилищных кредитов по сниженной процентной ставке для семей с несколькими детьми.

6. Смягчение правил в детсадах и дошкольных учреждениях, что позволит родителям²⁰ оставлять своих детей на почасовой основе. (Сейчас родители должны подтвердить свой статус занятости, чтобы иметь право на детсад).

7. Для семей, в которых оба родителя берут отпуск по уходу за ребенком, правительство планирует ввести один месяц финансовой помощи, покрывающей ту же сумму дохода семьи, которую родители имели до рождения ребенка²¹.

8. Увеличение субсидии для компаний, которым (из-за находящихся в «декретном» отпуске по уходу за ребенком сотрудников) необходимо нанять временный персонал.

Все эти меры в Японии правительство планирует ввести в действие в течение трех лет начиная с 2024 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, Япония стоит на пороге исторического поворотного момента, когда появляется угроза благополучию всей нации. Результаты исследований последнего десятилетия наглядно показывают сложившиеся в современном японском обществе тенденции и высвечивают серьезные проблемы неотвратимо «седеющей» Страны восходящего солнца [15].

¹⁷ Japan vows to boost child allowances to tackle falling birthrate. *Mainichi*, 31.03.2023. <https://mainichi.jp/english/articles/20230331/p2g/00m/0na/068000c> (accessed 21.05.2023)

¹⁸ По проекту «Правительство отменит потолок доходов и продолжит выплачивать пособия родителям пока их дети не окончат среднюю школу», но не уточняется: сколько денег будет предоставлено (*прим. авт.*).

¹⁹ Покрытие расходов на рождение ребенка через систему всеобщего медстрахования (*прим. авт.*).

²⁰ Даже если они безработные (*прим. авт.*).

²¹ Также предлагается увеличить выплаты во время отпуска по уходу за ребенком, чтобы дать большему количеству мужчин возможность взять такой отпуск (*прим. авт.*).

Министр «по борьбе с одиночеством в Японии» Масанобу Огура²² заявил, что следующие несколько лет, возможно, станут для Японии «последним шансом» обратить вспять снижение рождаемости. По его словам, если число рождений продолжит падать теми же темпами, что и с начала 2000 г., то в 2030-х гг. молодое население будет сокращаться в два раза быстрее, чем сейчас [18]. Многие молодые японцы, обескураженные мрачными перспективами трудоустройства, корпоративной культурой, несовместимой с работой обоих родителей, особенно женщин, отказываются вступать в брак и создавать семьи.

И именно осознание того, что забота о детях должна осуществляться обществом в целом, ведет к гендерному равенству: в семье мужчина наравне с женщиной заботится о ребенке! К слову сказать, сама японская система отпусков по уходу за ребенком для мужчин высоко ценится во всем мире. Согласно исследованию ЮНИСЕФ 2019 г. по продолжительности периода оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, доступного для отцов, Япония заняла первое место из 41 среди стран-членов ОЭСР или ЕС [19]. В 32 странах предполагают возможность для отцов взять такой отпуск, но только в 14 из этих стран отцы имеют право на двухнедельный (или меньше) оплачиваемый отпуск. Япония же предлагает самый продолжительный оплачиваемый отпуск для отцов – полный эквивалент 30 неделям!

Изменение политики в отношении поддержки семей с детьми, расширение возможности предоставления детских садов и т.д. могут помочь повысить рождаемость, но это будет носить лишь временный характер. Вместе с тем долгосрочная экономическая стабильность, рост доходов семей и гендерное равенство в несении бремени домашних дел могут сыграть решающую роль. А также необходимо будет осознать, что забота о детях – это дело не одного человека, а то, чем должно заниматься всё общество.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Statistical handbook of Japan 2021. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/> (accessed 03.12.2023)
2. Statistical handbook of Japan 2023. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/> (accessed 03.12.2023)
3. McNeill D. 16.02.2023. Life in Japan: Will this country produce more babies? *Mainichi*. <https://mainichi.jp/english/articles/20230215/p2g/00m/0op/036000c> (accessed 25.05.2023)
4. D'Ambrogio E. 2020. Japan's ageing society. EPRS_BRI (2020)659419_EN.pdf
5. Brinton M., Mun E., Hertog E. Singlehood in contemporary Japan: Rating, dating, and waiting for a good match. *Demographic Research*, 44(3), Pp. 239–276. DOI: 10.4054/DemRes.2021.44.10
6. Жилина Л.В. Трансформация взглядов японских женщин на их положение в семье, экономике и обществе. *Ежегодник Японии*, 2019, 48:77–105. DOI:10.24411/0235-8182-2019-10004
Zhilina L.V. 2019. Transformation of Japanese women's views on their positions in the family, the economy, and society. *Yearbook Japan*, 2019; 48: Pp. 77–105. (In Russ.). DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10004
7. Allen J. Kim, Johanna, Zulueta O. Oct. 2020. Japanese Families and COVID-19: “Self-Restraint”, Confined Living Spaces, and Enhanced Interactions. *Journal of Comparative Family Studies*, 51(3-4), Pp. 360–368. DOI: 10.3138/jcfs.51.3-4.011
8. Albanesi S., Kim J. 2021. Effects of the covid-19 recession on the US labor market: Occupation, family, and gender. *Journal of Economic Perspectives*, 35(3), Pp. 3–24.
9. Kikuchi S., Kitao S., Mikoshiba M. 2021. Who suffers from the COVID-19 shocks? Labor market heterogeneity and welfare consequences in Japan. *Journal of the Japanese and International Economies*, 59(5), 101117. DOI: 10.1016/j.jjie.2020.101117
10. Yamamura E., Tsutsui Y. 2021. The impact of closing schools on working from home during the COVID-19 pandemic: Evidence using panel data from Japan. *Review of Economics of the Household*, 19(1), pp. 41–60. DOI:10.1007/s11150-021-09548-9
11. Miura L. May 24, 2020. It's Time to Face the Real Risks Posed by COVID-19. *The Japan Times*. <https://japantimes.co.jp/opinion/2020/05/24/commentary/japan-commentary/time-face-real-risks-posed-covid-19/#.XtTG954zZJE> (accessed 25.05.2023)
12. Fukai T., Ikeda M., Kawaguchi D., and Yamaguchi S. 2023. COVID-19 and the employment gender gap in Japan. *Journal of the Japanese and International Economies*, 68(3): 101256. DOI: 10.1016/j.jjie.2023.101256
13. Dang H.-A.H., Nguyen C.V. 2021. Gender inequality during the COVID-19 pandemic: Income, expenditure, savings, and job loss. *World Development*, 140, Article 105296. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105296>

²² Он был назначен министром, отвечающим за рождаемость в стране, и из-за того, что провел на себе эксперимент, относив 7-килограммовый «живот беременной», чтобы понять, какие нагрузки испытывает организм при вынашивании ребенка (прим. авт.).

14. Kawashukuda M. March 21, 2022. Japanese society's support is crucial for fathers to embrace childcare. *Zenbrid*. <https://zenbird.media/japanese-societys-support-is-crucial-for-fathers-to-embrace-childcare/> (accessed 25.05.2023)
15. Жилина Л.В. Японский синдром: уж замуж неverterпеж? *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 4. С. 24–30. Zhilina L.V. 2017. Japanese Syndrome: Can't Get Married? *Asia and Africa today*. № 4, Pp. 24–30. (In Russ.)
16. Busetto A. April 3, 2023. New Children and Families Agency Kicks off in Japan from April 1: What You Need to Know. *Japan Forward*. <https://japan-forward.com/new-children-and-families-agency-kicks-off-in-japan-from-april-1-what-you-need-to-know/> (accessed 25.05.2023)
17. Benoza K. 31 March 2023. Japan announces outline of 'unprecedented' child care policy. 31.03.2023. *The Japan Times*. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/03/31/national/child-care-measures-draft/> (accessed 20.04.2023)
18. Yamaguchi M. March 31, 2023. Japan unveils proposal to promote marriage, raise birthrate. *APNews*. <https://apnews.com/article/japan-declining-birthrate-reverse-plan-fd5c77386b0f85e9f4d993265070781b> (accessed 25.05.2023)
19. Chzhen Y., Gromada A., Rees G. June 2019. Are the world's richest countries family friendly? Policy in the OECD and EU. *UNICEF for every child*. Family-Friendly-Policies-Research_UNICEF_2019.pdf (accessed 07.05.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жилина Лариса Владимировна кандидат исторических наук, доцент, Факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия.

Zhilina Larisa V., PhD (History), Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, F.M.Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 22.11.2023

Панджабият vs «Панджабистан»: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана)

© Филимонова А.Л.^a, 2023

^a МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается понятие *панджабията* как панджабского этнического национализма. Проанализировав идею пакистанского *панджабията* через призму общих теорий этнонационализма и концепций национализма в Южной Азии, автор определяет его характерные черты и устанавливает связь между специфической формой, которую принял панджабский этнический национализм в Пакистане, и процессом «панджабизации» – ростом влияния панджабцев, наблюдавшимся в государстве с момента его основания в 1947 г.

Этнические национализмы и подпитываемые ими этнорегиональные движения сильны почти среди всех этносов Пакистана; панджабцы, однако, демонстрируют иную модель поведения: в общественной жизни они зачастую отказываются от идеи *панджабията* в пользу продвигаемой государством общепакистанской идентичности (*пакистания*).

Анализ специфики пакистанского *панджабията* позволяет сделать вывод, что «панджабизация» страны затормозила его развитие. *Панджабият* как идея панджабской этнической идентичности уходит на второй план в среде жителей западной части Пятиречья в результате де-факто сложившегося с середины XX в. доминирования панджабцев в Исламской Республике Пакистан.

Ключевые слова: Пакистан, *панджабият*, «панджабизация», «Панджабистан»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант № 23-28-00293 «Этнонационализм в Республике Индии: автономистские тенденции (Телангана/Андхра, Панджаб) и политика федеральных властей». <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Для цитирования: Филимонова А.Л. *Панджабият vs «Панджабистан»*: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 41–49. DOI: 10.31857/S032150750029005-7

Punjabiyyat vs “Punjabistan”: Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan)

© Alina L. Filimonova^a, 2023

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Abstract. The essay focuses on the specific features of Pakistani *punjabiyyat*, which is interpreted as Punjabi ethnic nationalism. Having analyzed the Pakistani *punjabiyyat* in the perspective of classic theories of ethnic nationalism and South Asian nationalism concepts, the author defines its characteristics and explains the connection between the specific form of Punjabi ethnic nationalism in Pakistan and the process of “punjabization” understood as the overwhelming influence of Punjabis in the country, which has begun since its inception in 1947.

Ethnic nationalisms and consequent regional ethnic movements are a typical feature of almost all large ethnic groups in Pakistan. However, Punjabis have not only avoided this behavioral pattern: they commonly renounce their group identity for the sake of the unifying Pakistani ideology (*pakistaniyyat*).

Analysis of the specifics of Pakistani *punjabiyyat* leads us to the conclusion that its growth has been slowed down and hindered by the “punjabization”. *Punjabiyyat* as an idea of the Punjabi ethnic identity has lost to “Punjabistan” perceived as the de-facto social, economic and political dominance of Punjabis in the Islamic Republic of Pakistan.

Keywords: Pakistan, *punjabiyyat*, “punjabization”, “Punjabistan”

Acknowledgement. The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant № 23-28-00293. <https://rscf.ru/en/project/23-28-00293/>

For citation: Filimonova A.L. *Punjabiyat vs "Punjabistan": Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan)*. *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 41–49. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029005-7

ВВЕДЕНИЕ

Термин «панджабият» (буквально «панджабскость») впервые публично был использован профессором Панджабского университета (*Panjab University*) в Чандихархе Аттаром Сингхом, который в 1974 г. вместе с главным министром индийского штата Панджаб Гилани Заилом Сингхом посетил пакистанский город Лахор, где участвовал в дискуссии с местными националистами. Данное понятие быстро стало популярным в среде лахорской интеллигенции, где его трактовали как *panjabi shanakhat* – «панджабская идентичность» [1].

ПОНЯТИЕ ПАНДЖАБИЯТА И ПРОБЛЕМА ПАНДЖАБСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Исследователи неоднократно обращали внимание на трудность точного определения термина «панджабият» ввиду его многослойности и обилия субъективных трактовок.

В работах зарубежных исследователей *панджабият*, как правило, фигурирует в трех основных значениях: 1) как общепанджабская идентичность, приравниваемая к национальной; панджабский этнонационализм; 2) как совокупность идей, обосновывающих наличие такой идентичности; 3) как социально-политическое движение, направленное на защиту и распространение этих идей.

Как указывает автор единственной в отечественной историографии работы, затрагивающей проблему *панджабията*, А.В.Бочковская, это понятие в самом широком смысле употребляют для «обозначения принадлежности и/или привязанности к Панджабу, а также для идеи общего культурного наследия панджабцев. В этом контексте оно нередко выступает синонимом к словосочетанию “панджабская идентичность”» [2, с. 584; а также см.: 24].

Панджабият предполагает физическую и/или ментальную инкорпорированность индивидуума в пространство «общего Панджаба» (пандж. *saanjhaa Panjaab*) – культурно-исторического и географического региона, формируемого рекой Инд и пятью её притоками¹. В ходе раздела Индии в 1947 г. область Пятиречья оказалась поделенной на две части: западный Панджаб, он же – пакистанская провинция Панджаб (пандж. *lehandaa Panjaab*, т.е. «заходящий Панджаб», «Панджаб, над которым заходит солнце»), и восточный Панджаб, включающий индийские штаты Панджаб и Хариану (пандж. *charhadaa Panjaab*, т.е. «восходящий Панджаб», «Панджаб, над которым восходит солнце»)².

Панджабская принадлежность может определяться как административно, так и этнолингвистически. В первом случае речь идет о населении пакистанской провинции Панджаб (109,990 млн чел, или 53% населения Пакистана; см. *табл. 1*) и индийских штатов Панджаб (27,74 млн, или 2,3% населения Индии) и Хариана (25,35 млн, или 2% населения Индии)³. Во втором случае имеются в виду люди, считающих *панджаби* родным языком. В Пакистане таковых 80,54 млн (38,8% населения страны, большая часть проживает в провинции Панджаб; см. *табл. 2, 3*); в Индии – 33,125 млн (2,7% населения страны)⁴. За пределами Южной Азии количество носителей панджаби составляет около 5,25 млн чел. [4].

¹ Подробнее о географических рамках и истории Панджаба см. [2, с. 584–589].

² Термины *saanjhaa Panjaab*, *lehandaa Panjaab* и *charhadaa Panjaab* вошли в оборот только в начале XXI в. с легкой руки писателей и журналистов по обе стороны границы. В них очевиден протест против «осовременивания» идеи *панджабията* и умаления его значимости; «общий/единый Панджаб» при таком подходе воспринимается как планета, самостоятельно вращающаяся вокруг Солнца (см.: [3]).

³ India Population Census 2011. State Census. Census Organization of India. <https://www.census2011.co.in/states.php> (accessed 05.07.2023)

⁴ India Population Census 2011. Language. Office of the Registrar General. https://censusindia.gov.in/nada/index.php/catalog/42458/download/46089/C-16_25062018.pdf (accessed 06.07.2023)

Таблица 1. **Численность населения Пакистана (по провинциям)**
Table 1. **Population of Pakistan (by provinces)**

Провинция	Общая численность населения	% населения Пакистана
Панджаб	109 989 655	53
Синд	47 854 510	23
Хайбер-Пахтунхва	30 508 920	14,7
Белуджистан	12 335 129	5,9
Территория племен федерального управления (с 2018 г. в составе провинции Хайбер-Пахтунхва)	4 993 044	2,4
Столичная территория Исламабад	2 003 368	1
Всего в Пакистане:	207 684 626	100

Источник: Pakistan Population Census 2017. Table 11 – Population by Mother Tongue, Sex and Rural / Urban. Pakistan Bureau of Statistics. <https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/2017/tables/pakistan/Table11n.pdf> (accessed 06.07.2023)

Таблица 2. **Количество этнических панджабцев в Пакистане (по провинциям)**
Table 2. **Ethnic Punjabis in Pakistan (by province)**

Провинция	Общее количество панджабцев	% населения провинции
Панджаб	76 629 082	69,7
Синд	2 542 913	5,3
Столичная территория Исламабад	1 047 131	52,3
Хайбер-Пахтунхва	164 298	0,54
Белуджистан	139 207	1,1
ТПФУ	13 759	0,3

Источник: Pakistan Population Census 2017. Table 11 – Population by Mother Tongue, Sex and Rural / Urban. Pakistan Bureau of Statistics. <https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/2017/tables/pakistan/Table11n.pdf> (accessed 06.07.2023)

Соответственно, *панджабият* как идея панджабской идентичности также имеет три основных формы проявления. В Индии акцент делается на единстве жителей Пятиречья – индусов и сикхов. В Пакистане – на культурно-лингвистической составляющей «панджабскости», что в первую очередь связано с движением за выход панджаби на государственный уровень. Диаспора же конструирует свой собственный «воображаемый Панджаб» на основании воспоминаний, книг и фильмов [2, с. 583, 589–590].

ПАКИСТАНСКАЯ «ПАНДЖАБСКость»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Бытующее в Пакистане представление о *панджабияте* будет рассмотрено нами в двух плоскостях: 1) как отношение пакистанских жителей Пятиречья к общепанджабскому этническому национализму и 2) как отстаивание ими собственной этнической идентичности в рамках Пакистана. Поскольку в обоих случаях базовой чертой пакистанского *панджабията* является его этнический характер, представляется целесообразным определить, как этнический национализм пакистанских панджабцев вписывается в существующие теории этнического национализма.

Особого внимания в этой связи заслуживает концепция *асабийи*⁵, предложенная арабским философом и историком Ибн Халдуном во второй половине XIV в. Важность её, прежде всего, заключается в том, что это первая (и на данный момент единственная) концепция, которую сами пакистанские панджабцы заимствовали для описания своего опыта. Прямой отсылка к ней – труд по истории пакистанского Панджаба, автором которого является политик и публицист Ханиф Рамей: название книги – *Punjab*

⁵ Подробнее см. [5] и [6].

ка *Muqaddimah* (букв. «Дело Панджаба») – обыгрывает название работы Ибн Халдуна *Muqaddimah* («Дело/Процесс»), в которой впервые используется понятие *асабийя*.

Под *асабийей*⁶ в широком смысле слова понимается сплочение людей на том или ином уровне по определенному принципу [7]. Однако важный вывод, к которому пришел Ибн Халдун, состоит в том, что *асабийи* на одной и той же территории со временем могут сменять друг друга: ранее принятые ослабевают и вытесняются более актуальными. Соответственно, сообщества людей, объединенных *асабийей*, распадаются и «собираются» вновь в несколько видоизмененном составе. При этом для каждой общности существует определенный спектр приемлемых/предпочтительных *асабий*, во имя которых она готова трансформироваться, отказываясь от старых и инкорпорируя новых членов. Ибн Халдун в качестве основных типов *асабий* выделял региональные и религиозные. Региональные *асабийи* при этом он считал позитивным явлением в том случае, если они не вступают в противоречие с *асабийей* религиозной.

Панджабият в этом контексте предстает как этнорегиональная *асабийя* панджабцев, как их приверженность идее «общего Панджаба».

Следует отметить, что южноазиатский национализм в разных воплощениях в принципе в большинстве случаев соответствует предложенной Ибн Халдуном схеме: чаще всего они следовали принципу «регион – религия» [8, р. 383]. Общности возникали и отстаивали себя на базе общей религии (религиозный национализм – индусский, мусульманский) или общего региона (территориальный национализм – тамильский, бенгальский и др.).

В этой связи пакистанские панджабцы представляют собой пример того, что выбор между региональной и религиозной *асабийей* может делаться попеременно. Ярко выраженная и политически оформленная к началу XX в. панджабская идентичность в ходе движения за образование мусульманского государства Пакистан уступила исламской идентичности⁷.

Вплоть до середины 1970-х гг. как западные, так и отечественные исследователи не уделяли должного внимания роли этнической принадлежности в конструировании национализма. Однако уже первые работы по этой тематике постулировали превосходство этнического национализма над всеми остальными [9].

Развитие этнонационального дискурса в отечественной историографии демонстрирует тенденцию противопоставления «гражданского/политического национализма» (развивающегося как идеология нации-государства) и «культурного/этнического национализма» (охватывающего нацию-этнос) [10, с. 13–14]. При этом крупнейший отечественный пакистановед В.Я. Белокреницкий обращает внимание на то, что в мусульманских государствах, подобных Пакистану, эти два типа национализма дополняют друг друга, формируя «ограниченный этнотерриториально-исламский национализм» [11, с. 21]. В такого рода государствах этносы, сохраняя свою культурную самобытность, составляют единую политическую единицу, которая базируется на «надэтническом и суперрелигиозном» исламском варианте восточного национализма [11, с. 15].

Дискуссия о том, какую роль фактор государственности играет в развитии национализма, активно развивалась на южноазиатском материале. С этой точки зрения национализм панджабцев представляет особый интерес: поскольку идея *панджабията* – ни в индийской, ни в пакистанской интерпретации – не предполагает формирования собственного панджабского государства, резонным представляется вопрос о том, как это характеризует его значимость и степень развитости.

Историки и социологи, занимавшиеся изучением южноазиатских обществ, также традиционно разграничивали два типа национализма: способный создать собственное государство и не обладающий достаточными материальными и/или идеологическими ресурсами для этого. Индийский историк Амаленду Гуха обозначает их соответственно как «великий национализм» (*great nationalism*) и «малый национализм» (*little nationalism*) [12, р. 455]; индийский антрополог Бикрам Кешари Рой Бурман – как «протонационализм»/«инфранационализм» (*proto-nationalism/infra-nationalism*) и «субнационализм» (*sub-nationalism*) [13, pp. 693–694].

⁶ *Асабийя* – арабск. «солидарность», «чувство групповой принадлежности».

⁷ Аналогичный процесс в указанный период наблюдался в Бенгалии. Более того, на примере бенгальцев можно проследить дальнейшее развитие гипотезы Ибн Халдуна: единожды побежденная этнорегиональная идентичность со временем отыграла позиции и стала основой для образования в 1971 г. государства Бангладеш. При этом религиозная идентичность как концепт не была полностью отвергнута: бангладешский национализм строился на базе локальной восточнобенгальской культуры, специфика которой во многом определялась её исламским характером (*прим. авт.*).

Но, наряду с этим, исследователи высказали гипотезу о том, что южноазиатский национализм имеет в первую очередь духовную подоплеку и, сплачивая вполне полноценную нацию, не обязательно требует для себя государства. В числе первых на это указал индийский политолог и историк Бени Прасад: «Одной из важнейших потребностей современной эпохи <...> является разграничение нации и государства. Иными словами – деполитизация концепции национальности, развенчание идеи, что те, кто ощущает себя нацией, должны обязательно составлять собственное независимое государство» [14, р. 86]. Позднее ту же мысль развил соотечественник Прасада, социолог Тхарайлетх Коши Ооммен: «Несколько наций и/или государств сосуществуют в рамках цивилизационного ареала <...> В отличие от европейских, любая южноазиатская нация – это в основе своей культурное единство, для которого не является естественным создавать собственное государство» [15, pp. 2–3].

Ооммен указывает, что отождествление нации и государства началось в колониальный период: южноазиатские националисты мыслили политическими категориями, поскольку этого от них ждали англичане. Нацию понимали как сообщество будущих сограждан. Но множественные нации Индостана, во-первых, могут существовать в разных формах, во-вторых – возникать на основе самых разных принципов. Южноазиатская нация – это любое сообщество, связанное общей культурой. Культура при этом может быть самая разная – этническая, религиозная, территориальная и т.д. [15, pp. 2–4].

Обусловленность *панджабията* языком и территорией придает ему в глазах исследователей особую легитимность: «[в Южной Азии] все основные языковые общности, имеющие территориальную основу, составляют уникальные сущности, т.е. нации/национальности» [15, р. 9].

Таким образом, можно констатировать типологическое соответствие как *панджабията* в целом, так и его пакистанского компонента в частности, критериям национализма, предложенным исследователями непосредственно для южноазиатского региона.

СПЕЦИФИКА ПАКИСТАНСКОГО ПАНДЖАБИЯТА

Пакистанский *панджабият* в значении принадлежности и приверженности общепанджабской культуре представляет собой надгосударственный конструкт: он максимально абстрактен и духовно ориентирован, а его политизация минимальна. На данном уровне определяющей характеристикой идеи *панджабията* является разделенность этноса; и, поскольку раздел 1947 г. затронул панджабцев по обе стороны границы, индийский и пакистанский *панджабият* в своих основных чертах совпадают.

Фактор разделенности оказал непосредственное воздействие на пакистанский *панджабият* также в значении самоорганизации и самопозиционирования внутри Пакистана. Во многом по этой причине в Пакистане – государстве, монополизированном этническим (панджабским) большинством, – национализм этого большинства не стал государственным национализмом: понятие *панджабията* отсутствует в политическом дискурсе Пакистана и не оказывает ощутимого воздействия на пакистанскую идентичность (*пакистаният*⁸).

Пакистанские панджабцы, будучи большинством, тем не менее не ощущают себя вправе навязывать свой этнонационализм окружающим, поскольку *панджабият* как национализм разделенного этноса уже был ими же «дискредитирован». Как отмечает американский историк и политолог Алисса Эйрес, добровольно отказавшись от этнического единства ради идеи Пакистана, панджабцы (опять-таки по доброй воле) поступились *панджабиятом* [17, pp. 78–80]. Это «осознанное предательство» дает панджабцам почву для рефлексии и самобичевания. Но оно же сдерживает потребность «малых» пакистанских этносов в сецессии. При том, что социально-экономическая ситуация в Пакистане складывается в пользу панджабцев уже в силу их численного доминирования, идея *панджабията* не распространяется ими в культурной, общеобразовательной и информационной сферах. И тот факт, что пакистанские панджабцы не транслируют свой национализм (соответственно, не получают жесткой реакции со стороны «малых» этносов), служит одним из гарантов государственной стабильности.

Специфика пакистанского *панджабията* «внутри Пакистана» дополнительно определяется базовыми характеристиками панджабской общности в Пакистане: 1) панджабцы составляют этническое большинство; 2) они экономически и политически доминируют над остальными этносами. Эти характери-

⁸ *Pakistaniyat* – букв. «пакистанскость». Об этом термине и пакистанской национальной идентичности подробнее см. [16].

стики уже на самом раннем этапе развития государства инициировали процесс, получивший название «панджабизация».

Данный термин впервые употребил в 1995 г. пакистанский историк Юнус Самад: в своей статье он описывал ситуацию, сложившуюся в Пакистане после образования Бангладеш в 1971 г. и выражавшуюся в стабильном наращивании присутствия панджабцев в армии и бюрократическом аппарате [18]. При этом важно отметить, что «панджабизации» на декларативном уровне в стране никогда не было; это де-факто сложившаяся социально-экономическая реалья, предпосылки к которой возникли еще в Британской Индии.

По сравнению с другими районами будущего Пакистана, в британском Панджабе еще в XIX в. была отлажена адаптированная под нужды государства военная машина, состоявшая исключительно из местного компонента, лояльного федеральной власти. Повсеместное преобладание панджабцев в армии⁹ сочеталось с обеспечением их экономической самодостаточности за счет передачи панджабским военнослужащим орошаемых земель (так называемых «поселений на каналах» – *canal colonies* [19, pp. 179–180]).

Кроме того, к моменту образования Пакистана панджабцы имели существенный опыт использования урду, поскольку он был провинциальным языком британского Панджаба¹⁰; соответственно, им с самого начала был облегчен доступ к чиновничьей службе.

Вследствие этого Панджаб по большинству объективных показателей был и остается социально благополучнее, экономически стабильнее и финансово обеспеченнее остальных провинций Пакистана [17, p. 70].

После сецессии Восточного Пакистана и образования Бангладеш в 1971 г. «панджабизация» сохранившейся западной части Пакистана изменилась не по форме или характеру, а по особенности восприятия «малых» этносов страны. С потерей восточной части государства панджабцы оказались в абсолютном численном большинстве¹¹, а дисбаланс между пакистанскими этносами стал гораздо более очевидным. Кроме того, у них больше не было необходимости действовать единым фронтом против сплывавшей их ранее «бенгальской угрозы».

Общая убежденность остальных этносов в тотальном засилье панджабцев постепенно породила с их стороны жалобы на то, что «панджабизация» Пакистана открыла путь к созданию «Панджабистана» [20, p. 55], т.е. системы полного функционального доминирования панджабцев на всех уровнях пакистанского госаппарата [17, pp. 70–71]. При этом важно подчеркнуть, что понятие «Панджабистан», материализовавшееся в 1970-е гг. в массовом сознании пакистанцев, было не апогеем «панджабизации» с точки зрения её интенсивности, а лишь следствием её публичного признания.

Появление «ментального Панджабистана» как навязанное окружающими отождествление федеральной власти с панджабцами значительным образом изменило самовосприятие последних: панджабцы его приняли и стали ответственно относиться к своей роли «оплота Пакистана» – вплоть до отказа от этнической идентичности.

Примечательно, что представители «малых» этносов основными очевидными признаками «панджабизации» считают засилье панджабцев в органах власти и насаждение языка урду; таким образом, в их глазах панджабцы ассоциируются не с языком панджаби, а с языком федерального центра [17, pp. 70–72]¹².

Можно констатировать, что со складыванием «Панджабистана» панджабцы взяли на себя роль «титанской нации», превратившись (по крайней мере, на уровне элит) в главных поборников урду и пакистанской принадлежности в принципе.

ПАНДЖАБИЯТ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ «ПАНДЖАБИЗАЦИИ»

Преобразование Пакистана в «Панджабистан» оказало существенное влияние на понимание идеи *панджабията* в стране.

⁹ В начале XX в. панджабцы составляли 66% кавалерии, 87% артиллерии и 45% пехоты [20, p. 178].

¹⁰ В Панджабе урду был официальным языком с 1849 г. (*прим. авт.*).

¹¹ Согласно переписи 1972 г., жители провинции Панджаб составляли 57,6% населения Пакистана (37,6 млн чел.). Pakistan: Provinces and Major Cities (Census Results). City Population. <https://www.citypopulation.de/en/pakistan/cities/> (accessed 13.07.2023)

¹² Очевидно, что язык панджаби, будучи базовой ценностью *панджабията*, не работает как фактор «панджабизации» (*прим. авт.*).

Прежде всего, можно проследить следующую устойчивую тенденцию: чем дольше сохраняется «панджабизация» Пакистана, тем очевиднее нежелание элиты политизировать идею *панджабията*. Переводу *панджабията* в политическую сферу препятствует и отмеченная выше разделенность этноса; однако «панджабизация» тормозит любые гипотетические подвижки в этом направлении в принципе. Это касается как межгосударственного уровня, так и внутриакистанской политики.

Если в социально-экономической, военной и политической сферах «панджабизация» Пакистана начала реальное наращивание присутствия панджабцев, то в культурной и образовательной сферах панджабский компонент оказался рассеянным – «панджабизация» привела к «превращению» панджабцев в пакистанцев. В публичном пространстве идея *панджабията*, не имея массовой поддержки, сохраняется за счет усилий интеллектуалов, которые видят своей задачей его развитие, прежде всего, в гуманитарной области [21].

Попытки реабилитации панджабского этнического дискурса осуществляются только в культурно-исторической и лингвистической сферах, причем речь идет именно о реабилитации, а никак не общегосударственном доминировании. Сами панджабцы подчеркивают, что *панджабият* – это лишь одна из нескольких этнических культур Пакистана, наряду с другими заслуживающая право на существование [22]. В этой связи исследователи обращают внимание на то, что в *панджабият* (как пакистанский, так и индийский) в принципе не заложена идея сепаратизма. Его риторика лишена прагматизма; она сформирована стремлением вновь обрести «потерянную идентичность», добровольно отвергнутую под воздействием «панджабизации» [17, р. 74].

Панджабият в Пакистане исторически проявляет себя через обращение к единой истории и суфийской традиции, а также через защиту языка панджаби. Ориентация на культурную и лингвистическую сферы позволяет говорить о «бескорыстности» пакистанского *панджабията*. Инициаторы движения в защиту панджаби – уже являющиеся представителями элиты – не имеют материальной заинтересованности в продвижении идеи *панджабията*: оно не повысит их экономический или политический статус. Их активность направлена не на обретение реальных форм власти, а на дивиденды в «экономике символов» (*symbolic economy*) [17, pp. 100–101].

Занимая доминирующие позиции в стране, панджабцы наиболее заинтересованы в сохранении Пакистана как государства. Отсюда следует их готовность жертвовать этническими интересами в угоду общепакистанскому единству.

Наиболее очевидно это в вопросе языка. Показательно, что, в отличие от остальных этносов, панджабцы поддерживают утверждение урду в качестве единственного языка Пакистана на всех уровнях, в т.ч. в ущерб панджаби. По данным социологических опросов, сотни тысяч панджабцев, принадлежащих к урбанизированному среднему классу, в переписях населения указывают именно урду, а не панджаби, в качестве своего родного языка [23].

Панджабские общественно-политические деятели говорят о растущей маргинализации панджабцев, имея в виду не экономическую отсталость панджабцев на фоне остальных пакистанских этносов, а социокультурную депривацию носителей панджаби [17, р. 89]. При этом панджабские интеллектуалы обвиняют в упадке языка своих же соотечественников, в сознании которых владение урду – это показатель престижа, а использование панджаби – признак неотесанности [17, р. 88]. Таким образом, главным врагом идеи *панджабията* оказываются сами панджабцы, добровольно поставившие его на второе место после *пакистанията*.

В сложившейся ситуации можно говорить об общем пессимизме идеи пакистанского *панджабията*, лейтмотивом которого оказывается утраченная идентичность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что *панджабият* как идея общепанджабского единства находится в политическом проигрыше: раздел Панджаба в 1947 г. дал большинству панджабцев по обе стороны границы более приемлемые для них формы административной организации. Сикхи индийского Панджаба в результате двух разделов (1947 и 1966 г.)¹³ получили штат, в котором они являются большинством. Мусульмане па-

¹³ В 1966 г. индийский штат Панджаб был реорганизован: из него выделили штат Хариана с хиндиязычным индусским большинством населения (*прим. авт.*).

кистанского Панджаба (т.е. абсолютное большинство панджабцев) не просто имеют свою провинцию, но сохраняют экономическое и политическое доминирование на федеральном уровне.

В случае с панджабцами разделенность этноса не породила движения за политическое реформирование его территории в одну автономную единицу. Наоборот, факт пусть не абсолютно добровольного, но в любом случае легально признанного раздела, дискредитировал любое политическое конструирование вокруг идеи общего *панджабията*.

Отсутствие автономистских тенденций, связанных с пакистанским *панджабиятом*, дополнительно подкреплено процессом «панджабизации». В этой связи представление о «Панджабистане» можно интерпретировать как политическое выражение пакистанской идеи *панджабията*, объясняющее отсутствие иных проявлений его политизации.

Если *панджабият* – это общая теория, то «Панджабистан» – её пакистанское практическое воплощение, которое находится в сложных отношениях с самой теорией. С одной стороны, «Панджабистан» представляет собой материальное подтверждение позитивной инаковости пакистанских панджабцев, то есть дополнительный аргумент, подтверждающий их уникальную этническую идентичность. С другой – «Панджабистан» как доминирование панджабцев на основании культуры урду силен только при условии латентности идеи *панджабията*. В этом плане пассивность и «миролюбивость» пакистанского *панджабията* отчасти служат гарантией целостности Пакистана.

Вследствие доминирования панджабцев пакистанский *панджабият* направлен не на раскол государства, а на расширение его идеологических основ за счет признания права региональных культур на существование. Можно сделать вывод, что, в отличие от большинства других воплощений этнического национализма, пакистанский *панджабият* конструктивен по отношению к *пакистанияту* как идее общепаккистанской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Chandan A. The Romantic Idea of Identity. *The Tribune India*. 2018. April 29. <https://www.tribuneindia.com/news/archive/features/the-romantic-idea-of-identity-581100> (accessed 01.07.2023)
2. Бочковская А.В. Неисчерпаемые источники конфликтов и идентичностей. *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. Рук. проекта И.П.Глушкова, отв. ред. А.В.Бочковская. М.: Восточная литература. 2016. С. 581–595. Bochkovskaya A.V. 2016. Inexhaustible Resources of Conflicts and Identities. *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Ed. I.P.Glushkova, A.V.Bochkovskaya. Moscow. 2016. Pp. 581–595. (In Russ.)
3. Kaur H. Sanjha Punjab and the Idea of Punjabiyat: A Counter-Discourse to the Rhetoric of Hyper Nationalism. *Dhaara*. 2021. November 25. <https://dhaaramagazine.in/2021/11/25/sanjha-punjab-and-the-idea-of-punjabiyat-a-counter-discourse-to-the-rhetoric-of-hyper-nationalism/> (accessed 23.06.2023)
4. Nafeez N. 6+ Punjabi-Speaking Countries: An Exclusive Peek. *Ling*. 2022. October 23. <https://ling-app.com/pa/punjab-i-speaking-countries/> (accessed 12.07.2023)
5. Ibn Khaldun. 2015. *The Muqaddimah: An Introduction to History*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ramey M.H. 1985. *پنجاب کا مقدمہ* (The Case of Punjab). Lahore: Jang Publishers. (In Urdu).
7. Ismail N.F., Abdul Rahim A. 2018. Ibn Khaldun's Theory of 'Asabiyyah and Its Impact on the Current Muslim Community. *Journalism and Mass Communication*. Vol. 8, № 6, pp. 287–294.
8. Wilson J. 2016. *India Conquered*. N.Y.: Simon & Schuster Ltd.
9. Ma Sh. 1990. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism: A Comparison of Connor, Smith and Snyder. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 13, № 4, pp. 527–541, DOI: 10.1080/01419870.1990.9993688
10. Национализм в мировой истории (под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана). М.: Наука, 2007. 2007. *Nationalism in World History* (ed. by V.A.Tishkov, V.A.Shnirelman). Moscow. (In Russ.)
11. Нации и национализм на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я.Белокреницкий, Н.Ю.Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. 2015. *Nations and Nationalism in the Muslim East* (ed. by V.Y.Belokrenitsky, N.Y.Ulchenko). Moscow. (In Russ.)
12. Guha A. 1979. Great Nationalism, Little Nationalism and Problem of Integration: A Tentative View. *Economic and Political Weekly*. February. Vol. 14, № 7/8, pp. 455–458.
13. Roy Burman B.K. 1989. Problems and Prospects of Tribal Development in North-East India. *Economic and Political Weekly*. April. Vol. 24, № 13, pp. 693–697.
14. Prasad B. 1941. *The Hindu-Muslim Questions*. Allahabad: Kitabistan.

15. Oommen T.K. 1999. Conceptualising Nation and Nationality in South Asia. *Sociological Bulletin*. Vol. 48, № 1/2, pp. 1–18.
16. Jabbar J. 2019. What Is Pakistani? 41 Elements of the Unique Pakistani National Identity. Karachi: Paramount Books.
17. Ayres A. 2009. Speaking Like a State: Language and Nationalism in Pakistan. New York: Cambridge University Press.
18. Samad Y. 1995. Pakistan or Punjabistan: Crisis of National Identity. *International Journal of Punjab Studies*. Vol. 2, № 1, pp. 23–42.
19. Yong T.T. 1995. Punjab and the Making of Pakistan: The Roots of a Civil-Military State. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. Vol. 18, № 1, pp. 177–192. DOI: 10.1080/00856409508723250
20. Sheikh F. 2009. Making Sense of Pakistan. N.Y.: Columbia University Press.
21. Paracha N.F. The Other Punjab. *Dawn*. 2015. May 31. <https://www.dawn.com/news/print/1184953> (accessed 25.06.2023)
22. Awan M. A Case of Punjabi Nationalism. *The News*. 2015. July 05. <https://www.thenews.com.pk/tns/detail/558941-a-case-of-punjabi-nationalism> (accessed 25.06.2023)
23. Raj. A. The Case for Urdu as Pakistan's Official Language. *Herald*. 2017. May 11. <https://herald.dawn.com/news/1153737> (accessed 14.07.2023)
24. Подробнее см.; Бочковская А.В. «Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сепарации в XXI веке. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 32–40. DOI: 10.31857/S032150750028610-3
Bochkovskaya A.V. The Punjab Issue and the Sikh Diaspora: Calls for Secession in the XXI Century. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028610-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филимонова Алина Леоновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Alina L. Filimonova, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.11.2023

Египетский феминизм: история, достижения и проблемы

© Елькина Е.А.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8021-5970; easerova@list.ru

Резюме. В статье рассматривается вопрос о расширении прав женщин в Египте. Автор отмечает, что традиции в Египте в отношении положения женщин в обществе отличаются от традиций в других странах, где основной религией является ислам, т.к. в истории государства были и период фараонов, и греко-римский период, и период тотального господства ислама, и период революционеров-реформаторов.

Большое внимание автор уделяет тому, что в Египте существует сильное классовое и имущественное расслоение. По-разному живут люди в разных районах страны. И то, что волнует образованных городских феминисток Каира и Александрии, чуждо бедным женщинам из сельской глубинки Верхнего Египта.

Сами определения «равноправие женщин» и «феминизм» в стране с националистическими и мусульманскими традициями зачастую имеют иной смысл, нежели в странах Запада. С одной стороны, египтянка в качестве жены и матери всегда считалась главой семейного очага, и многих женщин это устраивало. Малый процент египтянок работали вне дома, их участие в политической жизни было ограниченным. Однако «государственный феминизм» стал политикой всех сменяющих друг друга авторитарных режимов.

Автор также уделяет внимание «исламскому феминизму» как интересному явлению последнего времени.

Ключевые слова: Египет, «государственный феминизм», традиции, религиозные устои, реформы

Для цитирования: Елькина Е.А. Египетский феминизм: история, достижения и проблемы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 50–57. DOI: 10.31857/S032150750028999-0

Egyptian Feminism: History, Achievements and Problems

© Ekaterina E. Elkina^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8021-5970; easerova@list.ru

Abstract. The article discusses the expansion of women's rights in Egypt. The author notes that Egypt, concerning the status of women in society, has traditions that differ from those in other countries where Islam is the predominant religion. This is because the state has experienced various periods throughout its history, including the Pharaonic era, the Greco-Roman period, the era of Islamic dominance, and periods of revolutionary reformers.

The author pays much attention to the fact that Egypt has strong class divisions and property stratification. People in different areas of the country live differently. What concerns educated urban feminists in Cairo and Alexandria is often alien to poor women in the rural regions of Upper Egypt.

The definitions of “women's equality” and “feminism” themselves in a country with nationalist and Muslim traditions often have different meanings than in Western countries. On the one hand, Egyptian women have historically been considered the heads of their households as wives and mothers, and many women have consented to this role. A small percentage of Egyptian women worked outside the home, and their involvement in political life was limited. However, “state feminism” became the policy of all successive authoritarian regimes.

The author also highlights the “Islamic feminism” as an interesting recent phenomenon.

Keywords: Egypt, “state feminism”, traditions, religious foundations, reforms

For citation: Elkina E.A. Egyptian Feminism: History, Achievements and Problems. *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 50–57. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028999-0

ВВЕДЕНИЕ

Уже много десятилетий в Египте поднимается вопрос о расширении прав женщин. Но сами определения «равноправие женщин» и «феминизм» в стране с националистическими и мусульманскими традициями зачастую имеют иной смысл, нежели в странах Запада.

Как отмечает академик А.М.Васильев, на наш европейский взгляд, египетская женщина представляется существом более угнетенным, чем это есть на самом деле. Хотя женщина в Египте, как правило, существует не сама по себе, а лишь во взаимоотношениях с мужчиной – дочь такого-то, жена такого-то, мать такого-то, всё же, если мужчина содержит дом, то жена – его хозяйка, и все вопросы по ведению оно под её контролем. Шариат разрешает правоверному иметь до 4 жен, но в Египте господствует моногамия. Многоженство и дорого, и хлопотно [1]. С другой стороны, участие женщин в политической жизни долгое время было ограниченным. Сравнительно малый процент египтянок работают вне дома, что мешает ускорению экономического развития, так необходимого для страны с быстро растущим населением.

Многие исследователи считают египетский феминизм чем-то однородным, но проблемы равноправия женщин выглядят в стране по-разному – в результате особой истории, в условиях значительного классового расслоения, в силу мощного влияния религиозных традиций.

Над рассуждениями о правах женщин довлеют и обвинения феминисток в следовании западным веяниям, и упреки в недостаточном понимании религиозных традиций. Однако «государственный феминизм» стал политикой всех сменяющих друг друга авторитарных режимов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Без краткого взгляда в прошлое Египта было бы ошибочно давать оценки нынешнего движения сторонников гендерного равноправия. Египетское общество имеет длинную и непростую историю. На первый взгляд кажущееся однородным, по факту оно не таково. Являясь по большей части страной мусульманской, Египет тем не менее считает себя наследником и культуры древнеегипетской.

Через современные учебники, через посещение уже нового огромного Каирского музея, расположенного недалеко от пирамид Гизы и дети, и взрослые впитывают в себя гордость за свою страну, чувство особой судьбы Египта. В Древнем Египте были царицы, а в религии фараонов многие богини были женщинами. Продолжавшийся около тысячи лет греко-римский период оставил воспоминания о Клеопатре (I век до н.э.), которая правила страной вместе со своими братьями.

Исламизация с VII по XIV в. привела к господству арабского языка и преобладанию ислама. Даже после включения Египта в состав Османской империи египтяне с чувством превосходства относились к Европе. Но вторжение войска Бонапарта, а после поражения французов преобладающее влияние в Египте Британской империи заставили их задуматься о реальной обстановке в своей собственной стране. Болезненное унижение от столкновения с Западом, оккупация и ограбление Египта Великобританией породили стремление к реформам и антизападный национализм.

Переплетение национализма, некоторые идеи которого были почерпнуты в странах Запада, с глубокими мусульманскими убеждениями большинства населения определяет специфику развития египетского феминизма.

Европейцы и американцы обычно считают, что движение за права женщин присуще только западной цивилизации, а мусульмане и мусульманки должны лишь подражать ему. Факты говорят о том, что в разных формах стремление к равноправию мужчин и женщин было у всех народов мира.

В Египте за расширение прав женщин выступал философ и общественный деятель, один из основателей Каирского университета, Касим Амин. Человек образованный, знакомый с достижениями арабской просветительской мысли, он подробно изучает женский вопрос и выпускает в 1899 г. на арабском языке книгу «Освобождение женщины» («Тахрир аль-мара»), вызвавшую ожесточенную полемику. На критику мусульман-традиционалистов он ответит второй книгой – «Новая женщина» («Аль-мара аль-джадида», Каир, 1901 г.). Касим Амин считал, что существующее положение в корне противоречит установленным Аллахом естественным законам: женщина лишена свободы выбора супруга, она «плен-

ница» хиджаба, запрещение покидать дом превращает её в арестантку, её униженное положение в семье делает невозможным правильное воспитание молодого поколения. Интересно, что книга «Новая женщина» была издана и в Российской империи на русском языке в 1912 г. [2].

Идеи гендерного равноправия подхватили некоторые женщины из высших привилегированных слоев общества. На рубеже XIX–XX вв. в Египте среди образованных женщин появились первые феминистки. До Первой мировой войны в Египте на французском языке выходило несколько изданий, посвященных женской тематике, а затем появилось 15 журналов на арабском языке.

Однако женский вопрос в Египте стала продвигать общая социально-экономическая ситуация в стране в начале XX в. В годы Первой мировой войны нехватка мужчин, мобилизованных для обслуживания английской армии, вынудила принять на работу десятки тысяч женщин, в частности, на текстильные предприятия. В университетах появились первые студентки. Спрос на женщин как на рабочую силу изменил взгляд на их место и роль в обществе. Материальная самостоятельность также повысила статус женщины в семье. И уже в 1919 г. прошла крупнейшая демонстрация женщин в Каире в знак протеста против британской оккупации во главе с Худой Шаарави, которая считается первой феминисткой Египта.

Связанная через мужа с руководством «Вафд» – партии, высказывавшейся за независимость, она основала *Египетский феминистский союз (EFU)* с программой гендерного равенства, доступа женщин к образованию, предоставления избирательного права для женщин, реформы законов о личном статусе, ограничения брачного возраста, полигамии. Появились и успешно действовали в 1920–1930-х гг. еще несколько женских организаций, в основном благотворительных. Их взгляды перекликались с либеральными надеждами некоторых легальных партий, выступавших против английского господства в стране. Похожие цели провозгласила набиравшая силу организация «Братья-мусульмане», которая, однако, в принципе отвергала западные ценности, в т.ч. равноправие женщин. Эти разногласия со временем станут стержнем внутривнутриполитической борьбы.

В 40-е гг. XX в. в Египте появились и феминистки с экстремистскими революционными требованиями: они хотели бы увидеть решительный слом государственного аппарата, свержение королевского правительства, изгнание английских войск. Эти женщины были связаны с коммунистами, с марксистами. Среди них две самые яркие фигуры – будущая художница Инджи Афлатун и будущая писательница Латифа Аз-Зайят. Компартия в Египте, разрозненная и слабая, завоевала кое-какие позиции, сосредоточившись на антиколониальной борьбе; естественно, что она выступала и за гендерное равноправие.

АВТОРИТАРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

Женские организации – как крайне левые, так и умеренные – приветствовали антиимпериалистический и антианглийский революционный переворот 1952 г. Гендерное равноправие было одним из лозунгов «Свободных офицеров» во главе с Гамалем Абдель Насером. Идеалы и левых, и умеренных феминисток были воплощены в республиканской конституции 1956 г., которая предоставила избирательные права всем египтянам (отметим, что во Франции, стране, кажущейся нам эталоном демократии, избирательное право женщинам было предоставлено лишь в 1945 г).

В период правления Г.А.Насера (1954–1970 гг.) государство поддерживало эмансипацию египтянок, подчеркивало роль женщин на производстве вне дома, расширяло возможности образования, поощряло контроль над рождаемостью. Женские организации были как бы кооптированы в революционно-авторитарный режим, но одновременно поставлены под контроль этого самого режима, который не допускал ни самостоятельности, ни критики справа или слева. Тысячи «братьев-мусульман» и сотни коммунистов оказались в тюрьмах, репрессиям подверглись и левые феминистки.

Анвар Садат (1970–1981 гг.), ставший президентом после смерти Г.А.Насера, решительно отказался от прежнего курса во внешней и внутренней политике, «революционные» и «социалистические» декларации остались в прошлом. Но сам «государственный феминизм» в рамках новой авторитарной власти сохранился.

С целью укрепить свою популярность и шаткую социальную базу А.Садат выпустил на свободу большинство «братьев-мусульман» и легализовал их органы печати. Тем самым он рассчитывал полу-

чить с их стороны поддержку своим действиям по разрушению всего насеровского наследия. И пошел еще дальше, включив в 1971 г. в Конституцию положение о том, что «шариат является базой законодательства», а ислам – государственной религией Египта, несмотря на 10%-е коптское население страны. В руки противников любых светских мер государства, включая гарантии прав женщин, было на десятилетия вперед передано мощное орудие влияния консервативных улемов. Эта статья Конституции сохраняется по сей день. (Отметим, что в Турции времен М.К.Ататюрка президент декретом ввел семейное право, основанное на швейцарском кодексе, просто отвергая шариатское толкование.)

В период правления Г.А.Насера «Братья-мусульмане» были врагами режима. Никто не смел использовать шариат для выступления против правительства. Теперь консервативные исламисты стали легально требовать определенное урезание прав женщин, бросая вызов традиционному «государственному феминизму», а значит – и самому режиму А.Садата. И первая леди Джихан Садат начала кампанию по реформированию «Закона о личном статусе» (*PSL*), регулирующего вопросы брака и опеки над детьми с целью расширения прав женщин.

В 1979 г. президент своим указом пополнил «Закон о личном статусе» т.н. «Законами Джихан» (по имени супруги президента), предоставившими женщинам Египта право на содержание и опеку над ребенком в случае развода, а так же включившими указание на необходимость письменного согласия первой жены на второй брак супруга [3]. Российский исследователь Л.Я.Прокопенко отмечала в своих работах, что сфера деятельности жен глав государств в Африке, за редким исключением, – социальная политика, где много нерешенных проблем [4]. В это же время А.Садат вводил в правительство образованных женщин из среднего класса, связанных с режимом, и использовал этот факт для получения поддержки и внутреннего, и внешнего политического курса.

Желание лидера государства «нравиться» Западу и одновременно забота о своем влиянии в глубоко религиозном обществе определяло зачастую противоречивую позицию по отношению к египетскому движению за права женщин.

А.Садат был убит исламистами-джихадистами на параде в 1981 г. После его убийства Египет на 30 лет возглавил Хосни Мубарак (1981–2011 гг.). Государство уделяло большое внимание экономическому росту, поэтому расширение прав и возможностей женщин, в том числе в экономической сфере, было в повестке дня правительства.

В 2000 г. был создан Национальный совет по делам женщин Египта (*НСЖ*), подотчетный лично президенту, во главе с первой леди Сюзанной Мубарак. Целями создания Совета была активизация роли женщин в жизни общества, расширение их прав и возможностей в социальном, культурном, экономическом и политическом планах. Совет следил за положением женщин в стране и предлагал государственным учреждениям шаги по его улучшению, собирал данные об уровне неграмотности среди женщин, распространял информацию об услугах здравоохранения и профилактике заболеваний, сотрудничал с международными организациями по микрокредитованию женщин, способствовал приобретению ими удостоверений личности, что открывало доступ к уже существующим возможностям и ресурсам.

Создание Совета было расценено как позитивный шаг к расширению прав египтянок в частной сфере, что отразилось в «Законе о личном статусе». В 2000 г. Хосни Мубарак, заручившись толкованием шариата близкими ему улемами, внес изменения в закон, дающие египтянкам право на односторонний развод «без вины», когда женщина могла получить развод в одностороннем порядке, отказавшись от финансовых претензий к супругу, также менялись правила опеки над детьми после развода.

Феминистки приветствовали нововведения и требовали дальнейших изменений в пользу женщин. Однако, любой шаг в этом направлении зависел от результатов споров с мусульманскими фундаменталистами. То, что эти законы были приняты или изменены, заставило многих мужчин почувствовать, что права у них отбирают и передают женщинам. Прекрасным примером этого стали поправки к закону об опеке над детьми. Раньше закон давал мужчинам право опеки над своими сыновьями до 10 лет и над дочерьми до 12 лет. Затем в закон были внесены изменения, согласно которым и сыновья, и дочери оставались с матерью по крайней мере до 15 лет. Эта поправка, наряду со многими другими, заставила некоторых мужчин дойти до того, что они стали утверждать, будто египетские мужчины подвергаются угнетению [5].

Международное давление, особенно со стороны США, с целью «демократизации» жизни по западным стандартам и внутреннее давление с целью большей исламизации общества сформировали контекст внутренней политической борьбы в Египте. Сторонники и противники равноправия женщин обращались к канонам шариата, чтобы найти аргументы «за» или «против». Государство оказалось как бы между двух огней. Любая реформа должна соответствовать шариату, но одновременно защищать права женщин.

В результате массовых протестов в ходе «арабской весны» Хосни Мубарак подал в отставку в феврале 2011 г. В том же году Национальный совет по делам женщин приостановил работу. Его репутация была подорвана тем, что главой Совета являлась Сюзанна Мубарак. Но дело было не только в личности руководителя. Совет достаточно активно продвигал светскую повестку по расширению границ равноправия женщин, что вызывало недовольство и «Братьев-мусульман», и консервативных улемов из университета «Аль-Азхар». Их голос звучал в то время более весомо, чем голос сторонников демократии западного образца.

Большая часть членов Совета подали в отставку, и его деятельность была практически приостановлена. Однако Высший совет вооруженных сил с его определенными светскими традициями восстановил и реорганизовал Национальный совет, включив в его состав представителей молодежи и крестьянства. С 2016 г. его возглавляет д-р философии Майя Морси.

ВРЕМЯ АС-СИСИ. ОСТОРОЖНОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ

Правительство президента Абдель Фаттаха ас-Сиси (с 2014 г.) взяло курс на еще большее присутствие женщин в политике и в социальной жизни. Конституция Египта 2014 г. гарантировала равные возможности всем гражданам без какой-либо дискриминации. Египет стал первой арабской страной, которая приняла в 2017 г. собственную «Национальную стратегию расширения прав и возможностей женщин до 2030 г.» в соответствии с Целями устойчивого развития ООН, которая включает 4 основных направления: расширение политических прав и возможностей и лидерство, расширение экономических прав и возможностей, расширение социальных прав и возможностей, защита.

Число женщин в парламенте в 2022 г. – 165, что составляет около 28%. Это самый высокий процент в истории (в 2016 г. их было 89), благодаря чему Египет занял 1-е место в арабском мире по представленности женщин в парламенте. Представительство женщин в судебной системе достигло 3115 женщин-судей по сравнению с 2130 в 2014 г.¹

Женщины имеют 6 министерских портфелей в нынешнем Кабинете министров, что составляет 18% от общего числа министров в правительстве по сравнению с 6% в 2015 г. Они занимают такие важные посты, как министр окружающей среды, министр международного сотрудничества, министр культуры, министр социальной солидарности, государственный министр по иммиграции и делам Египта за рубежом и министр планирования и экономического развития².

Министр планирования и экономического развития Египта Хала эль-Саид на форуме по лидерству в Дубае в марте 2022 г. отметила, что в Египте уже есть 3 женщины-губернатора, 7 заместителей губернаторов, а в административных органах прокуратуры их около 50%. Она добавила, что государство привержено защите женщин от насилия и заботе о матерях и семьях в рамках стратегии Египта на период до 2030 г., которая как раз предусматривает обеспечение политических, социальных и экономических прав женщин³.

Несмотря на достигнутые успехи, Египет остается в конце списка, занимая 134-е место в глобальном индексе гендерного разрыва⁴.

¹ Egypt launches first women's fatwa councils. Al-Monitor: Independent, trusted coverage of the Middle East. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/05/> (accessed 06.11.2023)

² Political Empowerment of Egyptian Women. April 10, 2023. <https://draya-eg.org/en/2023/04/10/political-empowerment-of-egyptian-women-reading-of-indicators/> (accessed 02.11.2023)

³ Egypt prioritizes gender equality women empowerment: Planning min. tells Dubai forum. <https://www.egypttoday.com/Article/1/114289/Egypt-prioritizes-gender-equality-women-empowerment-Planning-min-tells-Dubai> (accessed 6.11.2023)

⁴ См. <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/in-full/benchmarking-gender-gaps-2023/> (accessed 09.11.2023)

Этому можно найти объяснение. Более половины египтян живут в сельской местности. Сельское население моложе городского, что делает экономические и социальные проблемы в сельских районах особенно актуальными для будущего страны. Молодые сельские женщины находятся в тройном неблагоприятном положении из-за своего возраста, пола и места проживания. Их вклад часто не признается, невидим, недооценивается. Вне городов в частной жизни господствуют традиционные патриархальные отношения, и то, что волнует образованных городских феминисток, пока что просто чуждо крестьянкам. Сельские районы также существенно различаются между собой. Гендерный разрыв в Верхнем Египте, самом бедном регионе страны, гораздо выше, чем в Нижнем.

Женщинам затруднен доступ к системе здравоохранения и получению образования. В сельских районах Верхнего Египта значительный процент женщин никогда не посещали школу. В бедных семьях предпочтение в возможности посещения школы всегда отдается мальчикам. Ранние браки, в т.ч. в подростковом возрасте, и раннее материнство усугубляют проблему бедности и сопровождаются высокой рождаемостью. Порочный круг – быстрый рост населения, сохранение бедности, трудности с получением образования и более высокооплачиваемой работы отодвигают в сельских районах на второй план задачу правительства по обеспечению гендерного равенства.

Хотя в трудовом законодательстве в Египте женщинам предоставляется право на отпуск по беременности и родам, а также право на отпуск по уходу за ребенком, эти законы, как правило, в большей степени соблюдаются в государственном секторе, чем работодателями в частном секторе.

Существует разрыв между официальной занятостью в качестве рабочей силы и получаемой экономической выгодой, где показатели участия мужчин 77%, что намного выше, чем у женщин – 22%⁵. Это можно объяснить тем, что почти половина женщин занята в неформальном секторе, где они являются низкооплачиваемыми работниками и зависят от неофициальных договоренностей и, соответственно, почти не имеют доступа к социальной защите. Одновременно на их плечах лежит главный неоплачиваемый труд – работа по дому, забота о детях, пожилых родственниках.

Неравенство на рабочем месте подчеркнула и эпидемия *COVID-19*. В начале 2020 г. 25% женщин покинули рынок труда по сравнению с 4% мужчин, а вернулось 40% уволившихся египтянок по сравнению с 96% вернувшихся мужчин⁶.

ИСЛАМ И ПРАВА ЖЕНЩИН

Культура и преобладающие гендерные и социальные нормы играют важную роль в формировании гендерной идентичности, ролей и обязанностей.

По данным Национального совета по делам женщин, около 8 млн египтянок подвергаются ежегодно риску домашнего насилия. Но никакого закона о защите женщин от супружеского насилия так и не принято. Консервативные улемы ссылаются на Коран: «...порядочные женщины – благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещивайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, – поистине Аллах возвышен, велик!» (Сура 4:34) [6]. Однако конституция страны гласит, что государство обязано защищать права женщин, исключая любые виды дискриминации.

Исламский феминизм в Египте конца XX – начала XXI в. возник из-за обеспокоенности сторонников гендерного равноправия активным продвижением консервативной интерпретации шариата. Хотя в мечетях были специальные помещения для молитвы женщин, имамами раньше были только мужчины.

Участие же религиозных женщин в толковании основных канонических религии расширяло фронт общественной активности женщин в целях достижения гендерного равноправия. Толкование Корана и хадисов, то есть толкование положений шариата относительно прав женщин в духе современных требований, было необходимо. Государство проявило гибкость, открыв дверь для участия в полемике самих религиозных египтянок.

Министерство религиозных пожертвований (вакуфа) в феврале 2017 г. назначило 144 женщины-проповедницы, т.е. женщин-имамов, выступать в мечетях. Министерство подготовило женщин-пропо-

⁵ См.: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc0452en> (accessed 06.11.2023)

⁶ См.: <https://obaninternational.com/blog/international-womens-day-2022-spotlight-on-w> (accessed 08.11.2023)

ведниц к изданию фетв, организовав интенсивные курсы. Они прошли обучение тому, как обращаться с исламскими текстами и издавать фетвы таким образом, чтобы учитывать время, местоположение, обычаи и обстоятельства жизни отдельных лиц. Из этих 144 человек после экзаменов на знание Корана, сунны и в целом шариата были выбраны 4 египтянки, которые получили право самостоятельно издавать фетвы в составе первых четырех советов по фетвам. Они начали действовать в 4 каирских мечетях, освещая сугубо женские вопросы. Было намечено создание таких советов и в других мечетях.

«Некоторые женщины могут чувствовать себя неловко, задавая вопросы проповедникам-мужчинам о проблемах, касающихся женщин. В результате женщины могут принять решение обратиться к ненадежным женщинам-проповедницам. Присутствие в мечетях квалифицированных женщин-ученых, издающих фетвы, устранил этот барьер, позволит напрямую обсуждать личные вопросы и лучше понять свою религию», – сказала в интервью «Аль-Монитору» (известному Интернет-изданию, которое специализировалось на проблемах Ближнего и Среднего Востока) Невин Мухтар, одна из 4 первых проповедниц, уполномоченных правительством издавать фетвы по делам женщин⁷. В первый же день её работы в мечети в течение 3 часов она приняла более 100 женщин.

Глава Национального совета по делам женщин М.Морси назвала решение Министерства вакуфов о создании женских советов по фетвам «достижением и прецедентом эмансипации женщин»⁸.

Активность глубоко верующих женщин играет важную роль для давления «снизу вверх» с целью достижения большего гендерного равенства. Новое толкование Корана и хадисов и, соответственно, положений шариата может быть использовано в качестве одного из инструментов расширения прав и возможностей женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Западный феминистский подход, разделяющий общественную и частную сферы жизни неприменим к арабскому обществу, где семья выполняет политическую, экономическую, социальную и культурную функции. Женщины влияли и влияют на политику, усиливая или ослабляя напряжение в отношениях между мужчинами. Исторически неучастие женщин в политике не было причиной их подчиненного статуса, точнее – подчинение женщин в египетском и общеарабском культурном контексте не имело того же значения, что и на Западе. Распространенное заблуждение западных феминисток, будто именно ислам делал женщин гражданами второго сорта, а «настоящее» их освобождение могло происходить лишь в неисламских странах, было отражением ориенталистского стереотипа, основанного на колониальном взгляде на арабских и в целом на мусульманских женщин.

Правительство Египта демонстрирует свою приверженность борьбе с гендерным неравенством и в городах, и в сельских районах, заявляя, что построение стабильного, процветающего и инклюзивного общества требует полного равенства мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Изменить сложившуюся ситуацию очень трудно, но необходимо, особенно в стране с населением почти 110 млн человек⁹, которой требуется ускорение социального и экономического развития. Нужны годы и годы.

Режим Абдель Фаттаха ас-Сиси достиг действительных успехов в деле участия женщин в политике и одновременно проявил гибкость, пойдя на взаимодействие с религиозными феминистками.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М. Египет и египтяне. М.: Восточная литература, 2008. 366 с. ISBN 978-5-02-036345-8
Vasiliev A.M. Egypt and the Egyptians. Moscow. 2008. 366 p. ISBN 978-5-02-036345-8
2. Амин К. Новая женщина. СПб., 1912 (пер. И.Ю.Крачковского). <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/56489#mode/inspect/page/9/zoom/4> (accessed 02.11.2023)
Amin K. New Woman. St. Petersburg. 1912 (translation by I.Yu.Krachkovsky). <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/56489#mode/inspect/page/9/zoom/4> (accessed 02.11.2023)

⁷ См. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/05/egypt-launches-first-womens-fatwa-> (accessed 06.11.2023)

⁸ См. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/05/egypt-launches-first-womens-fatwa-c> (accessed 09.11.2023)

⁹ См. <https://countrymeters.info/en/Egypt> (accessed 04.11.2023)

3. Jehan Sadat: Egypt's first lady who transformed women's rights. <https://eng-news.ru/Jehan-Sadat-Egypt-s-first-lady-who-transformed-women-s-rights/?ysclid=lohg0v1yhr57402121> (accessed 02.11.2023)
4. Прокопенко Л.Я. Институт «первой леди» в странах Африки как феномен политической жизни. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 11. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750012185-5
Prokopenco L.Ya. 2020. The institution of the “first lady” in African countries as a phenomenon of political life. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750012185-5
5. Dawood A. Backlash against ‘Suzanne Mubarak laws’ was inevitable. *Egypt Independent*. <https://egyptindependent.com/backlash-against-suzanne-mubarak-laws-was-inevitable/> (accessed 02.11.2023)
6. Коран в переводе И.Ю.Крачковского. Сура 4:34. <https://священный-коран.рф/chitat-koran-na-arabskom/an-nisa/> (accessed 02.11.2023)
The Koran translated by I.Yu.Krachkovsky. Sura 4:34. <https://священный-коран.рф/chitat-koran-na-arabskom/an-nisa/> (accessed 02.11.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елькина Екатерина Алексеевна, научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ekaterina A. Elkina, Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.11.2023

Модернизация промышленного производства Китая

© Коледенкова Н.Н., 2023

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7984-4481; koledenkova@iccaras.ru

Резюме. В статье рассматриваются проблемы модернизации промышленного производства в контексте экономической политики страны, направленные на превращения Китая к 2049 г. в мощную промышленную державу с высокой международной конкурентоспособностью.

В поле зрения автора – XX съезд КПК, план социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и долгосрочные цели до 2035 г., которые предполагают стратегические прорывы в развитии ключевых и традиционных отраслей промышленности, в первую очередь – в сфере высокотехнологичного оборудования и информационных отраслей.

План ориентирован на превращение страны в мировую промышленную державу, конкурентоспособную на международном уровне. Китай будет придерживаться следующих направлений: осуществлять модернизацию промышленного производства на основе научно-технических достижений; отдавать приоритет качественным параметрам роста; продвигать технологические инновации; добиваться перехода на низкоуглеродистую, безопасную и высокоэффективную систему энергетики; развивать экологическое производство; ускорять интеграцию информационных технологий и индустрии.

Ключевые слова: Китай, модернизация промышленного производства, высокотехнологичные отрасли, энергетика, роботостроение, цифровые технологии

Для цитирования: Коледенкова Н.Н. Модернизация промышленного производства Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 12. С 58–65. DOI: 10.31857/S032150750029002-4

China. Modernization of Industrial Production

© Natalya N. Koledenkova^a, 2023

^a Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7984-4481; koledenkova@iccaras.ru

Abstract. The article deals with the problems of modernization of industrial production in the context of the country's economic policy, aimed at turning China into a powerful industrial power with high international competitiveness by 2049.

The author focuses on the 20th Congress of the CPC, the PRC socio-economic development plan for the 14th five-year period (2021–2025) and long-term goals until 2035, which involves a number of strategic breakthroughs in the development of key and traditional industries. This is primarily in the field of high-tech equipment and information industries.

In general, the plan is focused on accelerating the industrialization of the country and turning the country into an internationally competitive industrial power. China will adhere to the following areas: to carry out the modernization of industrial production based on scientific and technological achievements; give priority to qualitative parameters of growth; promote technological innovation; work towards a transition to a low-carbon, safe and highly efficient energy system; develop ecological production; accelerate the integration of information technology and industry.

Keywords: China, modernization of industrial production, high-tech industries, energy, robotics, digital technologies

For citation: Koledenkova N.N. China. Modernization of Industrial Production. *Asia and Africa today*. 2023, № 12. Pp. 58–65. DOI: 10.31857/S032150750029002-4

ВВЕДЕНИЕ

Основной задачей экономической стратегии развития КНР, провозглашенной на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.), является построение модернизированной экономической системы. Особое значение

имеет создание промышленного потенциала высокого уровня развития, который позволит Китаю войти в число лидирующих государств инновационного типа. Развитие высокотехнологичного производства станет первостепенной задачей строительства модернизированной промышленной системы к 100-летию юбилею КНР.

Решающая роль в выполнении поставленной задачи принадлежит осуществлению следующих основных программ: реконструкция базовых отраслей производства; содействие модернизации традиционных отраслей; ускорение развития кластеров передовых отраслей; развитие интеллектуального производства; активизация экологического производства. Как отметил председатель КНР Си Цзиньпин, «укрепление собственного потенциала в области науки и техники на высоком уровне – это неизбежный путь к продвижению высококачественного развития». В первую очередь предполагается стимулировать развитие за счет инноваций, чтобы добиться научно-технологических прорывов в основных областях и ключевых звеньях, что могло бы способствовать выходу всех отраслей производства на средний и высокий уровень развития¹.

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КНР

В последние годы решение задач промышленного производства КНР связано с реализацией стратегии развития за счет инноваций. Как отмечалось в докладе «О выполнении плана экономического и социального развития за 2022 год и проекте плана на 2023 год» в марте 2023 г. на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва, за последние 5 лет выполнялись программы по реконструкции базовых отраслей производства, в области разработки важнейшего технического оборудования, государственной программы развития кластеров нарождающихся отраслей стратегического значения. Реализовывались проекты по интеллектуальному и «зеленому» производству. В контексте интенсивного создания собственных брендов на высоком уровне развертывались мероприятия по культивированию китайских брендов².

Наряду с активным развитием нарождающихся отраслей всё быстрее модернизируется традиционное производство. Metallургическая промышленность, энергетика и машиностроение переходят на новый путь развития за счет инноваций, компьютеризации, энергосбережения и сокращения выброса углекислого газа.

По данным ГСУ КНР, показатель добавленной стоимости в промышленности по итогам 2022 г. составил 40,164 трлн юаней (\$5,53 трлн). Это позволило повысить долю добавленной стоимости промышленного производства в ВВП до 33,2%.

Доля добавленной стоимости высокотехнологичного производства и производства оборудования в добавленной стоимости промышленности достигла 15,1% и 32,4% соответственно³. За последние годы значительно укрепился потенциал высокотехнологичной отрасли. Число высокотехнологичных предприятий выросло с 49 тыс., имевшихся 10 лет назад, до 330 тыс. в 2021 г.

В 2021 г. среди 2500 крупнейших в мире компаний, инвестирующих в НИОКР, 683 были из Китая. Инвестиции в НИОКР в стране выросли с 1,03 трлн юаней в 2012 г. до 2,79 трлн в 2021 г. Созданы центры научно-технических инноваций в Пекине, Шанхае и регионе Большого залива (Гуандун – Сянган – Аомынь), которые вошли в первую десятку глобальных кластеров научно-технических инноваций. Были также созданы комплексные национальные научные центры в Хуайжоу (Пекин), Чжанцзяне (Шанхай), Хэфэй (Аньхой), регионе Большого залива. В итоге КНР вышла на 2-е место в мире по объему производства высокотехнологичного оборудования и заняла 1-е место в сфере информационно-коммуникационных технологий [8]. По данным ГСУ КНР, в Глобальном инновационном индексе Китай поднялся с 25-го места в 2016 г. до 11-го в 2021 г.⁴

Важно сказать, что основой успешного развития промышленного производства КНР стала стратегия, которая заключалась в проведении масштабных мер государственной поддержки, скоординирован-

¹ См.: Xi Jinping. Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. 16.10.2022. <http://cpc.people.com.cn/20th/n1/2022/1026/c448334-32551867.html> (accessed 27.10.2022)

² Report on the Work of the Government Delivered at the First Session of the 14th National People's Congress on March 5, 2023. http://t.m.china.org.cn/convert/c_02458xll.html (accessed 19.05.2023)

³ См.: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-06/16/content_78274321.htm (accessed 10.09.2022)

⁴ China's innovation index in 2021. http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202210/t1202221028_1889788.html (accessed 01.04.2023)

ного развития военных и гражданских сфер и внедрения иностранных технологий. При этом особая роль в формировании высокотехнологичного производства принадлежит иностранному капиталу. Правительство продолжает работать над совершенствованием бизнес-климата для иностранных инвесторов в средне- и высокотехнологичные отрасли. В первую очередь в такие производства, как авиационно-космическое, электротехническое, металлургическое, электронное, станкостроение, транспортное машиностроение.

Однако еще существует немало факторов, сдерживающих развитие производства, связанных с торозьящими развитие узкими местами в области основных сырьевых материалов, ключевого оборудования, деталей и запчастей. Поставлена задача добиться производства интегральных схем нового поколения. По мере развития этой сферы Китай будет становиться крупнейшим мировым производителем и экспортером электронных устройств и систем. На данный момент на долю Китая приходится почти треть мирового спроса на эту продукцию [5].

Сегодня Китай – крупный производитель угля, электроэнергии, стали, цветных металлов, этилена, цемента, автомобилей, металлорежущих станков, а также новых видов продукции: микрокомпьютерного оборудования, промышленных роботов, интегральных схем. Существенный рост промышленного потенциала виден по объемам производства промышленной продукции. Так, в 2022 г. производство угля достигло 4,5 млрд т, электроэнергии – 8848,7 млрд кВт·ч, стали – свыше 1 млрд т, цветных металлов (10 видов) – 67,936 млн т, автомобилей – 27,18 млн шт., мини-компьютеров – 434,182 млн шт., промышленных роботов – 443 тыс. шт.

Построение модернизированной промышленной системы предполагает, как было отмечено в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК, активное продвижение создания энергетической системы нового типа. Для этого Китаю предстоит интенсифицировать экологически чистое и высокоэффективное использование угля; усиливать работы по разведке и освоению нефтяных и газовых ресурсов; ускорять создание системы новых источников энергии; обеспечивать планомерное развитие ядерной энергетики. Все это, как планируется, должно обеспечить энергетическую безопасность страны⁵.

Создание энергетической системы нового типа предполагает и внедрение инновационных энергоносителей и технологий по улавливанию углекислого газа и производству водорода. Напомним, что еще в 2020 г. Китай поставил задачу добиться снижения выбросов диоксида углерода на единицу ВВП на 18% к 2025 г. и углеродной нейтральности – к 2060 г. Китай в 2022 г. продолжал оставаться мировым лидером в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это внесло позитивный вклад в сокращение выбросов парниковых газов в стране, которое достигло 2,26 млрд т. А экспортируемая Китаем ветроэнергетическая и фотоэлектрическая продукция позволила другим странам мира сократить выбросы углекислого газа примерно на 573 млн т. В целом эти два показателя составили 41% от общемирового показателя сокращения выбросов углекислого газа за счет использования этого вида энергии⁶.

В Китае уже существует крупнейшая в мире экологически чистая система производства электроэнергии [2, с. 142]. Следует обратить внимание, что в последние 5 лет структура производства энергии в стране претерпела преобразования за счет увеличения производства ВИЭ. В контексте оптимизации структуры энергетики общие установленные генерирующие мощности, работающие на возобновляемых источниках энергии, увеличились с 650 млн кВт до 1,2 млрд кВт, а доля потребления экологически чистой энергии возросла с 20,8% до 25%.

Что касается установленной мощности возобновляемых источников энергии, Китай не имеет себе равных – на конец 2022 г. она составила 2,564 млрд кВт, продемонстрировав рост 7,8% к предыдущему году. Установленная мощность на тепловых электростанциях достигла 1,332 млрд кВт (рост 2,7%); на гидроэлектростанциях – 413,5 млн кВт (рост – 5,8%); на атомных электростанциях – 55,53 млн кВт (рост – 4,3%)⁷.

Меняется и структура производства в 2015–2022 гг. (см. *табл. 1*).

Для решения поставленной задачи по модернизации промышленного производства Китаю необходимо последовательно снижать удельную энергоемкость ВВП и объем выбросов основных видов за-

⁵ Xi Jinping. Full text of the report to the 20th National Congress...

⁶ См.: <http://russian.people.com.cn/3/2023/0214/c31518-10207187.html> (accessed 18.10.2023)

⁷ Statistical Communiqué of the PRC on the 2022 National Economic and Social Development. http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (accessed 01.03.2023)

грязняющих веществ, делая упор на сокращение потребления ископаемых источников энергии, и тем самым обеспечивать стабильное улучшение экологии. Здесь главным образом учитывается следующее: по мере непрерывного социально-экономического развития будет сохраняться рост потребления энергоресурсов в промышленном и бытовом секторах.

Таблица 1. Структура производства электроэнергии Китая (2015–2022 гг.)
Table 2. Structure of China's power generation (2015–2022)

Годы	Производство электроэнергии, млрд кВт·ч	Структура производства, %				
		Тепловые электростанции (ТЭС)	Гидроэлектростанции (ГЭС)	Атомные электростанции (АЭС)	Ветровые электростанции*	Солнечные электростанции*
2020	7779,1	68,5	17,4	4,7		
2021	8534,2	68,0	15,7	4,8		
2022	8848,7	66,55	15,28	4,72	8,62	4,83

* Отсутствуют данные ГСУ КНР за 2020 г. и 2021 г.

Составлено по: http://stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed 01.03.2023); http://stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (accessed 01.03.2023)

Китай существенно продвинулся в освоении, проектировании, производстве и монтаже гидроэнергетического оборудования. Большим достижением стало построение крупнейшего в мире коридора чистой энергии в 2022 г. Это стало возможно благодаря завершению строительства последнего энергоблока ГЭС Байхэтань. На этой электростанции установлено в общей сложности 16 энергоблоков отечественного производства, мощность каждого из которых достигает 1 млн кВт. По суммарной мощности она уступает лишь ГЭС Санься. Эта ГЭС способна ежегодно вырабатывать 300 млрд кВт·ч электроэнергии. Безусловно, завершение строительства гидроэлектростанции знаменует собой крупный прорыв в производстве высокотехнологичного оборудования в стране. На сегодняшний день в числе 6 крупных ГЭС на р. Янцзы – Удундэ, Байхэтань, Силоду, Сянцзяба, Санься и Гэчжоуба⁸.

Электрэнергии в Китае не хватает, поэтому в последующие годы предполагается активно наращивать мощности электростанций, работающих на возобновляемых источниках энергии.

Большое внимание уделяется развитию атомной энергетики. По данным Китайской ассоциации ядерной энергетики, Китай – 2-й в мире по количеству действующих и строящихся атомных энергоблоков. В стране имеется 55 действующих атомных энергоблоков, размещенных на 18 АЭС, и 24 находятся в стадии строительства⁹. Россия, в частности, ведет работы по строительству 4 новых энергоблоков на двух АЭС – Тяньваньской (г. Ляньюньган, пров. Цзянсу) и «Сюйдапу» (г. Хулудао, пров. Ляонин). Это будут системы поколения «3+» с реакторами ВВЭР-1200. В 2023 г. Россия и Китай заключили новое соглашение в области атомной энергии, в частности, намечена программа сотрудничества по атомным «технологиям будущего»¹⁰.

Что касается развития передовых технологий, китайский экспериментальный реактор на быстрых нейтронах также построен на основе российских технологий в феврале 2021 г. вблизи Пекина. Российские специалисты могут оказать необходимую поддержку при проектировании и строительстве реактора на быстрых нейтронах следующего поколения¹¹.

Как ожидается, к 2030 г. Китай превзойдет США и станет державой номер один в мире по использованию атомной энергии. По данным на 1 января 2023 г., в США в эксплуатации находятся 92 реактора

⁸ http://t.m.china.org.cn/convert/c_sB5V91Cx.html (accessed 02.04.2023)

⁹ Китай – второй в мире по количеству действующих и строящихся атомных энергоблоков. <https://russian.new.cn/20230927/ae002b00af9541d382c6099d68844218/c.html> (accessed 21.10.2023)

¹⁰ См.: <https://ri-ru.turbopages.jrg/turbo/ria.ru/s/20230321/reaktor-1859591913.html> (accessed 21.10.2023)

¹¹ См.: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/02/19...> (accessed 18.10.2023)

на 54 АЭС¹². Во Франции, которая занимает 3-е место в мире, число реакторов достигает 56 на 18 АЭС¹³. Что касается России, она занимает 2-е место после Франции среди стран Европы по мощности атомной генерации и 4-е – по наращиванию атомной энергетики (после США, Китая и Франции). По состоянию на декабрь 2022 г., в России на 11 действующих АЭС работают 37 энергоблоков¹⁴.

Китай активизирует усилия по развитию микроэлектроники. Выполнение плана по развитию отрасли возлагается на компанию *Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC)* [5]. План 14-й пятилетки включает создание кластеров отечественного производства интегральных схем мирового уровня. Это: Чжацзян в Шанхае, Пекин – Тяньцзинь – Бохай, Шэньчжэнь в Гуандуне и в г. Чэнду и Ухань. 14-я пятилетка и перспективный период до 2035 г. станут важным этапом в развитии микроэлектроники – одного из определяющих факторов роста высокотехнологичного производства. Правительство КНР считает её приоритетным направлением развития национальной экономики и отводит ей важную роль в укреплении научно-технического потенциала.

Особое значение придается развитию промышленной робототехники, которая рассматривается как ключевая составляющая в поддержке развития передового производственного оборудования. Разработанная программа «Развитие робототехники на 2021–2025 гг.». Тем самым Китай стремится стать глобальным источником робототехнических инноваций, местом высококачественного производства промышленных роботов и главным рынком комплексного применения таких устройств к 2025 г. Особый упор делается на создание новых операционных систем робототехники [3, с. 59]. КНР к 2025 г. планирует стать не только мировым центром производства промышленных роботов, но и страной с высоким показателем внедрения роботов в производство.

Как заявил заместитель министра промышленности и информационных технологий Синь Гобинь на саммите Всемирной конференции робототехники 2022 г., Китай в развитии робототехники вышел на новый уровень развития: в 2021 г. объем производства промышленных роботов достиг 366 тыс. единиц, в 2022 г. произвел 443 тыс.

Стоит обратить внимание, что развитие производства в данной области на первом этапе стало возможно благодаря приобретению зарубежных высокотехнологичных компаний по производству робототехники (среди них, например, немецкая *KUKA*, приобретена в 2016 г.¹⁵), что позволило ускорить развитие национального производства промышленных роботов.

На сегодняшний день крупнейший центр индустрии роботов в стране – Шанхай, где ежегодное производство достигает 100 тыс. единиц. В 2018 г. правительство Шанхая и корпорация *ABB* (шведско-швейцарская транснациональная корпорация) подписали меморандум о строительстве завода стоимостью \$150 млн по производству роботов, где «роботы будут собирать роботов». В 2023 г. в Шанхае в новом районе Пудун – зоне инновационного развития – этот проект был завершен.

При этом в последние годы Китай наращивает усилия в собственных разработках. Важным событием стало принятое в 2017 г. решение о строительстве Инновационного центра в Пекине по роботостроению. Главная задача этого проекта – сформировать инновационную систему робототехники к 2025 г.

Китай – не только крупный производитель промышленных роботов, но и крупный рынок по их внедрению в производство. В 2022 г. Китай внедрил в производство 290,3 тыс. роботов, Япония – 50,4; США – 39,6; Республика Корея – 31,7; Германия – 25,6; Италия – 11,5 тыс. (Россия – 746 шт., по этому показателю занимает одно из последних мест в мире)¹⁶.

В 2013 г. средняя плотность промышленных роботов в Китае составляла 25 единиц на 10 тыс. работников, в 2016 г. – 68, в 2020 г. – 187. В 2021 г. ему удалось войти в пятерку мирового рейтинга по внедрению промышленных роботов в производство с индексом 322 аппаратов на 10 тыс. занятых. В пятер-

¹² EES EAEC. Атомная энергетика США. <https://www.eeseacc.org/ustanovlennaa-aes/atomnaa-energetika-ssa> (accessed 18.10.2023)

¹³ EESC. Мировая энергетика. Атомная энергетика Франции. <http://www.eeseacc.org/unstanovlennaa-mosnost-aes/atomnaa-energetika-francii> (accessed 20.10.2023)

¹⁴ Современное состояние атомной энергетики в России. <http://rusecounion.ru/ru/nuclearenergyinrussia2022> (accessed 20.10.2023)

¹⁵ <https://ya-r.ru/2023/01/20/kuka-okonchateilno-stala-kitajskoj-kompaniej/> (accessed 20.10.2023)

¹⁶ Международная федерация робототехники подсчитала роботов по всему миру и назвала 15 крупнейших рынков в 2023 году. <https://dzen.ru/a/ZR2zJkc...> (accessed 18.10.2023)

ку самых автоматизированных стран мира в 2021 г. вошли Республика Корея (1000), Сингапур (670), Япония (399), Германия (397) и Китай. (В России – всего 6 роботов на 10 тыс. занятых.)¹⁷. Хотя Китай продолжает уступать промышленно развитым странам по плотности роботов, но по этому показателю он превосходит среднемировой уровень (141 единица)¹⁸.

Большое внимание в стратегии модернизации промышленного производства уделяется вопросам развития цифровых технологий в промышленности.

В докладе на XX съезде КПК поставлена задача содействовать развитию цифровой трансформации. Объем цифровой экономики в стоимостном выражении достиг 45,5 трлн юаней (ок. \$6,3 трлн) в 2021 г. и составил 39,8% ВВП¹⁹. В 2022 г. продолжался её рост до 50,2 трлн юаней (ок. \$6,9 трлн). Выросла и её доля в ВВП – до 41,5%, что делает её важным двигателем стабильного экономического развития страны²⁰.

По данным, представленным Автономной некоммерческой организацией «Диалог» в ходе Восточного экономического форума, Китай занимает 28-е место в рейтинге стран по цифровизации (Россия – 27-е). Согласно исследованию, 1-е место занимает Япония, 2-е – Эстония, 3-е – Исландия; США в рейтинге заняли 24-ю позицию (индекс рассчитывался для 51 страны)²¹. Россия вошла в десятку лидеров в сфере цифровизации согласно рейтингу *GovTech Maturity Index (GTMI)* Всемирного банка (от 16 ноября 2022 г.), в который вошли 198 стран мира с различным уровнем развития информационных технологий в государственном секторе²².

В сфере промышленности в ТОП-10 секторов по величине доли цифровой экономики вошли: офисная техника, станкостроение и роботостроение, аэрокосмическая, электротехническая промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, судостроение, бытовая техника, общего назначения и контрольно-измерительная [6, с. 38].

Динамика развития цифровизации основных сфер экономики страны за 2016–2020 гг. свидетельствует о повышении доли промышленности (см. табл. 2).

Таблица 2. Цифровизация основных сфер экономики Китая
Table 2. Digitalization of the main areas of China's economy

Годы	Доля цифровой экономики в сфере услуг, %	Доля цифровой экономики в промышленности, %	Доля цифровой экономики в сельском хозяйстве, %
2016	29,6	16,8	6,2
2017	32,6	17,2	6,5
2018	35,9	18,3	7,3
2019	37,8	19,5	8,2
2020	40,7	21,0	8,9
2021	42,8	22,5	9,0
2022	45,0	25,0	9,1

Составлено по: [4].

Стоит обратить внимание на то, что за последние годы Китай, реализуя стратегию развития цифровой экономики, добился положительных результатов в продвижении цифровой индустриализации и цифровизации промышленности. Уровень внедрения промышленной интернет-платформы в 2020 г. составил 14,7%, а к 2025 г. он достигнет 45%. В течение 2021–2025 гг. планируется сосредоточить усилия на инновационном применении ключевых цифровых технологий, ускорении продвижения цифровой

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: http://org/turbo/plastinfo.ru/s/information/news/50673_19/12/2022/ (accessed 19.10.2023)

¹⁹ <https://russian.new.cn/20221110/7a2f9307acd745dc992c732ca24b477/c.html> (accessed 18.10.2023)

²⁰ <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0821/c31518-20060794/html> (accessed 22.10.2023)

²¹ Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации. <http://ria-ru.turbopages.org/turbj/ria.ru/s/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672/html> (accessed 18.10.2023)

²² Россия вошла в десятку лидеров по цифровизации в рейтинге Всемирного банка. <http://ria-ru.turbopages.org/turbo/ria.ru/s/2021116/tsifrovizatsiya-1832027039.html/> (accessed 18.10.2023)

индустриализации и содействии цифровой трансформации отраслей [7, с. 204]. Тем самым важно отметить, что продвижение интеграции цифровых технологий и реального сектора экономики станет одним из важных условий развития передового промышленного производства и инновационного развития страны в целом.

Для успешного осуществления модернизации промышленного производства ведется строительство государственных инновационных центров в сфере обрабатывающей промышленности, создается ряд новых государственных инновационно-технологических, индустриально-инновационных, инженерно-исследовательских и технических центров на предприятиях. Продвигается программа «Научно-технические инновации 2030 – мегапроекты». При этом Китай будет укреплять международное научно-техническое развитие. Ярким примером проведения этой политики является Шанхай, который в сотрудничестве с отечественными и иностранными инновационными компаниями нацелен на разработку ключевых технологий, в т.ч. в сфере квантовых технологий.

В процессе реализации поставленных задач Китай планирует и далее углублять инновационное сотрудничество с зарубежными производителями, расширять сферы сотрудничества в ключевых отраслях обрабатывающей промышленности. Под ними подразумеваются: ИТ-индустрия нового поколения; станки с цифровым управлением и роботы высокого класса, аэрокосмическое оборудование, морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда, передовое оборудование для рельсового транспорта, энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии, электроэнергетическое оборудование, сельскохозяйственное машиностроение, новые материалы, биофармацевтика и медицинская техника с высокими характеристиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация промышленного производства проводится в Китае согласно новой концепции экономической стратегии – войти в число лидирующих государств инновационного типа. При этом развитие высокотехнологичного производства является первостепенной задачей строительства модернизированной промышленной системы к 100-летию юбилею КНР.

За прошедшее десятилетие существенно укрепился промышленный потенциал страны, а высокотехнологичная отрасль получила значительное развитие. Выросло как количество, так и качество научно-технологической продукции. Проявилась ключевая роль предприятий в инновациях. Новый этап промышленного развития предполагает к 2035 г. ускоренными темпами развивать данную сферу экономики в первую очередь как за счет развития собственных научно-технических инноваций, так и за счет освоения и усовершенствования иностранных путем создания ключевых проектов, открывающих новые возможности прорывных решений в сфере технологий.

Выполнение поставленных задач, как было заявлено на XX съезде КПК, позволит Китаю предстать к 2049 г., к 100-летию юбилею Китайской Народной Республики, не просто сегодняшним промышленным гигантом, а одной из лидирующих в промышленном плане мировых держав.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. China Statistical Yearbook 2022. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2022>. Tabl. 13 (accessed 11.12.2023)
2. Литвинова Ю.Г. Низкоуглеродное развитие китайской экономики в период 14-й пятилетки. *Новые горизонты экономики КНР в 14-пятилетке (2021–2025 гг.)*. Сост. П.Б.Каменнов, А.Д.Александрова; отв. ред. А.В.Островский. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 142. DOI: 10.48647/ISSA.2022.75.51.010
Litvinova Y.G. 2022. Low-carbon development of the Chinese economy during 14th Five-Year Plan. *New horizons of the Chinese economy in the 14th five-year plan (2021–2025)*. Comp. P.B.Kamenov, A.D.Alexandrova. Ed. A.V.Ostrovsky. Moscow. P. 142. (In Russ.). DOI: 10.48647/ISSA.2022.75.51.010
3. Коледенкова Н.Н. Высокотехнологичное производство: основа модернизации обрабатывающей промышленности Китая. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022. Т. 1. С. 59. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-64
Koledenkova N.N. 2022. High-tech production: the basis for the modernization of China's manufacturing industry. *East Asia: Facts and Analytics*. Vol. 1. P. 59. (In Russ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-64
4. Развитие цифровой экономики. ГСУ КНР, Институт исследования информации и телекоммуникаций Китая. *Kumai*, 2022. № 1 (193). С. 10–11.

2022. Development of the digital economy. GSY of the People's Republic of China, China Institute of Information and Telecommunications Research. *China*. № 1(193). Pp. 10–11. (In Russ.)
5. Tuiolo Paul. The Future of China's Semiconductor Industry. *American Affairs*. Spring 2021. № 1. <http://americanaffairsjournal.org/2021/02/the-future-of-chinas-semiconductor-industry/> (accessed 01.03.2023)
6. Чжан Дунъян. 2017. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной сфере. *Власть*. Т. 26, № 9. С. 38.
Zhang Dongyang. The current situation in China's digital economy development and the prospects of Sino-Russian cooperation in this sphere. *Power*, 2017. Vol. 26, № 9. P. 38. (In Russ.)
7. Чэн Го. Цифровая экономика в 13-й и 14-й пятилетках КНР: последствия. *Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025)...* С. 204. DOI: 10.48647/ISSA.2022.88.11.015
Cheng Guo. 2022. Digital economy in China's 13-th & 14-th Five Year Plans: implications. *New horizons of the Chinese economy in the 14th five-year plan (2021–2025)...* P. 204. DOI: 10.48647/ISSA.2022.88.11.015
8. Яо Гуан. 2020. Новаторство – драйвер прогресса. *Kumai*, 2022. № 10 (200). С. 28–29.
Yang Guang. Innovation is a driver of progress. *China*. № 10(200). Pp. 28–29. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коледенкова Наталья Никитична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Natalia N. Koledenkova, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Socio-Economic Research of China, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 07.07.2023

Доработана после рецензирования
(Received) 20.09.2023

Принята к публикации (Accepted)
15.11.2023

Военно-политическая активность НАТО в Африке

© Корнев Е.С.^а, 2023

^а Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия
ORCID: 0000-0002-0299-6652; korenev.es@mail.ru

Резюме. Статья посвящена анализу реализации региональной стратегии Альянса в Африке после окончания холодной войны. Автор дает оценку вмешательству Организации Североатлантического договора в конфликты на континенте, в первую очередь в Ливии, а также проведению антипиратских миссий и рассматривает развитие партнерских отношений НАТО с африканскими странами в многостороннем и индивидуальном форматах. Отдельное внимание уделяется исследованию взаимодействия Альянса с государствами Сахельского региона, прежде всего, с Мавританией.

Африка в ближайшем будущем станет одним из тех регионов мира, на который НАТО будет проецировать свою военно-политическую мощь, пытаясь включить его в сферу своего геополитического влияния. Для реализации этой цели Альянс не только будет наращивать взаимодействие в области безопасности с различными региональными партнерами, но и стремиться к тому, чтобы ограничить сотрудничество России и Китая с африканскими государствами в военно-политической сфере.

Ключевые слова: НАТО, Африка, региональная безопасность, Франция, Сахельский регион, Мавритания, Египет, Алжир

Для цитирования: Корнев Е.С. (Саратов). Военно-политическая активность НАТО в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750029006-8

Military-Political Activity of NATO in Africa

© Evgeny S. Korenev^а, 2023

^а Saratov State University, Saratov, Russia
ORCID: 0000-0002-0299-6652; korenev.es@mail.ru

Abstract. The article analyzes the implementation of NATO's regional strategy in Africa after the end of the Cold War. The author evaluates the intervention of NATO in conflicts on the continent, primarily in Libya, as well as anti-piracy missions and considers the development of NATO's partnership with African countries in multilateral and individual formats.

Special attention is paid to the study of the Alliance's interaction with the states of the Sahel region, primarily Mauritania. It is concluded that Africa in the near future will be one of the world's regions on which NATO will project its military and political power, trying to include it in the sphere of its geopolitical influence. To realize this goal, the North Atlantic Alliance will not only increase security cooperation with various regional partners, but will also seek to limit the cooperation of Russia and China with African states in the military-political sphere.

Keywords: NATO, Africa, regional security, France, Sahel region, Mauritania, Egypt, Algeria

For citation: Korenev E.S. (Saratov). Military-Political Activity of NATO in Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 66–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029006-8

ВВЕДЕНИЕ

Еще в годы холодной войны Африка привлекала внимание отдельных государств – членов НАТО, что было связано с различными событиями и процессами, начиная от Суэцкого кризиса и деколонизации, заканчивая многочисленными гражданскими войнами и государственными переворотами. Однако африканская повестка дня всегда находилась на периферии интересов Альянса, что, во-первых, объяснялось логикой биполярного противостояния, в рамках которого для него существовали другие при-

оритетные направления деятельности, а, во-вторых, тем обстоятельством, что в Североатлантическом договоре четко зафиксирована географическая зона ответственности Организации, и Африка в неё не попадает, если не пытаться использовать какие-то расширительные толкования.

Ситуация стала меняться после окончания холодной войны, когда НАТО задумалась о своей роли в постбиполярном мире. Одним из направлений эволюции Североатлантического альянса стала глобализация его функций, которая подразумевала развитие партнерских связей за пределами зоны географической ответственности Организации. В этом смысле Африка не стала исключением.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПАРТНЕРСКИЕ ФОРМАТЫ НАТО В АФРИКЕ

Для укрепления позиций НАТО в Средиземноморье и развития тесных отношений с государствами региона в 1994 г. Североатлантический совет принял решение учредить такой партнерский механизм, как «Средиземноморский диалог» [1, с. 48]. В эту структуру были включены 5 африканских государств – Алжир, Египет, Мавритания, Марокко, Тунис, а также такие ближневосточные страны, как Израиль и Иордания. На протяжении уже почти 30 лет Альянс активно сотрудничает с партнерами по «Средиземноморскому диалогу», осуществляя проекты в области военного образования и проводя совместные учения преимущественно на море. Правда, в условиях беспрецедентного по масштабам за последние десятилетия обострения палестино-израильского конфликта НАТО будет довольно трудно обеспечивать в ближайшее время взаимодействие в рамках данного формата арабских государств и Израиля, хотя до этого в определенной степени это удавалось сделать.

Помимо развития практического сотрудничества в военной сфере со странами Северной Африки в последние десятилетия НАТО начиная с 2005 г. наладила взаимодействие с Африканским Союзом (АС) [2], в т.ч. в 2015 г. открыла свой офис связи в штаб-квартире этой организации в Аддис-Абебе. В последние годы проходят переговоры между представителями двух организаций на штабном уровне.

В целях укрепления влияния Альянса 7 июня 2023 г. делегация под руководством начальника Управления по безопасности на основе сотрудничества Международного военного штаба НАТО генерал-лейтенанта Франческо Дьеллы посетила Аддис-Абебу, где состоялся 8-й раунд переговоров на уровне штабов между Североатлантическим альянсом и Африканским Союзом. Стороны обсудили проблематику глобальной и региональной безопасности, перспективы сотрудничества между двумя организациями, включая возможности поддержки со стороны НАТО Африканских резервных сил, а также вопросы, связанные с реализацией проектов в области военного образования и проведением совместных учений¹. 9-й раунд военных переговоров на уровне штабов между НАТО и Афросоюзом состоится в мае–июне 2024 г.

На практике взаимодействие НАТО с АС в последние годы проявилось, например, в оказании ему Альянсом помощи в сфере транспорта и логистики при проведении миротворческой операции в суданском Дарфуре, а затем в Сомали.

В конце 2000-х гг., когда у побережья Сомали активизировались пираты, НАТО решила вмешаться в ситуацию для стабилизации обстановки в этом районе Индийского океана. В итоге в период с 2008 по 2016 г. НАТО провела несколько собственных операций в Аденском заливе для борьбы с пиратством («*Ocean Shield*», «*Allied Protector*», «*Allied Provider*»), в ходе которых взаимодействовала с ЕС, а одно время даже с РФ. Однако и после завершения основной фазы своих антипиратских миссий Альянс продолжает осуществлять мониторинг обстановки в Аденском заливе и укрепляет необходимую инфраструктуру партнеров в этом регионе. Такой интерес к району Африканского Рога объясняется не только опасениями по поводу возможной активизации пиратов, но и желанием вести постоянное наблюдение за действиями Китая, который имеет в Джибути собственную военную базу [3].

Пожалуй, самым ярким примером вмешательства Альянса в дела африканских государств стало проведение в 2011 г. в Ливии операции «Объединенный защитник», которая привела к свержению режима Муаммара Каддафи [4, с. 43]. Тогда только по официальным данным самой Организации авиация НАТО и партнеров совершила более 26 000 вылетов, в среднем по 120 вылетов в сутки. Около 42% всех вылетов были ударными, в результате них было повреждено или уничтожено около 6 тыс. воен-

¹ NATO delegation takes part in 8th round of military-to-military staff talks with the African Union. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_215492.htm?selectedLocale=en (accessed 09.07.2023)

ных объектов, принадлежавших ливийскому правительству². Естественно, Альянс и не думал заниматься реально вопросами постконфликтного урегулирования или хотя бы восстановлением разрушенной в ходе масштабных бомбардировок инфраструктуры [5].

При этом после окончания военной кампании НАТО продолжает на протяжении уже более 10 лет следить за развитием ситуации в этой стране. Турция стремится реализовать на ливийском направлении самостоятельные инициативы, которые порой идут вразрез с интересами некоторых других государств – членов Альянса [6, р. 43].

Это заставляет союзников находиться в постоянном контакте с Анкарой для согласования позиций по урегулированию кризиса в Ливии. Так, к примеру, 14 мая 2020 г., в самый разгар пандемии *COVID-19*, по инициативе турецкой стороны состоялся телефонный разговор генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, в ходе которого обсуждалась, в числе прочего, ливийская проблематика. Генсек Альянса отметил тогда, что позиция НАТО по Ливии остается последовательной и основывается на решениях, принятых на Брюссельском саммите 2018 г.³ Фактически это означало, что Североатлантический альянс будет готов оказать в будущем Ливии помощь в создании сектора обороны и безопасности, но с учетом собственных интересов. Причем, по официальной версии, НАТО должна была делать это в тесной координации с ООН и ЕС при соблюдении всеми сторонами эмбарго на поставки оружия.

На современном этапе, несмотря на то, что происходит определенная переориентация геополитических приоритетов в деятельности Альянса, Африка продолжает занимать важное место в стратегии Североатлантического альянса в рамках сформированной перспективной повестки дня «НАТО 2030». Согласно Заявлению по итогам встречи на высшем уровне, принятому на саммите НАТО в Брюсселе 14 июня 2021 г., Организация планирует укреплять свои позиции в разных регионах, включая Африку⁴.

Детальная оценка угроз Альянсу, исходящих с африканского направления, была дана в его новой Стратегической концепции, принятой на саммите в Мадриде 29 июня 2022 г.: «Конфликты, уязвимость и нестабильность в Африке и на Ближнем Востоке напрямую влияют на нашу безопасность и безопасность наших партнеров. Регионы к югу от НАТО, особенно регионы Ближнего Востока, Северной Африки и Сахеля, сталкиваются с взаимосвязанными вызовами в области безопасности, демографическими, экономическими и политическими вызовами. Эта ситуация создает благоприятную почву для распространения негосударственных вооруженных групп, включая террористические организации. Она также позволяет стратегическим конкурентам осуществлять вмешательство, направленное на дестабилизацию и принуждение»⁵.

Очевидно, что под стратегическими конкурентами в данном контексте понимаются Россия и Китай. Противодействие им на африканском направлении становится для НАТО чуть ли не более важной задачей, чем борьба с террористическими группировками в Северной Африке. Неслучайно, что в заявлении по итогам Вильнюсского саммита Альянса, состоявшегося в начале июля 2023 г., говорится о необходимости укрепления партнерской сети в Ближневосточном регионе и на Африканском континенте: «Ближний Восток и Африка являются регионами, представляющими стратегический интерес. Мы будем углублять наше политическое взаимодействие и общественную дипломатию с нашими давними партнерами по Средиземноморскому диалогу и Стамбульской инициативе сотрудничества»⁶.

Такой интерес со стороны Альянса к африканским государствам можно наблюдать уже сейчас, прежде всего, он проявляется в постоянных контактах, которые осуществляются с африканскими государствами по вопросам безопасности. Так, например, начиная с 2021 г., как минимум до того момента, пока в большинстве этих стран не произошли военные перевороты, повышенное внимание НАТО уделяла отношениям с «Сахельской группой пяти» (*G5 Sahel*), объединявшей Буркина Фасо, Мавританию, Мали, Нигер и Чад.

² NATO and Libya. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_71652.htm?selectedLocale=en (accessed 11.07.2023)

³ Генеральный секретарь НАТО обсудил с президентом Эрдоганом текущие вызовы безопасности. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_175793.htm?selectedLocale=ru (accessed 15.07.2023)

⁴ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (accessed 12.07.2023)

⁵ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed 11.07.2023)

⁶ См.: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=ru (accessed 16.07.2023)

Это связано в первую очередь с ухудшением обстановки в этом регионе [7, с. 41], что, в свою очередь, создает определенные угрозы для Альянса, о чем было заявлено на саммите НАТО в Брюсселе 14 июня 2021 г. в ходе обсуждения отношений с государствами Африки. Союзники тогда решили наращивать взаимодействие с различными партнерами, в частности, с международными и региональными организациями и наднациональными образованиями, такими как Африканский Союз, структуры *G5 Sahel*, Коалиция в интересах Сахеля, ООН и ЕС⁷.

РОЛЬ ФРАНЦИИ В АФРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ НАТО

Безусловно, в силу исторических связей с этим регионом, сохранившихся с колониальной эпохи, особую роль в диалоге со странами Сахеля по вопросам безопасности играет Франция [8, с. 65], которая не только работает в интересах Альянса, но всё чаще решает собственные геополитические задачи [9, с. 46]. При этом Париж делает это в последнее время не слишком успешно, о чем свидетельствуют многочисленные антифранцузские протесты в регионе и вынужденный вывод военных контингентов страны из Мали и Буркина Фасо по требованию местного руководства. Последним на данный момент звеном в этой цепи неудач Франции в Африке стал военный переворот в Нигере, после которого французское руководство решило прекратить свое военное присутствие в этой стране до конца 2023 г.

В этих условиях Альянс стремится взаимодействовать с государствами региона напрямую. Стоит отметить, что наиболее активное политическое и практическое сотрудничество в последние годы НАТО осуществляла с Мавританией, которая к тому же является участником «Средиземноморского диалога», и Мали, хотя, безусловно, военный переворот, произошедший в этой стране в 2021 г., внес коррективы в характер её взаимодействия с Альянсом.

9 июня 2021 г. в Люксембурге руководством Агентства НАТО по обеспечению и закупкам и представителями министерства обороны Франции было подписано Рамочное техническое соглашение об оказании услуг в Мали в поддержку оперативно-тактической группы «Такуба»⁸. Эта структура представляла собой военную оперативную группу в рамках операции «Бархан», состоявшую из военных нескольких европейских стран, которую возглавляла Франция. В её задачи входило оказание помощи и консультирование вооруженных сил Мали, ведущих борьбу с терроризмом в Сахельском регионе в координации с различными международными акторами, включая Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА).

В соответствии с соглашением Агентство НАТО по обеспечению и закупкам обязалось поддержать обустройство лагеря на востоке страны, рассчитанного на 500 человек. Предусмотренная текстом документа помощь предполагала поставку продовольствия и инженерно-техническое обслуживание инфраструктуры базы, поставку топлива, а также обеспечение работы воздушного и наземного транспорта в зоне проведения военной операции.

Вице-маршал авиации Лоран Марбёф, представитель минобороны Франции, отметил в ходе церемонии подписания соглашения, что впервые Франция в качестве лидера оперативно-тактической группы «Такуба» запросила аутсорсинговую поддержку. В то же время это Агентство НАТО также впервые поддержало коалицию, действующую не под эгидой НАТО. Такой шаг, с одной стороны, свидетельствовал о желании Парижа укрепить при помощи имеющихся в распоряжении Североатлантического альянса ресурсов тыловую инфраструктуру в ходе проведения операции в своей бывшей колонии, которая закончилась только в 2022 г.

Этот подход вполне соответствует логике французской политики на данном направлении, которая реализуется с 2013 г., когда началась военная операция Франции «Сервал». Фактически Париж уже был ориентирован на получение помощи от партнеров по ЕС как в ходе проведения собственных миссий в Мали, так и при организации коалиции из государств Сахельского региона [10].

С другой стороны, заключение такого соглашения могло говорить и о желании других государств – членов НАТО, прежде всего, США при помощи данного механизма установить определенный контроль над действиями Франции в регионе. Это объяснялось тем, что американцы в целом поддерживали действия Парижа в Мали, но в то же время не были заинтересованы в резком росте французского

⁷ См.: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (accessed 14.07.2023)

⁸ NSPA to support Takuba Task Force in Mali. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185374.htm (accessed 12.07.2023)

влияния в Сахельском регионе, что потенциально могло бы обернуться повышением субъектности Французской Республики на мировой арене. Именно поэтому американцы не бросились сразу же на помощь французам, когда у них стали возникать серьезные проблемы в Мали, Буркина Фасо и Нигере в последние два года.

СОТРУДНИЧЕСТВО НАТО С ОТДЕЛЬНЫМИ АФРИКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Начиная с 1995 г., когда Мавритания стала государством-партнером в рамках Средиземноморского диалога НАТО, Альянс делал ставку именно на неё при выстраивании своей политики в Сахельском регионе. В частности, Организация Североатлантического договора помогала стране в строительстве безопасных складов боеприпасов, а также в ликвидации устаревших образцов вооружения, реализовывала проекты в области военного образования. Кроме того, при поддержке НАТО в Мавритании были созданы 4 центра управления кризисными ситуациями и 2 подразделения гражданской защиты⁹.

В последние несколько лет сотрудничество сторон вышло на новый уровень. В июне 2021 г. гражданские и военные должностные лица НАТО посетили с визитом Мавританию, где провели переговоры с представителями руководства страны, в ходе которых обсудили мероприятия в области учебной подготовки военных кадров и модернизацию институтов национальной обороны и безопасности государства¹⁰. В частности, делегация Альянса встретила с министром иностранных дел, начальником штаба министерства обороны Мавритании, а также с представителями международного сообщества, включая членов Постоянного секретариата «Сахельской группы пяти».

Необходимо подчеркнуть, что этот визит стал продолжением контактов между сторонами после первого в истории посещения штаб-квартиры НАТО в Брюсселе в январе 2021 г. президентом Мавритании Мохамедом ульд Газвани. В ходе своего выступления по случаю приезда мавританского лидера генеральный секретарь Альянса Йенс Столтенберг определил задачи НАТО в регионе: «Я приветствую важный вклад Мавритании в региональную безопасность. Вы являетесь лидером группы *G5 Sahel*, и ваши силы находятся на передовой, борясь с терроризмом в регионе. Я рад сообщить, что мы договорились о расширенном диалоге по борьбе с терроризмом; этот диалог может привести к более тесному сотрудничеству между НАТО и Мавританией, в т.ч. по вопросам безопасности границ и противодействия самодельным взрывным устройствам»¹¹.

На саммите НАТО 2022 г. в Мадриде для страны-партнера был одобрен пакет мер по наращиванию военного потенциала. Эта инициатива по замыслу руководства Альянса поможет Мавритании осуществлять реагирование на различные вызовы региональной безопасности и укрепит потенциал подразделений мавританских миротворцев, чтобы они эффективнее участвовали в миротворческих операциях ООН¹².

В настоящее время сотрудничество Альянса с Мавританией продолжается по широкому кругу вопросов и в различных форматах. В частности, 26 июня 2023 г. штаб-квартиру НАТО в Брюсселе посетил начальник Объединенной военной академии Мавритании генерал Дах Сиди Мохаммед эль-Агеб. В ходе визита он провел ряд встреч с представителями Международного секретариата и Международного военного штаба НАТО, с которыми обсудил актуальные проблемы Сахельского региона и перспективы сотрудничества Альянса и Мавритании¹³.

Альянс продолжает активно работать и на других направлениях в Африке, укрепляя отношения с различными странами. 12 июля 2021 г. в штаб-квартире НАТО генеральный секретарь НАТО Столтенберг провел переговоры с министром иностранных дел Египта Самехом Шукри. Генсек Альянса заявил, что Каир продолжает оставаться одним из ключевых региональных партнеров для Брюсселя¹⁴.

⁹ NATO strengthens its partnership with Mauritania. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185516.htm?selectedLocale=en (accessed 12.07.2023)

¹⁰ Ibidem.

¹¹ NATO Secretary General: Mauritania is a committed partner. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180670.htm?selectedLocale=en (accessed 14.07.2023)

¹² NATO and Mauritania strengthen cooperation https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_216763.htm?selectedLocale=en (accessed 14.07.2023)

¹³ Ibidem.

¹⁴ NATO Secretary General discusses Cooperation with the Foreign Minister of Egypt. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185779.htm (accessed 14.07.2023)

Он также приветствовал обновление Египтом Индивидуальной программы партнерства и сотрудничества с НАТО, которая является основным инструментом для взаимодействия Организации Североатлантического договора с государствами, входящими в состав «Средиземноморского диалога».

Контакты военных представителей Альянса и Египта также происходят регулярно. Например, с 14 по 17 мая 2023 г. делегация Управления по безопасности на основе сотрудничества Международного военного штаба НАТО под руководством его начальника генерал-лейтенанта Франческо Дьеллы посетила египетскую столицу, где провела серию встреч с высокопоставленными дипломатами и военными. В ходе переговоров обсуждались возможности для совместного противодействия терроризму в Северной Африке и повышения уровня оперативной совместимости армии Египта с вооруженными силами государств – членов Альянса¹⁵.

Взаимодействие по ряду вопросов НАТО осуществляет и с другим своим партнером по «Средиземноморскому диалогу» – Алжиром. 17–19 января 2022 г. заместитель помощника генерального секретаря НАТО по политическим вопросам и политике безопасности Хавьер Коломина посетил с официальным визитом Алжир. Он провел переговоры с высокопоставленными алжирскими должностными лицами, обсудив актуальные региональные вопросы безопасности и основные направления сотрудничества Алжира с Североатлантическим альянсом, а также выступил с речью в Национальном институте стратегических глобальных исследований. В беседе с представителями МИД и минобороны Алжира Х.Коломина отметил ключевую роль страны в геополитических процессах в Северной Африке и Сахельском регионе, а также её вклад в обеспечение стабильности на континенте, в т.ч. путем активной борьбы с терроризмом¹⁶.

Очевидно, что подобный визит может свидетельствовать о наличии у НАТО предметного интереса к развитию сотрудничества с североафриканским партнером не только для совместной борьбы с новыми вызовами и угрозами в Средиземноморском регионе, но и для его подключения к реализации плана действий Альянса в Сахеле.

В последние годы НАТО демонстрирует интерес к развитию отношений с государствами Западной Африки, прежде всего, с Ганой. 6 сентября 2021 г. в штаб-квартире Альянса заместитель генерального секретаря НАТО Мирча Джоанэ провел встречу с министром обороны Ганы Домиником Нитивулом¹⁷. В ходе переговоров стороны обсудили потенциальные возможности для сотрудничества и обменялись мнениями о текущих вызовах безопасности. Был отмечен позитивный опыт взаимодействия в период пандемии *COVID-19*, поскольку Евроатлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы оказывал содействие поставке и развертыванию полевого госпиталя в Аккре, профинансированному Великобританией. Кстати, при помощи данного механизма Альянсом была оказана помощь и другим африканским странам.

После начала специальной военной операции РФ на Украине Североатлантический альянс стал уделять особое внимание тому, чтобы ограничить возможности России в области военно-технического сотрудничества со странами Африки, а также осложнить взаимодействие Москвы с партнерами на континенте в области безопасности. Помимо всего прочего, США настойчиво рекомендовали целому ряду африканских государств поддержать антироссийские резолюции на Генеральной Ассамблее ООН [11].

При этом американцы и их союзники по НАТО, прежде всего Франция, всеми силами стараются дискредитировать политику РФ в Африке, что отчетливо видно на примере организации информационной кампании вокруг якобы имеющего место вмешательство России во внутренние дела Буркина Фасо, Мали и ЦАР¹⁸. Однако стоит констатировать, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые отдельными государствами – членами Североатлантического альянса, кардинального пересмотра отношений африканских стран с РФ пока не произошло. Свидетельством этого является довольно успешное прове-

¹⁵ NATO Military Delegation visits Partner Egypt. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214759.htm?selectedLocale=en (accessed 14.07.2023)

¹⁶ Senior NATO Official visits Algeria to discuss Current and Future Cooperation. https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_191043.htm?selectedLocale=en (accessed 14.07.2023)

¹⁷ Deputy Secretary General welcomes Ghanaian Defence Minister at NATO Headquarters. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_186297.htm?selectedLocale=en (accessed 14.07.2023)

¹⁸ США пытаются сорвать саммит Россия-Африка. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ssha-pytayutsya-sorvat-sammit-rossiya-afrika/> (accessed 17.07.2023)

дение второго саммита Россия – Африка в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге, который посетили представители практически всех государств континента (подробнее см.: [12]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в последние десятилетия Североатлантический альянс стал проявлять особое внимание к геополитическим процессам, происходящим в Африке. Очевидно, что на фоне принятых на последних саммитах НАТО решений о развитии отношений со странами Латинской Америки, Африки и Азии эта политика продолжится в ближайшем будущем. Это объясняется целым рядом факторов.

Во-первых, по сути, действуя в духе американской концепции «государств-изгоев», Альянс прямо или косвенно принимал участие в борьбе с неудобными политическими режимами (режимы Омара аль-Башира в Судане и Муаммара Каддафи в Ливии) и создавал условия для ограничения военно-политической активности недружественных стран. Фактически устранение подобных барьеров открывает дорогу к реализации государствами – членами НАТО целого ряда инициатив в духе неокOLONIALИЗМА.

Во-вторых, НАТО заинтересована в минимизации угроз, исходящих от Африканского континента, в первую очередь таких, как незаконная миграция, пиратство и терроризм.

В-третьих, глобализация функций Альянса приводит к тому, что он пытается усилить свое геополитическое присутствие в различных регионах, в т.ч. и в Африке.

Очевидно, что Африка не будет приоритетным направлением для НАТО в ближайшем будущем, но при этом Брюссель будет стремиться к усилению своих позиций в регионе. Безусловно, Организация Североатлантического договора будет наблюдать за поведением России и Китая на континенте.

Беспокойство Брюсселя вызывает тот факт, что Москва осуществляет активное военно-техническое сотрудничество с целым рядом африканских государств (Алжир, Ангола, Египет, Судан, ЦАР и др.) и зачастую оказывает им важную консультативную помощь по вопросам безопасности, о чем свидетельствует, например, направление группы военных советников в ЦАР. Кроме того, в настоящий момент, несмотря на различные трудности, Россия фактически ведет работу над созданием своей военной базы в Судане, функции которой должен выполнить пункт материально-технического обеспечения ВМФ РФ на Красном море. Понятно, что дестабилизация обстановки в этой стране и вспыхнувший конфликт между армией и Силами быстрого реагирования выгодны США и их союзникам по НАТО, поскольку подобное развитие событий делает практически невозможным в настоящий момент строительство в стране такого важного российского военного объекта.

В свою очередь, Китай также расширяет свое присутствие на африканском рынке вооружений и уже имеет военно-морскую базу в Джибути на берегу Красного моря. Кроме того, учитывая серьезные провокации, которые устраивают США в районе Тайваня, не исключено, что КНР попытается ответить на это повышением своей военной активности в различных регионах мира, включая Африку, где в дальнейшем могут появиться новые китайские объекты.

В связи с этим можно прогнозировать в среднесрочной перспективе активизацию сотрудничества Альянса в сфере безопасности с африканскими государствами, включая проведение совместных учений, прежде всего, морских. Помимо этого, НАТО будет пытаться включить новые страны Африки в свою партнерскую сеть, чтобы усилить свои позиции на западном фланге искусственно формируемого пространства Индо-Тихоокеанского региона и предотвратить возрастание влияния России и Китая на региональные процессы, поскольку именно эти страны Брюссель в ближайшее десятилетие будет рассматривать в качестве своих основных геополитических конкурентов на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кукарцева М.А., Тимакова О.А. Средиземноморье и партнерские программы НАТО. Ч. 2. Евро-атлантический жребий средиземноморского мира. *Обозреватель-Observer*. 2016, № 8, с. 48–56.
Kukartseva M.A., Timakova O.A. 2016. The Mediterranean and NATO's partnership programs. Part 2. The Euro-Atlantic Fate of the Mediterranean World. *Observer*, № 8, pp. 48–56. (In Russ.)
2. Prashad V. The Rise of NATO in Africa. <https://www.counterpunch.org/2022/05/27/the-rise-of-nato-in-africa/> (accessed 17.07.2023)

3. Богуславский А. Зачем Китаю тыл в Джибути? <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-kitayu-tyl-v-dzhibuti/> (accessed 15.07.2023)
Boguslavsky A. Why does China need a rear in Djibouti? (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-kitayu-tyl-v-dzhibuti/> (accessed 15.07.2023)
4. Мамлук Ф. Ливия и Африка. От чадского конфликта до «арабской весны». *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 8. С. 38–43.
Mamluk F. Libya and Africa. From Chad's Conflict to the "Arab Spring". *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 38–43. (In Russ.)
5. Dyke J. NATO Killed Civilians in Libya. It's Time to Admit It. <https://foreignpolicy.com/2021/03/20/nato-killed-civilians-in-libya-its-time-to-admit-it/> (accessed 15.07.2023)
6. Telci I.N. Turkey's Libya Policy: Achievements and Challenges. *Insight Turkey*. 2020, Vol. 22, № 4, pp. 41–54. DOI: 10.25253/99.2020224.03
7. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750020974-3
Filippov V.R. 2022. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020974-3
8. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6
Filippov V.R. 2023. African Policy of France in 2017–2023. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025686-6
9. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Filippov V.R. 2022. Operation Barkhan: an inglorious end? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8
10. Чихачев А. Региональные приоритеты внешней политики Франции: Сахель. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/la-france-du-macron/regionalnye-prioritety-vneshney-politiki-frantsii-sakhel/> (accessed 14.07.2023)
Chikhachev A. Regional Priorities of France's Foreign Policy: the Sahel. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/la-france-du-macron/regionalnye-prioritety-vneshney-politiki-frantsii-sakhel/> (accessed 14.07.2023)
11. Куликов В. США давят на страны Африки, чтобы оторвать их от России. <https://journal-neo.org/ru/2022/05/28/ssha-davyat-na-strany-afriki-chtoby-otorvat-ih-ot-rossii/> (accessed 11.07.2023)
Kulikov V. The US is pressing on African countries to tear them away from Russia. (In Russ.). <https://journal-neo.org/ru/2022/05/28/ssha-davyat-na-strany-afriki-chtoby-otorvat-ih-ot-rossii/> (accessed 11.07.2023)
12. Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Итоги председательства ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 23–31. DOI: 10.31857/S032150750028609-1
Voronina N.A., Zelenova D.A., SA BRICS Chairmanship: from Emerging Partnership to a New World Order. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 23–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028609-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коренев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; эксперт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

Evgeny S. Korenev, PhD (History), Associate Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University, Saratov, Russia; expert, Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 17.11.2023

Энергетическое сотрудничество на Африканском континенте

© Серегина А.А.^а, 2023

^аДипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2090-4061; a.seregina@dipacademy.ru

Резюме. В рамках настоящего исследования Африканский регион рассматривается в качестве одной из наиболее перспективных площадок для развития многосторонней кооперации. Среди причин возрастающего интереса различных государств к данному региону можно отнести, прежде всего: наличие значительной ресурсной базы углеводородов, потенциал развития ВИЭ, человеческий капитал, в целом – видение континента как опорного пункта для решения геостратегических задач.

Санкционный контекст открывает новые горизонты для сотрудничества в формате «Россия – Африка». Автором были выделены ключевые перспективные направления российско-африканского сотрудничества в сфере энергетики, среди которых: разработка совместных образовательных программ и подготовка кадров, обеспечение устойчивости и безопасности национальных энергетических систем, создание региональных интеграционных энергетических систем.

Ключевые слова: кооперационный потенциал, энергетическое сотрудничество, диверсификация экспорта, Россия, Африка, энергетическая политика, российско-африканское сотрудничество

Для цитирования: Сeregina A.A. Энергетическое сотрудничество на Африканском континенте. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 74–81. DOI: 10.31857/S032150750029000-2

Energy Cooperation on the African Continent

© Antonina A. Seregina^а, 2023

^а Diplomatic Academy, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2090-4061; a.seregina@dipacademy.ru

Abstract: This article studies the African region as one of the most promising areas for the development of multilateral cooperation. Among the reasons for the growing interest of both Russia and other international players in this region are a significant resource base of hydrocarbons, the potential for the development of renewable energy sources, human capital, the vision of the continent as a stronghold for solving geostrategic problems, etc.

The sanctions context opens up new horizons for cooperation in the Russia – Africa format. The author identified key promising areas of Russian-African cooperation in the energy sector, including: the development of joint educational programs and training, ensuring the stability and security of national energy systems, and the creation of regional integration energy systems.

Keywords: cooperation, cooperation in the energy sector, export diversification, Russia, Africa, energy policy, Russian-African cooperation

For citation: Seregina A.A. Energy Cooperation on the African Continent. *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 74–81. (in Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029000-2

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г., одной из центральных задач внешнеполитического курса страны является «содействие устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе»¹. Прикладным решением поставленной цели является укрепление взаимодействия с уже существующими партнерами, с одной стороны, и поиск новых направлений для сотрудничества – с другой [1].

¹ См.: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 26.06.2023)

Национальная политика, направленная на укрепление взаимодействия в энергетическом секторе, в настоящее время преимущественно предполагает реализацию отдельных проектов по диверсификации экспорта энергоресурсов, что в условиях вводимых санкционных ограничений позволило в кратчайшие сроки успешно перенаправить значительные объемы поставок с западных рынков на Восток [1], доказав таким образом свою состоятельность и эффективность в качестве механизма краткосрочного действия.

В долгосрочной перспективе инфраструктурно-промышленная и технологическая сферы, кооперация в сфере поставок решений «под ключ» и дальнейшее их обслуживание (экспорт энергобезопасности), подготовка квалифицированных кадров могут стать основой сопряжения африканских потребностей и российского технологического потенциала и накопленного опыта решения поставленных задач [2].

Выстраивание нового типа двустороннего/многостороннего взаимодействия – кооперации – предполагает равноценный вклад участников в виде уникальных компетенций и/или ресурсов. Автор полагает, что кооперационное взаимодействие является необходимой скрепой для перехода к сотрудничеству как наиболее устойчивой и долгосрочной форме межгосударственных отношений, конечной целью которого является создание добавленной стоимости для целей развития, в т.ч. в смежных с энергетикой отраслях.

В статье предпринята попытка исследования Африканского региона как одного из наиболее перспективных направлений для развития многосторонней кооперации [3].

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Ряд стран евроатлантического сообщества и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) также проявляет заметный интерес к региону [4]. Крайне актуальным становится вопрос: чем продиктован возрастающий тренд на расширение присутствия ведущих стран мира на Африканском континенте?

1. *Значительная ресурсная база*, включающая как ископаемые и возобновляемые виды энергетических ресурсов, так и критические металлы, необходимые для осуществления энергоперехода в мировом масштабе.

В общей сложности на континенте имеется 7,2% мировых запасов нефти, 6,9% – газа, 1,3% – угля², более 50% – кобальта, крупнейшие запасы фосфатов – 73%³. По оценкам экспертов, в Африке сосредоточено порядка 60% глобального потенциала солнечной энергии⁴.

Отдельно стоит выделить производство зеленого водорода на Африканском континенте, экспорт которого может стать важной составляющей энергодиалога со странами ЕС ввиду включения последнего в качестве базового источника энергии для достижения углеродной нейтральности.

В пользу серьезности намерений развития данного направления свидетельствует создание в 2022 г. Африканского альянса зеленого водорода, в который вошли Кения, Южная Африка, Намибия, Египет, Марокко и Мавритания. Более того, часть стран (Тунис, Мавритания, Камерун, Намибия, ЮАР) включила водород в свои ОНУВ (определяемые на национальном уровне вклады), около трети (Марокко, Алжир, Мали, Нигер, Гвинея, Гана, Кот-д’Ивуар, Нигерия, Танзания, Кения, Уганда, Эфиопия, Египет) принимают участие в проектах по производству водорода [5].

Таким образом, значительная ресурсная база формирует одну из статей экспорта в страны Запада, что отвечает интересам последних в условиях разрыва цепочек поставок углеводородного сырья из России. В октябре 2022 г. уже подписаны меморандумы о взаимопонимании по проекту строительства подводного газопровода Нигерия – Марокко, который, помимо обеспечения поставок газа в страны Западной Африки, станет экспортным альтернативным «маршрутом» в Европу⁵.

² <https://bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed 23.06.2023)

³ Security of Supply for Critical Raw Materials Vulnerabilities and Areas for G7 Coordination. <https://bundesregierung.de/resource/blob/974430/2059152/913f41a5d52c8aa68b1bb0e03176879d/2022-07-01-security-of-supply-for-critical-raw-materials-data.pdf?download=1> (accessed 23.06.2023)

⁴ <https://www.statista.com/chart/27722/practical-potential-solar-energy-output-by-global-region/> (accessed 04.07.2023)

⁵ <https://tass.ru/ekonomika/16067727> (accessed 05.07.2023)

2. *Человеческий капитал.* По оценкам экспертов, к 2030 г. численность населения в Африке достигнет 1,7 млрд человек (1,4 млрд в 2023 г.)⁶. Таким образом, предстоящий демографический бум наряду с формированием благоприятной для жизни среды может привести к появлению глобально значимых потребительских рынков в формате «бизнес для бизнеса»⁷.

С другой стороны, прогнозируемый рост численности населения на континенте для экономически развитых международных игроков создает источник трудовой миграции. Для ЕС, учитывая необходимость перераспределения выпадающих доходов и связанных расходов на население через налоговую систему и бюджет, дешевле принять и адаптировать взрослого мигранта, чем обеспечить рождение и взросление ребенка внутри ЕС [6].

К примеру, в мае 2023 г. уровень безработицы в ЮАР (наиболее развитой с промышленной точки зрения страны континента) был 32,9%. Отдельно отмечается, что уровень безработицы среди молодежи (лица от 15 до 34 лет), составляющей более половины трудоспособного населения страны, равен 46,5%⁸.

3. *Институциональная поддержка.* В ходе принятия Генеральной Ассамблеей ООН в рамках специальной сессии резолюции с осуждением специальной военной операции России на Украине 25 африканских государств воздержались от голосования либо его пропустили. Более того, некоторые страны, изначально занявшие достаточно жесткую позицию, впоследствии ее смягчили: например, ЮАР возложила вину за конфликт на действия НАТО⁹.

4. *Решение геостратегических задач.* Одним из результатов китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), предусматривающей реализацию двух крупных проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века», предполагающих, в частности, развитие не только сухопутного и морского инфраструктурных коридоров, стал приток капитала в такие порты, как Джibuти, Уолфиш-Бей (Намибия), Гвадар (Пакистан), Хамбантога (Шри-Ланка), Пирей (Греция), и как следствие – размещение там кораблей [7].

Среди ключевых внешних игроков, активно вступивших в «борьбу» (оправданность использования данного термина подтверждается заявлением президента Франции Э.Макрона в ходе визита в Африку, одной из главных целей которого он назвал «противодействие российской экспансии на континенте»¹⁰) за африканские рынки, можно выделить Францию, Великобританию, США и Китай. Только в части объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Африку по состоянию на 2018 г. лидируют Франция (\$53 млрд), Великобритания (\$49 млрд), США (\$48 млрд) и Китай (\$46 млрд)¹¹.

ФРАНЦИЯ

Колониальное наследие способствовало масштабной реализации французскими компаниями нефтегазовых проектов на Африканском континенте. *TotalEnergies* оперирует в Африке на протяжении 90 лет, географический охват компании включает как страны с долгой историей нефтедобычи (Нигерия (в основном на шельфе, месторождения: *Akpo, Egina, Usan, Ikike*) и Ангола), так и те страны, где месторождения были обнаружены сравнительно недавно (Кения, Уганда, Гвинея и Мавритания). Несмотря на продвижение на континенте зеленой энергетики, по состоянию на 2019 г. основной отраслью, обеспечивающей приток инвестиций со стороны французских компаний, всё же является добыча нефти и газа – \$24,7 млрд¹².

Французская энергетическая и газовая компания *Engie* ведет деятельность в Марокко, Южной Африке и Сенегале; электрогенерирующая компания *EDF* уже более 60 лет работает в Африке и реализует проекты, связанные преимущественно с введением в эксплуатацию объектов электрогенерации.

⁶ <https://www.worldometers.info/world-population/africa-population/> (accessed 20.06.2023)

⁷ <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/528003068.pdf> (accessed 29.06.2023)

⁸ <https://www.reuters.com/world/africa/south-africas-unemployment-rate-rises-329-q1-2023-05-16/> (accessed 28.06.2023)

⁹ Страны Африки не присоединились к санкциям против России. Почему они поддержали Москву? *Lenta.ru*. https://lenta.ru/articles/2022/08/26/africa_russia/ (accessed 25.06.2023)

¹⁰ <https://www.kommersant.ru/doc/5481758> (accessed 26.06.2023)

¹¹ <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/528003068.pdf> (accessed 25.06.2023)

¹² http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1640347347&Country=Cameroon&topic=Economy_1 (accessed 25.06.2023)

Президент Франции Э.Макрон заявил о планирующейся «соиндустриализации» французской и африканских экономик – создании совместных малых и средних предприятий. В качестве нового приоритета было выделено участие Франции в построении логистических коридоров между Севером и Югом в рамках инициативы ЕС «Глобальные ворота». Тем не менее, по данным опросов, около 60% респондентов пессимистически оценивают будущее французско-африканских отношений¹³, прежде всего, вследствие колониального «шлейфа» и ослабления позиций Франции в ряде ниш (безопасность, агропромышленный сектор, цифровизация и др.) на Африканском континенте.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Экономический потенциал африканских стран привлекает и Великобританию, нацеленную на поиск перспективных рынков и торговых партнеров на фоне ослабления торгово-экономического взаимодействия с Брюсселем. В настоящее время 19 стран Африки входят в Содружество наций¹⁴.

В целях наращивания присутствия на континенте Великобритания принимает участие в реализации многосторонних программ развития. К примеру, можно выделить создание в 2021 г. Партнерства по справедливому энергопереходу между Францией, Германией, Великобританией, США, ЕС и ЮАР для придания устойчивости экономике последней в условиях декарбонизации энергетической системы¹⁵. Собранные в рамках Партнерства средства планируется направить на расширение сферы ВИЭ, поддержку реформ для повышения экологичности экономики, развитие технологий «чистой» энергетики, включая «зеленый» водород и электротранспорт¹⁶.

Страна также использует различные механизмы финансирования, в т.ч. через Африканский фонд возобновляемой энергии, Африканский фонд возобновляемой энергии-II и др.

Среди британских компаний, активно действующих в Африке, можно выделить: *Tullow Oil* (Кот-д'Ивуар, Габон, Кения, Гана, Уганда, Нигерия), *BP* (Египет, Ангола, Алжир).

Несмотря на набирающие обороты капиталовложения в проекты зеленой энергетики, более 90% контрактов, заключенных на ключевом с точки зрения установления более тесного взаимодействия инвестиционном саммите «Великобритания – Африка», были связаны с проектами добычи ископаемых источников энергии¹⁷.

Влияние Франция и Великобритании, несмотря на спад доли стран G7 в торговом обороте с 35% до 25%¹⁸, остается системно значимым на континенте с точки зрения отраслевых стандартов, законодательства, поскольку многие требования к товарной спецификации, правила госзакупок были прописаны в колониальные времена и продолжают действовать сегодня¹⁹.

США

Продвижение интересов США на Африканском континенте не всегда было поступательным, поскольку роль последнего в американском внешнеполитическом курсе во многом зависела от действующей администрации президента.

США намерены развивать отношения как с крупнейшими странами континента (Нигерией, ЮАР), так и с малыми и средними странами, а также с многосторонними организациями, в первую очередь с Африканским Союзом²⁰.

¹³ Voyage d'Emmanuel Macron en Afrique: les Français sceptiques. *Le Figaro*. https://www.lefigaro.fr/international/voyage-d-emmanuel-macron-en-afrique-les-francais-sceptiques-20230302?utm_source=app&utm_medium=sms&utm_campaign=fr.playsoft. lefigarov3 (accessed 03.07.2023)

¹⁴ <https://climate.thecommonwealth.org/our-member-countries> (accessed 20.06.2023)

¹⁵ https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_5768 (accessed 05.07.2023)

¹⁶ UK Climate Change Conference UK 2021. <https://ukcop26.org/six-month-update-on-progress-in-advancing-the-just-energy-transition-partnership-jetp/> (accessed 26.06.2023)

¹⁷ <https://www.theguardian.com/environment/2020/jan/24/90-pe-cent-uk-africa-energy-deals-fossil-fuels> (accessed 30.06.2023)

¹⁸ <https://ons.gov.uk/businessindustryandtrade/internationaltrade/articles/recenttrendsintheinternationaltradeflowsofg7economy-mies/2022-10-10> (accessed 30.06.2023)

¹⁹ <https://we.hse.ru/irs/cas/news/825335731.html> (accessed 30.06.2023)

²⁰ <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 30.06.2023)

В целях расширения экономико-энергетического сотрудничества со странами Африки, правительство США в 2019 г. запустило программу «Развитие благосостояния Африки» (*Prosper Africa*)²¹, направленную на поддержку американских инвестиций в регионе. При Администрации Дж.Байдена программа была обновлена и расширена. Основной акцент сделан на увеличении объемов торговли и инвестиций в такие приоритетные сферы, как инфраструктурное строительство, энергетика, меры по борьбе с изменением климата, здравоохранение, а также на поддержку малых и средних предприятий. В рамках программы планируется развивать торгово-экономическое сотрудничество не только на двусторонней основе, но и усилить взаимодействие с Африканским Союзом и в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли²².

В контексте продвижения своих энергетических интересов в Африке США разработали программу «Развитие энергетики в Африке», которая была запущена в 2013 г. Цель инициативы заключается в повышении к 2030 г. уровня электрификации Южнее Сахары путем увеличения мощностей более чем на 30 тыс. МВт. Это позволит электрифицировать 60 млн домов и предприятий. При этом акцент делается на энергосбережении и возобновляемых источниках энергии, которыми в избытке наделен континент. К инициативе присоединились более 170 компаний, общий объем инвестиций составил более \$40 млрд²³.

Ключевые американские компании-операторы на Африканском энергетическом рынке: *Marathon Oil* (преимущественно Экваториальная Гвинея), *Chevron* (Египет, Бенин, Экваториальная Гвинея, Гана, Того, Камерун, Республика Конго, Нигерия), *VAALCO Energy* (преимущественно Габон и Экваториальная Гвинея), *ExxonMobil* (Мозамбик, Ангола, Египет, Сан-Томе и Принсипи, Танзания, Чад), *General Electric* (Гана, Нигерия, Танзания, Южная Африка, Эфиопия, Ангола, Кения, Мозамбик), *Fortesa* (преимущественно Сенегал) и др.

Помимо сотрудничества по линии государства и частных компаний, научные центры США оказывают технологическую поддержку Африке в области энергетики, выработки стандартов, обеспечения устойчивого развития нефтегазовой отрасли. С этой целью в 2022 г. между Африканским экспортно-импортным банком и Экспортно-импортным банком США подписан Меморандум о взаимопонимании на \$500 млн. Соглашение предусматривает расширение американских капиталовложений, в т.ч. в энергетическую инфраструктуру Африки.

КИТАЙ

Китай начал внедрять различные форматы взаимодействия со странами Африки еще в начале 2000-х гг. (снятие таможенных тарифов, функционирование межправительственных комиссий и др.). Позднее характер взаимодействия был изменен в пользу многосторонних инициатив, таких как «Один пояс – один путь».

Отметим, что, в отличие от стран Запада, китайская модель сотрудничества заключается в реализации конкретных проектов, под которые выделяется финансирование (прежде всего, прямые инвестиции). По данным *Boston University Global Development Policy Center*, с 2000 по 2020 г. общая сумма предоставленных Китаем кредитов на развитие африканских инфраструктурных проектов, проектов в сфере добычи полезных ископаемых и т.д., составила порядка \$160 млрд.

Смена акцентов в работе китайских компаний в Африке с нефтегазовой темы на тему ВИЭ, прежде всего, в сфере гидроэнергетики (крупнейшие проекты: *Vui* (Гана), *Zungeru* (Нигерия), *Merowe* (Судан) и др.).

Наиболее емко политику Китая на Африканском континенте отражают положения, закрепленные в принятом по итогам восьмой министерской конференции Форума сотрудничества Китай – Африка, документе «Видение сотрудничества между Китаем и Африкой на период до 2035 г.». Пекин заявляет о своем намерении расширить взаимодействие по проектам в рамках инициативы ОПОП, укрепить торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, в т.ч. благодаря участию Китая в развитии Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA).

Изучив стратегии продвижения интересов крупнейших, прежде всего, по объемам инвестиций, международных игроков, целесообразно сформировать опорные точки для более тесной кооперации России со

²¹ Prosper Africa. <https://www.prosperafrica.gov/about/> (accessed 26.06.2023)

²² <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6455/text> (accessed 01.07.2023)

²³ <https://www.usaid.gov/powerafrica/privatesector> (accessed 02.07.2023)

странами Африканского региона. Стоит также отметить, в описанных выше стратегиях взаимодействие происходит преимущественно в форме получения кредитов / иных типов долгового финансирования.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Разделяя принципы концепции многополярного мироустройства, Россия продолжает оказывать многостороннюю поддержку странам Африканского региона в целях раскрытия потенциала обеих сторон. В ходе саммита «Россия – Африка 2023», Москва сообщила о списании долгов на сумму \$23 млрд²⁴.

Со стороны Африканского континента также прослеживается заинтересованность в укреплении диалога с Россией, несмотря на оказываемое давление²⁵: 49 из 54 стран Африки приняли участие в саммите, 17 из них были представлены на высшем уровне²⁶.

Формирующаяся политическая субъектность Африканского региона выражается в потребности самостоятельного поиска пути решения сложившихся проблем, при этом, ввиду фундаментальности предстоящих реформ и отсутствия опыта их реализации, к разработке отдельных стратегий приглашаются сторонние участники, обладающие соответствующими компетенциями, а именно – Россия.

В энергетической сфере разработку соответствующих концепций долгосрочного и устойчивого развития, целесообразно проводить с опорой на следующие факторы:

1. Реализация совместных образовательных инициатив

1.1. Разработка образовательных программ/платформ

По словам директора Института Африки РАН И.О.Абрамовой, «важнейшими сферами российско-африканского сотрудничества на ближайшую перспективу становятся здравоохранение, обеспечение продовольственной безопасности, инфраструктурные проекты, включая цифровизацию, образование и наука» [8]. Уже сейчас значительный аналитический вклад в сотрудничество России и ЮАР в области энергетики вносит работа Платформы энергетических исследований БРИКС²⁷. Привлечение экспертов из других африканских государств усилит ценность результатов уже проводимых исследований, а также позволит начать развивать принципиально новые направления.

1.2. Подготовка кадрового потенциала

Необходимо отметить, что в перспективе до 2050 г. Африка будет представлять стремительно растущий рынок образования, в т.ч. в области технических и инженерных специальностей²⁸. В этой связи целесообразным является организация научно-технологических и студенческих программ обмена на государственном уровне, а также активное участие крупного российского бизнеса в предоставлении стипендий на получение образования в российских ВУЗах студентам из стран Африки.

На 2023/24 уч. г. квота (за счет Российской Федерации) на африканских студентов в вузах РФ увеличена более чем в 2 раза в сравнении с 2022/23 уч. г. – с 2,3 тыс. до 4,7 тыс. мест²⁹. В планах также открытие филиалов российских вузов – Санкт-Петербургского государственного и Казанского Приволжского федерального университетов – в Египте³⁰.

2. Поддержание устойчивости национальных энергетических систем

В последнее время намечается тенденция отказа европейских и американских компаний от участия в нефтегазовых проектах (*ExxonMobil* вышла из проекта по добыче нефти на шельфе Ганы, *Shell* – из нефтяных проектов в Нигерии³¹). Китайские компании также сократили присутствие в нефтегазовом секторе в пользу расширения присутствия в области электроэнергетики и ВИЭ, что было отражено в Китайско-африканской декларации по климату³².

²⁴ См.: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/07/28/987369-rossiya-spisala-stranam-afriki-dolgi> (accessed 30.07.2023)

²⁵ <https://ria.ru/20230209/sammit-1850977898.html> (accessed 30.07.2023)

²⁶ См.: <https://lenta.ru/news/2023/07/28/rusafrique/> (accessed 30.07.2023)

²⁷ См.: http://rosenergo.gov.ru/cur_news/2022-06-21/767/ (accessed 03.07.2023)

²⁸ <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (accessed 04.07.2023)

²⁹ См.: <https://iz.ru/1421585/2022-11-07/kvotu-na-obuchenie-afrikanskikh-studentov-v-rf-uvlechili-vdvoe> (accessed 04.07.2023)

³⁰ <https://ria.ru/20230727/university-1886698860.html> (accessed 28.07.2023)

³¹ См. <https://scientificrussia.ru/articles/kontinent-xxi-veka-clen-korrespondent-ran-irina-abramova-o-naucno-tehnologiceskom-sotrudnicestve-s-afrikoj> (accessed 09.07.2023)

³² См.: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202112/t20211203_10461772.html#:~:text=We%20decide%20to%20establish%20a,Africa%20and%20other%20developing%20countries. (accessed 09.07.2023)

Согласно оценкам международных экспертов, повышение мобильности растущего населения Африки станет одним из основных факторов увеличения объемов конечного потребления энергии³³.

Природный газ мог бы также частично покрыть увеличивающиеся потребности африканских стран в топливе для транспорта, при этом без значительного ущерба для состояния воздуха и окружающей среды. Африканские страны постепенно расширяют рынок газомоторного топлива (лидером выступает Египет), но в большинство стран только начинают осваивать эту отрасль. Африка может стать крупнейшим рынком для реализации российского СПГ. Российские газовые компании также могли бы предложить африканским странам реализацию совместных проектов в области использования природного газа в качестве газомоторного топлива (ГМТ).

Наличие у России уникальных технологий в атомной и гидрогенерации позволяет развивать сотрудничество в направлении высокотехнологического строительства АЭС и ГЭС с дальнейшим их обслуживанием. В качестве российских уникальных экспортных технологий можно выделить: двухкомпонентную атомную энергетику на основе замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ) с реакторами на быстрых нейтронах, маломодульные атомные реакторы, линии электропередач высокого напряжения, высоковольтные вводы для распределительных электроэнергетических сетей.

Таким образом, наиболее перспективными направлениями сотрудничества в сфере энергетики могут стать проекты в области поставки СПГ, сооружения нефте- и газоперерабатывающей и нефтегазотранспортной инфраструктуры, геологоразведки и разработки нефтяных месторождений, локализации технологий и сервисной функции для нефтегазового оборудования, атомная и гидроэнергетика³⁴.

3. Создание и поддержание многосторонних форумов

Создание и поддержание многосторонних форумов в сфере энергетики на Африканском континенте становится всё более целесообразным в связи общностью возникающих проблем и совместным поиском решений.

Проведение многосторонних отраслевых форумов по примеру саммита в Санкт-Петербурге диктуется готовностью сторон «трансформировать отдельные достижения в системную многоплановую работу»³⁵.

Организация и проведение представительной сессии «Россия – Африка: от программных установок к практическим результатам» в рамках форума IX Примаковских чтений (ноябрь 2023 г.) позволили экспертам обсудить проблемы и перспективы российско-африканских отношений, определить перспективные направления сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в новых геополитических реалиях конкуренция за Африканский континент существенно возрастает, в связи с чем укрепление национальных позиций в регионе будет сопровождаться колоссальным противодействием со стороны стран Запада. Для России целесообразным считается планомерное выстраивание кооперационного взаимодействия в энергетической сфере. Системная поддержка, оказываемая сегодня государством отечественному бизнесу, способствует развитию конструктивного энергетического диалога со странами Африканского континента. ЭнергодIALOG по предложенному треку необходимо развивать и поддерживать посредством региональных и трансрегиональных механизмов интеграции [9].

По словам пресс-секретаря президента России Д.Пескова, «Россия развивает конструктивные отношения, основанные на взаимном уважении, на взаимном учете озабоченностей и проблем друг друга, со всеми странами Африки»³⁶. Это еще раз подтверждает национальную приверженность концепции полицентричности в системе международных отношений и стремление к включению в неё наибольшего числа независимых игроков для поддержания глобальной устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новак А.В. Энергетическая политика России: разворот на Восток. Энергетическая политика. 14.08.2023. <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (accessed 06.07.2023)

³³ МЭА. <https://www.iea.org/reports/africa-energy-outlook-2022> (accessed 06.07.2023)

³⁴ <https://tass.ru/interviews/18354309> (accessed 28.07.2023)

³⁵ Похороны неокOLONIALИЗМА. *Известия*. <https://iz.ru/1551682/oleg-karpovich/pokhorony-neokolonializma> (accessed 31.07.2023)

³⁶ <https://tass.ru/politika/18097471> (accessed 27.06.2023)

2. Маслов А.А. и др. Возвращение в Африку. Россия в глобальной политике. *Global Affairs*. 16.11.2021. <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-v-afriku/> (accessed 06.07.2023)
3. Путин В.В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего. 24.07.2023. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71719> (accessed 25.07.2023)
4. Исаев Л.М. Российское «возвращение в Африку»: неожиданность или закономерность? РСМД. <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskoe-vozvrashchenie-v-afriku-neozhidannost-ili-zakonomernost/> (accessed 07.07.2023)
5. Burnell M. Is “low-carbon” hydrogen a useful option for Africa’s energy needs? *White&Case*. <https://whitecase.com/publications/insight/africa-focus-summer-2022/low-carbon-hydrogen> (accessed 06.07.2023)
6. Африка 2023. Возможности и риски [Текст]: экспертно-аналитический справочник. А.А.Маслов, В.Ю.Свиридов и др.; под общ. ред. А.А.Маслова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 190 с. ISBN 978-5-7598-2903-4 (в обл.). ISBN 978-5-7598-2866-2 (e-book).
7. Дейч Т.Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь». *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 2. С. 118–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
8. Африка: непоплаченный долг колонизаторов. И.О.Абрамова, С.Н.Волков, В.В.Грибанова [и др.]. Москва: ИАФР РАН, 2023. 122 с.
9. Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения на новом старте. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, № 2, 2016. С. 203–214.

REFERENCES

1. Novak A.V. Energy policy of Russia: turn to the East. *Energy policy*. 14.08.2023. <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (accessed 06.07.2023). (In Russ.)
2. Maslov A.A. et al. Return to Africa. Russia in global politics. *Global Affairs*. 16.11.2021. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-v-afriku/> (accessed 06.07.2023)
3. Putin V.V. Russia and Africa: joining forces for peace, progress and a successful future. 24.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71719> (accessed 25.07.2023)
4. Isaev L. Russian “return to Africa”: surprise or regularity? RIAC. 31.08.2022. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskoe-vozvrashchenie-v-afriku-neozhidannost-ili-zakonomernost/> (accessed 07.07.2023)
5. Burnell M. Is “low-carbon” hydrogen a useful option for Africa's energy needs? *White & Case*. 26.05.2022. <https://whitecase.com/publications/insight/africa-focus-summer-2022/low-carbon-hydrogen> (accessed 06.07.2023)
6. Maslov A.A. et al. Africa 2023. Opportunities and risks [Text]: expert-analytical reference book. Moscow. 190 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2903-4 (reg.). ISBN 978-5-7598-2866-2 (e-book).
7. Deich T.L. 2020. Africa’s place in China’s One Belt, One Road initiative. *World economy and international relations*. V. 64. № 2. Pp. 118–127. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
8. 2023. Africa: the unpaid debt of the colonialists. I.O.Abramova, S.N.Volkov, V.V.Gribanova et al. Moscow. 122 p. (In Russ.)
9. Korendyasov E.N. 2016. The new start for Russian-African relations. *Bulletin of RUDN University. Series: International Relations*, Vol. 16, № 2. Pp. 203–214. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Серегина Антонина Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

Antonina A. Seregina, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of the World Economy, Diplomatic Academy, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.10.2023

Содержание журнала «Азия и Африка сегодня» за 2023 год

Автор(ы) и название статьи	№	Стр.
Андреева Л.А. Реализация возможностей как драйвер африканской экономической миграции в Европе	10	66–73
Андреева Т.А., Баринов А.К., Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка: новая глобальная архитектура	9	5–18
Ахматшина Э.К., Лученков И.Р. (Санкт-Петербург). «Великая рукотворная река» после свержения Муаммара Каддафи	7	49–57
Бабаев К.В., Поленова А.Л. Тайваньский кризис 2022 года: корейское измерение	7	26–32
Базаров Б.В., Актамов И.Г., Цыренов Ч.Ц. (Улан-Удэ). VII Международный форум Ассоциации экспертных центров России, Китая и Монголии: ключевые вопросы и перспективы сотрудничества	2	55–60
Балабейкина О.А., Кузнецов Л.М., Янковская А.А. (Санкт-Петербург). Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан	1	74–80
Богачева А.С. Меньшинства в современном Иране: стратегии «борьбы за идентичность»	4	45–53
Бони Л.Д. Китай: стратегия модернизации сельского хозяйства	10	15–25
Бочковская А.В. «Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сецессии в XXI веке	11	32–40
Буров В.Г. Программа социально-экономического развития Китая: к итогам XX съезда КПК	4	13–24
Бурова Е.С. Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы	9	45–52
Бутовская М.Л., Бутовский Р.О. Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро: устойчивое развитие и традиционность	1	57–65
Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман	3	5–20
Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы	5	5–16
Васильев А.А. Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем	10	34–44
Вахрушин И.В. Политика санкций и ограничений США в отношении Китая. Тактические контрмеры Пекина и потенциал стратегического противодействия	1	14–24
Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина	5	26–35
Вода К.Р. Кризис в российско-японских отношениях в 2022 г.	1	5–13
Волков С.Н., Дейч Т.Л. Роль и место Африки в формирующемся многополярном мире	7	68–71
Воронина Н.А. Африканский экзархат Русской православной церкви (РПЦ): причины создания и перспективы	3	63–69
Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка	11	23–31
Гавристова Т.М. (Ярославль). Постколониальность как реальность, постколониальный дискурс как фантом	7	72–78
Голубцова Е.В. Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники	9	19–26
Горбачев Б.Н. Борьба с коррупцией в армии КНР – важная составляющая работы по укреплению вооруженных сил страны. Часть 1	7	15–25
Горбачев Б.Н. Борьба с коррупцией в армии КНР – важная составляющая работы по укреплению вооруженных сил страны. Часть 2	8	12–22
Горелик Б.М. Перспективные направления изучения англо-бурской войны 1899–1902 гг.	2	61–64
Графов Д.Б. Неформальные отношения в Южной Корее на основе лояльности и иерархии	4	38–44

Автор(ы) и название статьи	№	Стр.
Грибанова В.В. «Русский в отряде коммандос» (к истории участия российских добровольцев в англо-бурской войне 1899–1902 гг.)	4	77–80
Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Структура «ООН-Женщины»: работа на африканском направлении	3	55–62
Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Гуманитарная деятельность международных структур в Африке. Некоторые аспекты	9	61–68
Данилова Л.Н. (Ярославль). Трансформация образования в Кот-д'Ивуаре: проблемы и перспективы	9	53–60
Демичев К.А. (Нижний Новгород). «День отважных детей»: сикхский вариант в общеиндийском контексте	3	70–76
Денисова Т.С., Костелянец С.В. Выборы 2023 года в Нигерии: смена политического руководства	6	21–29
Дёмина Я.В. (Хабаровск). Вьетнам и другие страны АСЕАН в период пандемии <i>COVID-19</i>	7	33–41
Долганова О.И. Сотрудничество стран Азии в области цифровой идентификации личности	7	42–48
Евтушенко А.В., Зуенко И.Ю. (Москва), Фоминых А.Е. (Йошкар-Ола). От побратимства городов к «парадипломатии макрорегионов»: поиск новых форм российско-китайского сотрудничества (к 10-летию межрегиональной программы «Волга–Янцзы»)	12	15–23
Елькина Е.А. Египетский феминизм: история, достижения и проблемы	12	50–57
Жерлицына Н.А., Мелконян Л.А. Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании	3	46–54
Жилина Л.В. (Омск). Япония: ядерные стрелки сдвинулись?	6	5–11
Жилина Л.В. (Омск). Япония: демографический кризис	12	33–40
Заклязьминская Е.О. Новые риски и угрозы в экономике Китая: последствия санкционного давления или попадание в «ловушку среднего дохода»?	8	23–31
Зарипова Л.Р. Индия на пути к независимости	9	78–81
Захарова Л.В. Американско-китайское технологическое противостояние как вызов внешнеэкономической стратегии Республики Корея	5	36–43
Изотов Д.А. (Хабаровск). Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации	10	5–14
Исаев Л.М. (Москва), Ильина А.М. (Санкт-Петербург). «Перестройка» по-нигерски: причины военного переворота 2023 г.	11	15–22
Какинъ О.И. (Санкт-Петербург). Незрелость как культурная ценность: культурно-социологическое исследование поклонников японских поп-звезд <i>айдору</i>	2	65–73
Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. ЭКОВАС: энергетическая и цифровая инфраструктура как фактор региональной интеграции и развития	7	58–67
Камышников Д.Н. Малайзия. Характеристика хозяйства в условиях перехода к модели экономики знаний	8	67–74
Кашин В.П. Между храмом и мечетью в Варанаси	4	54–59
Кашин В.П. Мамата Банерджи – лидер Бенгалии	8	32–41
Кириченко И.В., Шавлай Э.П. Индия: международное научно-техническое сотрудничество	2	34–41
Коваль А.Г., Кожевников И.И., Мосейчук М.А. (Санкт-Петербург). Водородные амбиции Китая: потенциальные возможности для РФ	2	14–24
Козлова А.А. Могольское наследие в Дели: манипуляции с топонимикой	2	48–54
Коледенкова Н.Н. Модернизация промышленного производства Китая	12	58–65
Коренев Е.С. (Саратов). Военно-политическая активность НАТО в Африке	12	66–73
Красова Е.В., Москальонова А.А. (Владивосток). Демографический кризис в Республике Корея: история, специфика, перспективы	11	71–79

Автор(ы) и название статьи	№	Стр.
Крылова Н.Л. Я – думашеда. И я – русская	6	77–81
Крылова Н.Л. «Французский язык – моя отчизна». (Габриэль Одизио). «Французский язык – моя чужбина» (Малек Хаддад)	10	78–81
Ксенофонтова Н.А. Традиционная африканская культура в контексте современности. Между архаикой и модернизацией	8	79–82
Курбак М.С. «Задушенное поколение»: южноафриканские писатели-эмигранты и их судьбы (1950–1960-е гг.)	4	69–76
К юбилею Р.Н. Исмагиловой	4	81
Лошкарёв И.Д. Диаспоральная политика Эфиопии: институциональное измерение	12	24–32
Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол?	2	5–13
Лузянин С.Г. Россия и Китай: партнерство расширяется	4	5–12
Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Международный коридор «Север – Юг»: транспортный проект или большая геополитика?	12	5–14
Львова Э.С. Новый сборник гендерной группы Института Африки РАН	3	77–78
Львова Э.С. Эфиопские мусульмане	10	74–77
Матвеевский С.С. Деятельность Азиатского банка развития по стимулированию инклюзивного экономического роста	4	30–37
Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1	7	5–14
Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2	8	5–11
Микаелян А.А. Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений	1	34–41
Мишин И.О. Альянс США, Японии, Филиппин: новый формат сдерживания КНР?	10	45–52
Мусалитина Е.А. (Комсомольск-на-Амуре), Бобышев С.В. (Хабаровск). Биоэтические проблемы демографической политики Китая: предпосылки и современность	1	25–33
Мязин Н.А. (Калуга). Христианство в Индии: от апостола Фомы до нашего времени	1	66–73
Мязин Н.А. (Калуга). Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Тропической Африки	10	59–65
Нефляшева Н.А. <i>Operation Safe Corridor</i> – программа дерадикализации исламистов в Нигерии в оценках современных африканских ученых	9	36–44
Памяти Леонида Леонидовича Фитуни	11	5
Панцерев К.А., Старостенко В.А. (Санкт-Петербург). Международная парламентская конференция «Россия – Африка»	5	44–47
Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. (Комсомольск-на-Амуре). Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: современные подходы к развитию региона	6	46–53
Погадаев В.А. Анвар Ибрагим – новый премьер-министр Малайзии	2	42–47
Подрезов М.А. Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка?	11	48–55
Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки	6	30–38
Прожогина С.В. Заметки о значении евроязычных литератур Азии и Африки	2	78–80
Прожогина С.В. Корни и крона (заметки на полях стихотворения Тахара Бекри)	8	75–78
Рогожина Н.Г. Сможет ли Россия укрепить свои стратегические позиции в Юго-Восточной Азии?	11	6–14
Савина З.С. (Севастополь). Направления внешней политики Германии в странах Африки	6	70–76
Савичева Е.М., Бребдани А.М. (Сирия). Фактор Китая в Северной Африке	2	74–77

Автор(ы) и название статьи	№	Стр.
Савичева Е.М., Катеренчук Д.В. Миротворческая миссия <i>UNIFIL</i> : «Голубые каски» на юге Ливана	6	39–45
Садовникова Я.О. Диалектика экономических реформ Н.Моди	6	12–20
Садовская Л.М. Эволюция парламентаризма в Африке в условиях общественной трансформации и становления многополярного мира	8	42–50
Семенова Н.К. Порты Тайваня – ключевая инфраструктура или интеграционный механизм воссоединения?	3	21–29
Серегина А.А. Энергетическое сотрудничество на Африканском континенте	12	74–81
Скубко Ю.С. Еще один Маркс	4	64–68
Старикова М.Н. Политика позитивной дискриминации в Индии: новые подходы к решению социально-экономических проблем	10	26–33
Степанько Н.Г. (Владивосток). Сбалансированная эколого-экономическая ситуация на трансграничных территориях России и Китая как основа долгосрочного сотрудничества	5	17–25
Ткаченко А.А. История российско-эфиопских отношений до 1917 года	5	77–79
Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 2	5	56–64
Турьинская Х.М. Камерун: проблемы национального развития	8	51–59
Урнов А.Ю. Второй саммит США – Африка (13–15 декабря 2022 г.)	2	25–33
Файн Е.В. Феномен «куволюций» в странах Африки	10	53–58
Федоров Н.В. (Санкт-Петербург). Вьетнам и Южная Корея – новые партнеры в сфере обороны	11	56–62
Филимонова А.Л. <i>Панджабият vs «Панджабистан»</i> : специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана)	12	41–49
Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах	5	65–73
Фурсов К.А. Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций?	3	37–45
Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство	9	27–35
Харитоновна Е.В. Первая Международная конференция Монгольской федерации научных работников	4	60–63
Хохолькова Н.Е. Феномен нации и его трансформация в постколониальном мире	5	74–76
Хромова Н.Г. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве	6	62–69
Чернева Т.С. (Санкт-Петербург). Военно-блоковая политика западных держав в АТР	9	69–77
Чуванкова В.В. Частный бизнес в экономике КНР после XX съезда КПК	11	41–47
Шапошников С.В., Садои Ю. (Япония). Япония. Меры поддержки государством цифровой трансформации малых и средних предприятий	1	42–48
Шелковников А.И. Эволюция политики безопасности ОАЭ в отношении конфликта в Йемене	8	60–66
Шубин В.Г. Дождались? (К итогам 55-й Национальной конференции АНК)	4	25–29
Cheng Guo (КНР). The State Governance in the Coming Digital Age: Implications for China	11	63–70
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Russia's Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications	5	48–55
Gabriel Joel P. Honrada, Daniyal Ranjbar (Iran). Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT Analysis	3	30–36
Singuwa Chimuka (Zambia), Svetlana A. Bokeriya (Russia). SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa	1	49–56
Stephen O. Idahosa, Solomon I. Ikhidero, Blessing C. Egesi (Nigeria). Regional Security and Threat Dynamics: Lake Chad Region in Perspective	6	54–61